

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

На правах рукописи

Веревкина Ирина Николаевна

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

**В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ С.Ю. ВИТТЕ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент

Шнейдер Константин Ильич

Пермь – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
I глава. Образы российской монархии в восприятии С.Ю. Витте	39
§ 1. Институциональные образы российской монархии	39
§ 2. Персонифицированные образы российской монархии	70
II глава. Образы властных институтов в интеллектуальном наследии С.Ю. Витте	98
§ 1. Институты власти до 1905 г.: Государственный совет, министерства, Комитет министров	98
§ 2. Властные институты после октября 1905 г.: Совет министров, Государственная дума и политические партии.....	121
III глава. Авторефлексия публичного политика	149
§ 1. Идентичность Витте в «допремьерский» период	149
§ 2. «Самопроизводство» образов Витте – «премьера» и «отставного сановника»	170
Заключение.....	195
Список источников и литературы.....	203

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Рубеж XIX – XX вв. – особый период в истории, который можно охарактеризовать как эпоху глобальных трансформаций. Результаты модернизационных процессов, затронувших различные сферы общественной жизни, достаточно ярко проявились в области политики и государственного управления. Политические и социально-экономические реформы, развитие технологий, порождавших появление новых каналов коммуникаций, рост числа периодических изданий и увеличение количества грамотного населения – все это способствовало расширению границ публичной сферы и возникновению пространства публичной политической коммуникации.

Сергей Юльевич Витте – яркий представитель властных кругов Российской империи рубежа XIX – XX вв. Он был одним из первых имперских бюрократов, демонстрировавших элементы публичного политического поведения¹. Чиновник обладал невероятно современным пониманием феномена публичности политического деятеля: влияние на общественное мнение он воспринимал неотъемлемой частью политики и условием нахождения политика во власти, а собственная популярность в общественном мнении беспокоила его ничуть не меньше, чем успех в бюрократической карьере².

Особый интерес к истории России рубежа XIX – XX вв. прослеживается со стороны академического сообщества. В настоящее время реализуются исследовательские проекты, проводятся научные мероприятия, публикуются монографии и статьи, посвященные различным дискуссионным вопросам истории Российской империи рубежа XIX – XX вв. Перечень проблемных вопросов, которые интересуют современных историков,

---

¹ Кирьянов И.К. «Номо politicus» и публичный политик в России начала XX века // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2004. – №3. – С. 74.

² Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – М., 2017. – С. 9.

достаточно обширный: начиная с различных аспектов модернизации России, заканчивая исследованиями политических слухов и сатирической графики.

Данный период находится в фокусе внимания авторов разнообразных научно-популярных проектов (в том числе научно-популярной литературы). Достаточно большую заинтересованность в работе с прошлым проявляет государство. Сюжеты, связанные с событиями и персоналиями отечественной истории рубежа XIX – XX вв. значимы для исторической политики, а также современных политических и культурных практик.

Необходимо отметить, что интерес к позднеимперскому периоду представлен достаточно неравномерно. Несмотря на то, что методологические повороты в гуманитарных науках оказали огромное влияние на историческую науку, существенно расширив ее проблемное поле и инструментарий исследований, вне фокуса внимания ученых остается достаточное количество сюжетов. Институциональные и персонифицированные образы власти в интеллектуальном наследии Витте прежде не удостоивались пристального внимания со стороны академического сообщества.

Диссертационное исследование сфокусировано на малоизученной научной проблеме – анализе образов власти Российской империи рубежа XIX – XX в. в мемуарах и эго-документах Витте. Особое внимание будет уделено процессам конструирования и трансформации институциональных и персонифицированных образов власти, поскольку изучение кризисных явлений и противоречий внутри политической системы невозможно без обращения к данным сюжетам. Обращение к проблематике репрезентации власти позволит детально проанализировать глубинные процессы трансформации рубежа XIX – XX вв., затронувшие все сферы общественной жизни.

Объектом исследования является политико-институциональное пространство России в позднеимперский период. **Предметом** – репрезентации образов властных институтов и политических элит

Российской империи рубежа XIX – XX вв. в контексте интеллектуального наследия С.Ю. Витте.

Хронологические рамки данной работы охватывают временной период, начинающийся с назначения Витте на должность начальника Департамента железнодорожных дел при Министерстве финансов, т.е. с 1889 г. и заканчивающийся 1915 г.– годом смерти отставного сановника.

Территориальные рамки исследования соответствуют границам Российской Империи с 1889 по 1915 гг.

Степень изученности проблемы. Репрезентации образов властных институтов и политических элит в мемуарах и эго-документах Витте являются актуальными научными проблемами, недостаточным образом изученными в историографии. Специфика исследовательского вопроса предполагает проблемный принцип классификации историографии, согласно которому можно выделить три проблемно-тематических блока.

В первый блок входят работы, посвященные перформативности и образам власти. «Перформативный поворот» (performative turn) представляет собой новаторское концептуальное направление, которое позволило обнаружить не исследованные ранее практики в рамках различных научных направлений. Благодаря становлению и развитию «перформативного поворота» то, что ранее не попадало в исследовательскую оптику ученого, может стать самостоятельным объектом изучения. Перформативный поворот в качестве исследовательской парадигмы отличает практическое измерение производства культурных символов и опыта.

Среди работ, посвященных становлению перформативного поворота как междисциплинарной исследовательской парадигмы и его терминологическому аппарату, а также теоретическим основам можно выделить исследования П. Берка³, Э. Доманска⁴ и Д. Бахманн–Медик⁵.

---

³ Берк П. «Перформативный поворот» в современной историографии // Одиссей: человек в истории. 2008. – М., 2008. – С. 337-354.

Немецкий культуролог Д. Бахманн-Медик в своей обобщающей работе анализирует перформативный поворот, как один из «поворотов» в науках о культуре. Она высказывает тезис о том, что для исследовательской парадигмы перформативного поворота характерно критическое осмысление подходов, проработанных в контексте лингвистического поворота. В отличие от лингвистического, в перформативном повороте важен не текст и его интерпретации, а перформанс и перформативные практики. Для перформативного поворота крайне важны такие категории, как вещественность и телесность, трансформации культуры и материальность. Перформативный поворот занимается проработкой следующих вопросов: как воспроизводится и изображается реальность, какие практики стоят за политическими, религиозными, спортивными, театральными и другими представлениями. В границах перформативного поворота исследователи воспринимают культуру как перформативный концепт (формула «культура как текст» заменяется на формулу «культура как перформанс»), т.е. переходят от анализа символов к анализу социальных практик⁶.

Особое внимание необходимо сосредоточить на научных трудах, авторы которых активно использовали инструментарий перформативного поворота, т.е. ключевых работах, обусловивших становление перформативного поворота как междисциплинарной исследовательской парадигмы.

Начать обзор необходимо с монографии американского философа К. Берка «Грамматика мотивов». Согласно новаторскому исследовательскому подходу, в академический дискурс вводятся пять показателей (rhetorical elements), благодаря которым возможно проанализировать мотивы и действия субъекта в любой драматической ситуации. Эти пять терминов –

---

⁴ Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки. – М., 2011. – С. 226-235.

⁵ Бахманн- Медик Д. Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре. – М., 2017.

⁶ Там же. – С. 122-169.

сцена (scene), агент (agent), действие (act), средство/инструмент (agency) и цель (purpose) – образуют драматургическую пентад (dramatistic pentad)⁷.

Благодаря работе британского антрополога В. Тернера, для анализа трансформаций социальных отношений, в научный оборот был введен термин «социальная драма». По убеждению автора, склонность к конфликтам – одно из наиболее примечательных свойств социальной жизни⁸, а социальные драмы являются единицами гармоничного или дисгармоничного процесса, возникающего в конфликтных ситуациях⁹. Социальные драмы состоят из четырех основных этапов (фаз), доступных для общественного наблюдения – это нарушение общественных отношений; нарастающий кризис; восстановительные действия и временная кульминация (реинтеграция потревоженной социальной группы или легитимация непоправимого раскола между сторонами конфликта)¹⁰.

Важное значение для performance studies имела теория управления впечатлением (impression management) американского социолога И. Гофмана, согласно которой человек предстает как творец образов. Ученый разбирает социальные коммуникации с позиции детального анализа драматических спектаклей: в процессе взаимодействия люди ведут себя аналогично исполнителям на сцене, применяя фон и декорации как инструмент для конструирования определенного образа. По его мнению, люди самостоятельно конструируют собственные образы в соответствии со своими целями, при этом социальные роли аналогичны театральным ролям¹¹.

Благодаря монографии американского антрополога К. Гирца, посвященной государству на Бали XIX в., термин «театральное государство» («Theatre State») вводится в академический дискурс. Под театральным государством автор подразумевает государство, в котором придворный

---

⁷ Burke K. A Grammar of Motives. – N.Y., 1945.

⁸ Turner V. Dramas, fields, and metaphors symbolic action in human society. – Ithaca, 1975. – P. 33.

⁹ Ibid. – P. 37.

¹⁰ Ibid. – P. 38-42.

¹¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М., 2000.

церемониал был движущей силой придворной политики: власть служила помпезности, а не помпезность власти («Power served pomp, not pomp power»¹²). «Грандиозные кремации, опилки зубов, храмовые посвящения, паломничества и кровавые жертвоприношения, мобилизующие сотни и даже тысячи людей и огромные богатства, не были средством достижения политических целей: они были самими целями, они были тем, для чего существовало государство», – утверждал автор¹³.

Анализируя становление перформативного поворота как междисциплинарной исследовательской парадигмы, нельзя обойти стороной «теорию речевых актов» британского философа Дж. Остина. Он рассмотрел высказывания конкретного типа, такие как «я клянусь», «я обещаю», «сим объявляю». Данные высказывания не характеризуют какие-либо факты или явления, а, напротив, сами создают данные факты лишь актом их воспроизведения вслух, т.е. это высказывания, эквивалентные действию¹⁴. Такие высказывания Остин называл «перформативами». Важно подчеркнуть, что перформативами являются глаголы в первом лице единственного числа. Для них не имеет значение правдивость или вымысел сказанного: перформативы сами становятся реальностью. Среди примеров можно привести приказы, клятвы, предупреждения, обещания и т.п. Перформативы не отражают реальность, а существенно изменяют ее, устанавливая нормы и правила, оказывают социально значимые эффекты¹⁵.

М.М. Бахтин через призму творчества Ф. Рабле анализировал проблему народной смеховой культуры Возрождения и Средневековья. Автор классифицировал многообразные проявления народной смеховой культуры следующим образом: обрядно-зрелищные формы (празднества карнавального типа), словесные смеховые произведения разного рода (устные и

---

¹² Geertz C. Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. – Princeton, 1980. – P. 13.

¹³ Ibid.

¹⁴ Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила. Философские работы. – СПб, 2006. – С. 263.

¹⁵ Там же. – С. 264.

письменные, в том числе пародийные) и различные формы фамильярно-площадной речи (ругательства, клятвы и др.). Несмотря на свою разнородность, эти три вида форм многообразно переплетаются друг с другом и образуют единый смеховой аспект мира¹⁶. Бахтин противопоставляет празднества карнавального типа (организованные на начале смеха) серьезным официальным (церковным и феодально-государственным) церемониалам и делает вывод о двойном аспекте восприятия мира и человеческой жизни¹⁷. В концепции Бахтина, карнавал – это не художественная театральнo-зрелищная форма, а реальная (но временная) форма самой жизни, которую не просто разыгрывали, а в которой жили почти на самом деле (на срок карнавала). Карнавал всенароден, он не знает разделения на исполнителей и зрителей¹⁸.

Согласно исследовательскому подходу советского семиотика Ю.М. Лотмана, для того, чтобы объяснить логику поступков литературных героев или людей из прошлого, необходимо воспроизвести как они жили, какой мир их окружал, каковы были их общие и нравственные представления, служебные обязанности, обычаи и одежда¹⁹. Он характеризовал будничные ритуалы русских дворян XVIII в. как «разыгрывание европейской жизни». Образцом и примером для русских дворян являлись нормы и принципы высокого искусства, а не образ действий «чудака и крестьянина». Меч означал принадлежность к привилегированному дворянскому сословию и символизировал свободного человека. Для дворян также были характерны определенные правила поведения, моральные принципы и даже определенная форма одежды. Лотман пришел к выводу о том, что русские дворяне XVIII в. стали актерами вследствие официального курса на

---

¹⁶ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – СПб., 2021. – С. 11.

¹⁷ Там же. – С. 12-13.

¹⁸ Там же. – С. 15.

¹⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). – СПб., 2022. – С. 12.

вестернизацию, что вынуждало их воплощать собой определенные, ранее не свойственные им образы, а также регулярно следить за своим поведением²⁰.

Перу австралийского лингвиста А. Вежбицкой принадлежит концепция культурно-обусловленных сценариев. Cultural scripts (культурно обусловленные сценарии) – это короткие высказывания, благодаря которым можно проанализировать неявные культурные нормы какого-либо общества/комьюнити и проинтерпретировать данные культурные нормы в общепринятой для широкого сообщества терминологии. Например, при помощи культурно-обусловленных сценариев находят отражения такие неписанные нормы как, например, то, как общаться с другими людьми, как думать и чувствовать, как выделяться среди других людей и т.п. Аналогичные нормы являются уникальными для данного сообщества. Для анализа и интерпретации культурно-обусловленных сценариев она ввела в научный оборот «язык семантических примитивов», при помощи которого данные сценарии становятся доступными для понимания представителями различных культур²¹.

Двухтомная монография американского историка Р. Уортмана посвящена исследованию роли символических репрезентаций в возвышении и сохранении российской монархии²². Хронологические рамки исследования затрагивают период с начала правления Петра I до падения российской монархии. Он описывает российскую монархию имперского периода, как театр власти, в котором исполнялся спектакль, преимущественно для самих властвующих²³. В исследовательском подходе Уортмана для описания индивидуальных способов презентации императорского мифа используется

---

²⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 12.

²¹ Вежбицкая А. «Культурно-обусловленные сценарии»: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. – 1999. – №2. – С. 112-132.

²² Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – М., 2002; Он же. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – М., 2004.

²³ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1. – С. 20.

термин «сценарий»²⁴. Сценарий власти представляет собой не серию отдельных драм, а единую многоактную драму, а также вводит конкретные события в исторический контекст²⁵. Одна из исследовательских задач автора – выявление трансформаций политических мифов в сценариях власти в зависимости от конкретного исторического контекста²⁶. Данная работа стала одним из первых опытов погружения в символическое пространство власти и пробудила интерес к дальнейшей разработке проблематики образов власти.

Помимо Р. Уортмана необходимо также упомянуть работу российского историка Б.И. Колоницкого²⁷, посвященную репрезентации образов семьи императора Николая II в период Первой мировой войны. Колоницкий во многом опирался на исследовательский подход Уортмана, однако, трактовал его немного иначе. Если Уортман акцентировал внимание на фигурах непосредственных творцов образов власти, то Колоницкий отмечал безусловную важность восприятия данных образов зрителями и анализ вероятных искажений первоначально задуманных образов.

Проблематике репрезентации российской монархии также посвящена работа британского историка Л. Хьюз²⁸. Благодаря оригинальному исследовательскому подходу, автор анализирует историю Российской империи в оптике личной истории императоров дома Романовых.

Также заслуживает отдельного внимания исследование международной группы ученых²⁹, в котором анализируется взаимосвязь между образами имперской власти, политическим воображением, реалиями поддержания данной власти и конкретными действиями государства.

---

²⁴ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1. – С. 22.

²⁵ Там же. – С. 27.

²⁶ Там же.

²⁷ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М., 2010.

²⁸ Hughes L. The Romanovs: Ruling Russia, 1613-1917. – London, 2008.

²⁹ Burbank J., Von Hagen M., Remnev A. (eds.). Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. – Bloomington, 2007.

Исследование С.И. Григорьева³⁰ посвящено анализу практической деятельности института придворной цензуры Министерства императорского двора по регулированию процессов создания и репрезентации образов верховной власти.

Российский историк, исследователь проблематики символических репрезентаций и коммуникации в трансляции образов власти, М.А. Бойцов включил в академический дискурс термин «потестарная имагология», который ориентирован на образы власти, возникающие, распространяющиеся, трансформирующиеся и исчезающие в ходе символической коммуникации между правителями и их подданными³¹.

Российский историк К.А. Соловьев доказал тезис о всесильности российской бюрократии на рубеже XIX – XX вв.: несмотря на то, что император находился в центре политической системы Российской империи, он действовал в весьма узком коридоре возможностей, фактически власть принадлежала бюрократической корпорации. По мнению ученого, представления о самодержавной власти – это фикция и своего рода «ширма», которая обеспечивала стабильность монархического режима на закате его существования³². Давая характеристику особенностям российской политической системы рубежа XIX – XX вв., исследователь выдвинул тезис, что политический режим Российской империи строился вокруг мифа о безграничной власти государя, защищавшего бедных и слабых и ограничивавшего произвол сильных³³. По мнению историка, мифологический образ самодержавной власти жил своей жизнью, явно расходясь с политической и административной реальностью³⁴: император

---

³⁰ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти. – СПб., 2007.

³¹ Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. – М., 2009. – С. 14-15.

³² Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – М., 2018. – С. 70.

³³ Там же.

³⁴ Там же. – С. 36.

действовал в достаточно узком коридоре возможностей, однако он был безусловным центром всей политической системы Российской империи³⁵.

В монографии американского антрополога А. Юрчака исследуется советская система периода позднего социализма, полная внутренних сдвигов, противоречий, парадоксов, непредсказуемости и неожиданных возможностей (включая возможность довольно быстро разрушиться при введении определенных условий)³⁶. Новаторский исследовательский подход автора предполагает использование нового аналитического языка, который не сводит описание позднего социализма на уровень бинарных оппозиций подавление / сопротивление; конформизм / нонконформизм и т.п.³⁷ Использование нового аналитического языка необходимо для анализа внутренних трансформаций советской системы, которые долгое время оставались скрытыми для общества и для политических лидеров, но благодаря которым зрели условия, сделавшие возможным обвал советской системы.

Во второй блок исследований входят работы обобщающего характера, посвященные Российской империи рубежа XIX – XX вв., в которых анализируются различные аспекты проблематики функционирования властных институтов.

Внутренняя политика российского самодержавия в конце 1880-х гг. – первой половине 1890-х гг. анализируется в монографии советского историка П.А. Зайончковского³⁸. Взаимосвязь между политическими реформами и революционным процессом перед началом Первой русской революции и в течение 1905 г. раскрывается в работе Р.Ш. Ганелина³⁹. Кризису

---

³⁵ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 70.

³⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М., 2014. – С. 37.

³⁷ Там же. – С. 46.

³⁸ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). – М., 1970.

³⁹ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. – СПб., 1991.

самодержавия накануне революции 1905 г. посвящена статья Л.Г. Захаровой⁴⁰. Деятельность Совета министров в 1905-1907 г. рассматривается в труде Н.Г. Королевой⁴¹. Анализу политики буржуазных партий в 1905-1917 гг. посвящена монография В.И. Старцева⁴². В исследовании А.М. Давидовича раскрываются экономические и социально– политические основы российского самодержавия последних десятилетий его существования, затрагивается проблематика эволюции самодержавия в период реформ 1905-1906 гг.⁴³. Идеология российского самодержавия второй половины XIX в. анализируется в работе В.А. Твардовской⁴⁴.

Истории дипломатии Российской империи рубежа XIX – XX вв., посвящены обобщающие работы В.И. Бовыкина⁴⁵, О.Р. Арайпетова⁴⁶, А.В. Игнатъева⁴⁷, а также монография Б.А. Романова⁴⁸.

О специфике российского парламентаризма писали российские историки И.К. Кирьянов и М.Н. Лукьянов⁴⁹, И.В. Лукоянов⁵⁰. Парламентской деятельности политических партий в Российской империи посвящена работа политолога З.М. Зотовой⁵¹. Перу И.К. Кирьянова принадлежит монография

---

⁴⁰ Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. – 1972. – №8. – С. 119-140.

⁴¹ Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров в России 1905-1907 гг. – М., 1982.

⁴² Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). – Л., 1977.

⁴³ Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М., 1975.

⁴⁴ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. – М., 1978.

⁴⁵ Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. по 1917 г. – М., 1960.

⁴⁶ Арайпетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М., 2006.

⁴⁷ Игнатъев А.В. Внешняя политика России в конце XIX - начале XX века. (Россия перед вызовами новой эпохи). – М., 2011.

⁴⁸ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. – М.; Л., 1955.

⁴⁹ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917. – Пермь, 1995.

⁵⁰ Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма. – СПб., 2003.

⁵¹ Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. – М., 2006.

об опыте становления в России феномена публичного политика⁵². Избирательной системе Российской империи посвящено исследование О.Г. Малышевой⁵³. Деятельность Комитета министров анализируется в работе А.В. Ремнева⁵⁴. В монографии Е.В. Мурашевой рассматривается эволюция понятия «политический центризм», начиная с дореволюционного периода и заканчивая современной Россией⁵⁵.

В фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова⁵⁶ анализируется целый комплекс социальных проблем Российской империи. Теоретико-методологическим подходам к изучению социально-исторических изменений, основным этапам эволюции и проблемам модернизационного подхода посвящена монография И.В. Побережникова⁵⁷.

Исследование британского историка Д. Ливена⁵⁸ посвящено краху Российской империи, автор изучает особенности имперской организации политического пространства. Деятельность императора Николая II в годы первой русской революции рассматривается в работе Э. Вернера⁵⁹.

Важное место занимает статья о взглядах чиновничества на бюрократическую империю российского историка К.А. Соловьева⁶⁰, а также монография этого же автора, посвященная функционированию политической

---

⁵² Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. – Пермь, 2006.

⁵³ Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905-1917. – М., 2018.

⁵⁴ Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2010.

⁵⁵ Мурашева Е.В. Центризм как общественно-политическое явление. – М., 2010.

⁵⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 2003.

⁵⁷ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006.

⁵⁸ Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. – М., 2017.

⁵⁹ Verner A. The crisis of Russian autocracy: Nicolas II and the 1905 revolution. – Princeton, 1990.

⁶⁰ Соловьев К. А. Бюрократия versus бюрократия: парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX веков // НЛО. – 2017. – №2. – С. 113-121.

системы Российской империи в 1881-1905 гг.⁶¹ В новейшей монографии Д.А. Андреева⁶² исследуется проблематика «длинного 1894 г.», периода, в котором произошла последняя передача верховной власти от одного императора к другому.

Отдельного упоминания заслуживают новейшие диссертационные исследования: докторская диссертация Д.А. Андреева⁶³ и кандидатская С.С. Новосельского⁶⁴.

К третьему блоку относятся работы, в которых изучаются различные аспекты жизни и деятельности Витте: работы биографического характера, работы, посвященные различным аспектам экономических преобразований Витте, его политической деятельности, жизни после отставки. Отдельного рассмотрения требуют исследования, посвященные мемуарам.

Если выстраивать историографический обзор по хронологическому принципу, следует отметить, что в досоветской историографии об экономической политике Витте писал П.П. Мигулин⁶⁵. Среди советских историков, анализировавших деятельность сановника, были М.Н. Покровский⁶⁶, Е.В. Тарле⁶⁷, Б.А. Романов⁶⁸. Особый интерес экспертов к фигуре Витте был отмечен в период перестройки. В качестве значимых

---

⁶¹ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – М., 2018.

⁶² Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. – СПб., 2022.

⁶³ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894-1904 годах: дис. ... докт. ист. наук. – М., 2022.

⁶⁴ Новосельский С.С. Правительственные проекты преодоления революционного кризиса в 1905 г. в России: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2019.

⁶⁵ Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893-1902). – Харьков, 1902.

⁶⁶ Покровский М.Н. Предисловие. // Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. – Л. 1924, Т. I. – С. 3-7.

⁶⁷ Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. – М., 1958. – С. 509-566.

⁶⁸ Романов Б.А. Витте как дипломат (1895-1903 гг.) // Вестник Ленинградского университета. 1946. – №4-5. – С. 150-172.

исследований можно выделить монографии Л.Е. Шепелева⁶⁹ и А.В. Игнатьева⁷⁰, а также сборник «исторических портретов» А.П. Корелина⁷¹, в котором один из «портретов» посвящен Витте.

Заметный вклад в историографию внесли работы советских и российских историков Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина. Их перу принадлежит не один десяток работ, посвященных различным аспектам государственной деятельности Витте⁷².

В 1990-х – 2000-х гг., в связи с политической и экономической конъюнктурой и ее следствием, – возросшим интересом к проблемам реформирования, как экономического, так и политического характера появились исследования В.Г. Сироткина⁷³, Г.Е. Мироновой⁷⁴, Л.И. Абалкина⁷⁵, М.И. Долаковой⁷⁶, Т.Н. Жуйковой⁷⁷ о Витте как о выдающемся реформаторе. Особого внимания заслуживают биографические работы, – это монографии С.Д. Мартынова⁷⁸ и уже упомянутых авторов Ананьича и Ганелина⁷⁹. Отдельного внимания заслуживает статья Д.А. Андреева, посвященная отражению отставки Витте с должности министра финансов и

---

⁶⁹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1981.

⁷⁰ Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М., 1989.

⁷¹ Корелин А.П. С.Ю. Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. – М., 1991. – С. 8-48.

⁷² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р. А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания "охранителей" в 1881-1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. – Л: Наука, 1971. – С. 299-326; Они же. И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте – корреспонденты «Московских новостей» // Проблемы общественной жизни и экономическая политика России XIX – нач. XX веков. – Л., 1972. – С. 12-33; Они же. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. – 1990. – №8. – С. 32-53.

⁷³ Сироткин В.Г. Великие реформаторы России. – М., 1991.

⁷⁴ Миронова Г.Е. Сергей Юльевич Витте // Преподавание истории в школе. – 1995. – №4. – С. 17-21.

⁷⁵ Абалкин Л.И. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте. – М., 1999.

⁷⁶ Долакова М.И. Социально-экономические реформы С.Ю. Витте, 1892-1903 гг.. – СПб., 2005.

⁷⁷ Жуйкова Т.Н. Экономическая концепция С. Ю. Витте на рубеже XIX – XX вв. – Воронеж, 1997.

⁷⁸ Мартынов С.Д. Государство и экономика: система Витте. – СПб., 2002.

⁷⁹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб., 2000.

его назначению на должность председателя Комитета министров в политических слухах⁸⁰.

Среди англоязычной историографии необходимо выделить несколько монографий американских историков. Исследование Т. фон Лауэ, посвящено особому этапу российской экономической политики – «системе Витте»⁸¹. Биографическая работа С. Харкэйва⁸² затрагивает жизнеописание известного государственного деятеля. Монография Ф. Вчисло⁸³ посвящена анализу истории России позднеимперского периода через призму жизни и государственной службы Витте.

В 2012 г. вышел первый том «На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие Российской государственности»⁸⁴. Издание содержит ранее неопубликованный текст монографии М.К. Лемке (завершенный в 1920 г.), а также комментарии ученых. Работа фокусируется на исследовании деятельности Витте в создании «Святой дружины» как политического института Российской империи времен начала царствования Александра III. Второй том, опубликованный в 2014 г. содержит статьи исследователей, посвященные проблематике взаимоотношений Витте с его современниками⁸⁵.

В 2015 г. в год столетия со дня смерти Витте в Санкт-Петербурге прошла конференция, на которой обсуждались вопросы, связанные с самыми разными проблемами реформаторского опыта России на рубеже XIX – XX вв., по итогам работы конференции был опубликован сборник статей⁸⁶. В

---

⁸⁰ Андреев Д.А. Правительственная «Перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – №2 (1). – С. 208-215.

⁸¹ Von Laue T. H. Sergei Witte and the industrialization of Russia. – N.Y.; London, 1963.

⁸² Harcave S. Count Sergei Witte and the twilight of Imperial Russia. – N.Y.; London, 2004.

⁸³ Wcislo F. Tales of imperial Russia. The life and times of Sergei Witte, 1849-1915. – Oxford, 2011.

⁸⁴ На изломе эпох. Вклад С.Ю. Витте в развитие Российской государственности. Исследования и публикации. – Т. 1.: М. Лемке. Святая дружина Александра III. Тайное общество борьбы с крамолой 1881-1882 годы. По неизданным документам. – СПб., 2012.

⁸⁵ На изломе эпох. Вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации. – Т. 2. С.Ю. Витте и его современники. – СПб., 2014.

⁸⁶ Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. ст. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., 2018.

2019 г. в год 170-летия со дня рождения Витте появилась коллективная монография, посвященная различным аспектам многогранной деятельности Витте: начиная от сферы государственного строительства и заканчивая его отношениями с периодической печатью⁸⁷.

Деятельность Витте была затронута и в диссертационных исследованиях, за последние десятилетия были защищены несколько кандидатских диссертаций. Работа С.В. Самонова посвящена оценкам политики министерства финансов под руководством Витте в общественном мнении Российской империи⁸⁸. К.В. Гаврилов исследует влияние общественного мнения на государственную деятельность Витте⁸⁹. В диссертации Э.О. Сагинадзе анализируются образы отставного реформатора, циркулировавшие в общественном мнении Российской империи в 1906-1915 гг.⁹⁰.

Среди новейших исследований отдельного упоминания заслуживают и другие работы Сагинадзе, – это монография, исследовательский фокус которой сосредоточен на образах Витте в отставке⁹¹ и альбом сатирической графики⁹².

Необходимо подробно рассмотреть научные труды, посвященные интеллектуальному наследию Витте. Одной из первых советских научных работ о мемуарах Витте можно считать вышедшую в 1963 г. статью вышеупомянутых историков Ананьича и Ганелина «Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915

---

⁸⁷ Государственная и финансово-экономическая деятельность С.Ю. Витте (К 170-летию со дня рождения) / под ред. С.Д. Борунова. – СПб., 2019.

⁸⁸ Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008.

⁸⁹ Гаврилов К.В. С. Ю. Витте и общественное мнение об его государственной деятельности: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

⁹⁰ Сагинадзе Э.О. Образы отставного сановника: С. Ю. Витте и общественное мнение (1906-1915 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2013.

⁹¹ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – М., 2017.

⁹² «Глава праВИТТЕльства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905-1908 годов. [Альбом карикатур] / Авт.-сост. Э.О. Сагинадзе; науч. ред. А.А. Россомахин. – СПб., 2020.

гг.)»⁹³. В ней на основе анализа большого количества исторических источников «Воспоминания» рассмотрены в связи с политической борьбой, которую автор мемуаров вел в печати в 1907-1915 гг. Позднее этими авторами была издана монография «С.Ю. Витте – мемуарист»⁹⁴.

В 1970-е гг. появились две работы, непосредственно посвященные исследованию мемуаров. Это публикация А.Л. Сидорова⁹⁵, а также кандидатская диссертация М.А. Ткаченко⁹⁶.

Истории личного архива Витте (фонда № 1622, хранящегося в Российском государственном историческом архиве) посвящены статьи М.А. Ткаченко⁹⁷ и Б.М. Витенберга⁹⁸.

Среди недавних работ можно выделить небольшие статьи П.Л. Карабущенко и А.Г. Голикова. В статье Карабущенко⁹⁹ рассматривается репрезентация образов российских политических элит на страницах мемуаров Витте. Автор делает вывод об их недостаточной изученности в элитологии. Новейшая статья Голикова¹⁰⁰ посвящена публикациям и публикаторам «Воспоминаний» Витте.

Таким образом, проанализировав имеющуюся историографию, можно сделать ряд выводов. В историографии не наблюдается дефицита работ

---

⁹³ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения СССР. – 1963. – Т.5. – С. 298-374.

⁹⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С. Ю. Витте – мемуарист. – СПб., 1994.

⁹⁵ Сидоров А.Л. К вопросу о характере текста и источников «Воспоминаний» С.Ю. Витте // Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1970.

⁹⁶ Ткаченко М.А. «Воспоминания» С.Ю. Витте: Вопросы источниковедческого анализа: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979.

⁹⁷ Ткаченко М.А. Фонд С. Ю. Витте в ЦГИА СССР и задачи критики «Воспоминаний» С. Ю. Витте // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – М., 1977. – С. 186-197.

⁹⁸ Витенберг Б.М. К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1985. – Т. XVII. – С. 248-260.

⁹⁹ Карабущенко П.Л. Имперские элиты России в воспоминаниях графа С.Ю. Витте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – №87. – Ч.2. – С. 16-19.

¹⁰⁰ Голиков А.Г. Воспоминания С.Ю. Витте: публикации и публикаторы // Российская история. – 2021. – №6. – С. 159-167.

обобщающего характера, посвященных Российской империи рубежа XIX – XX вв., в которых так или иначе затрагивается феномен власти. Исследования обобщающего характера посвящены самым разным аспектам политического, экономического, социального развития Российской империи на рубеже веков. Анализируя работы, посвященные перформативности и образам власти, стоит отметить, что феномен образов власти в различных его аспектах достаточно хорошо проработан исследователями.

Персонифицированная историография Витте, а также различных аспектов его жизни и деятельности богата и обширна. Эта тема всегда оставалась актуальной для историков, поэтому за более чем сто лет, прошедших с момента смерти, о нем было написано огромное количество работ, которое трудно поддается подсчету. Что же касается мемуаров и прочих документов Витте, то здесь наблюдается определенный дефицит экспертного внимания. Безусловно в исследованиях, посвященных различным аспектам деятельности Витте, его мемуары рассматривались, но все же как «второстепенные», по сравнению с его разносторонней экономической и политической деятельностью. В историографии недостаточно работ, посвященных анализу «Воспоминаний» и эго-документов Витте как источников по изучению репрезентации российской власти.

Целью работы является комплексный анализ репрезентаций образов власти Российской империи рубежа XIX – XX вв. в интеллектуальном наследии С.Ю. Витте.

В соответствии с поставленной целью, необходимо решить ряд задач:

- выявить и проанализировать внутренние парадоксы и несоответствия на уровне монархического дискурса, политических практик и символических репрезентаций, которые обусловили трансформацию институциональных образов российской монархии;
- представить характеристику персонифицированных образов российских монархов в оптике С.Ю. Витте;

- репрезентировать образы ведущих властных институтов и выявить степень их влияния на политическую жизнь Российской империи (сравнить полномочия и степень влияния на политическую жизнь «старых», т.е. существовавших до 1905 г. институтов, и «новых», возникших в 1905-1906 гг.);
- проанализировать механизмы и способы самопрезентации С.Ю. Витте как политического деятеля;
- выявить факторы, обусловившие эволюцию политического поведения С.Ю. Витте в различные периоды его карьеры.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования является концепция «перформативного поворота» и подходы «новой политической истории». Поскольку перформативный поворот предполагает анализ социальных практик, т.е. анализ того, как воспроизводится и изображается реальность, методологический инструментарий перформативного поворота позволяет выявить глубинные процессы трансформации Российской империи рубежа XIX – XX вв. и проанализировать их на уровне дискурса, смыслов, практик.

Применяя подходы «новой политической истории» для анализа проблематики функционирования политической системы, необходимо обратиться к политической повседневности и алгоритмам политического поведения, что предполагает принятие ряда методологических посылок. Политическая повседневность существует вне ценностных ориентиров; разворачивается не во времени, а в пространстве, устойчивые политические структуры меняются чрезвычайно медленно. Акцент исследователя должен быть сфокусирован на изучении «серых будней», а не «больших дней», а также на исследовании институтов, поскольку именно институты формулируют «правила игры». Власть – это не решение, а процедура; не воля, а практика¹⁰¹.

---

¹⁰¹ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 10-12.

«Образ власти» можно определить, как форму отражения верховной власти в сознании подданных Российской Империи, понимаемую комплексно – на чувственном уровне и на уровне мышления¹⁰².

Репрезентации образов власти являются основными аналитическими категориями, поскольку изучение состояния власти в периоды глобальных трансформаций невозможно без обращения к данным сюжетам. В периоды глубоких потрясений, затрагивающих все сферы общественной жизни, усиливается роль персонификаций в политическом процессе, следовательно, необходимо остановить исследовательский фокус на персонифицированных образах власти. Данная оптика позволит проанализировать действительную роль политических лидеров, а также деконструировать циркулирующие в общественном сознании исторические мифы¹⁰³. Безусловно, разнообразные и даже противоречащие друг другу персонифицированные образы политиков могли не иметь никакого отношения к «фактической биографии» политических лидеров. Но нередко именно распространенные в общественном мнении образы политических деятелей оказывали не меньшее влияние на политический процесс, чем конкретные действия «оригинала». Также образы власти могли определять политическую судьбу самих акторов¹⁰⁴.

Обозначая теоретико-методологическую основу исследования, нельзя обойти стороной упомянутую ранее теорию сценариев власти Р. Уортмана. В первое десятилетие своего царствования новый монарх предлагал собственную версию политического мифа, которая демонстрировала как именно монарх будет осуществлять власть, и как он будет реализовывать господствующие политические и культурные идеалы своей эпохи. Такие индивидуальные реализации мифа в терминологии Уортмана именуется

---

¹⁰² Григорьев С.И. Указ. соч. – С. 5.

¹⁰³ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – С. 16-17.

¹⁰⁴ Там же. – С. 14.

«сценариями власти»¹⁰⁵. Сценарий власти представлял собой единую многоактную драму (где император являлся мифологическим героем в нарративе) и имел двойственную природу: с одной стороны, в нем находили воплощение современные исторические события, а с другой стороны, сценарий претендовал на сохранение вневременных истин. Именно неизменная сущность политического мифа обеспечивала взаимодействие личности и истории¹⁰⁶.

Уортман убедительно доказывает тезис о взаимной обусловленности процессов осуществления абсолютной власти и публичной презентации мифического образа правителя. Ученый делает вывод, что самодержавное правление поддерживало образ трансцендентного монарха, а этот образ обеспечивал беспрепятственное осуществление власти¹⁰⁷. В своей работе историк использует аналитическую категорию политического мифа. Он отмечает, что в политическом мифе монарх становился эпической «персоной» и помещался в эпический мир абсолютных истин, для которого характерна «отнесенность изображаемого мира в прошлое»: император предстával демиургом, который жестом или печатным словом манифеста совершал чудеса завоевания или преобразования¹⁰⁸. По мнению исследователя, поданные монархического государства жили в эпическом, монологическом мире, где непререкаемая истина – превосходство монарха – должна показываться и восприниматься постоянно¹⁰⁹.

Для характеристики исследовательской категории политического мифа Р. Уортман обращается к термину «мир эпопеи», введенному в научный оборот М.М. Бахтиным. «Мир эпопеи» определялся как «национальное героическое прошлое, мир “начал” и “вершин” национальной истории, мир

---

¹⁰⁵ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2. – С. 24.

¹⁰⁶ Там же. – С. 24-25.

¹⁰⁷ Там же. – С. 18.

¹⁰⁸ Там же. – С. 21.

¹⁰⁹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1. – С. 23.

отцов и родоначальников, мир “первых” и “лучших”»¹¹⁰. Давая характеристику «миру эпопеи», Бахтин отмечал, что «изображаемый мир героев стоит на совершенно ином и недостижимом ценностно-временном уровне, отделенном эпической дистанцией»¹¹¹.

Обращаясь к терминологии М.М. Бахтина, следует сфокусировать аналитический взор на термин «авторитетное слово» («авторитетный дискурс»), который в своем исследовании, посвященном позднесоветскому обществу, активно использует А. Юрчак. Авторитетное слово (Бахтин использует термин «авторитарное слово») – это «слово отцов», органически связанное с иерархическим прошлым, навязывается «зрителям» независимо от степени его внутренней убедительности и преднаходится уже соединенным с авторитетностью¹¹². В исследовательской оптике Бахтина, авторитетное слово может организовать вокруг себя массы иных слов (интерпретирующих его, восхваляющих его и т. п.), но оно не сливается с ними, оставаясь резко выделенным, компактным и инертным: оно, требует не только кавычек, но и более монументального выделения¹¹³. Ученый сделал вывод, что авторитетное слово требует от зрителей безусловного признания, а вовсе не свободного овладения и ассимиляции со своим собственным словом. Поэтому оно не допускает никакой игры с обрамляющим его контекстом, игры с его границами, никаких постепенных и зыбких переходов, свободно-творческих стилизующих вариаций. Оно входит в словесное сознание компактной и неразделимой массой, его нужно или целиком утвердить, или целиком отвергнуть. Оно неразрывно срослось с авторитетом – политической властью, учреждением, лицом — оно стоит и падает вместе с ним¹¹⁴.

---

¹¹⁰ Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб., 2000. – С. 204.

¹¹¹ Там же. – С. 204-205.

¹¹² Бахтин М.М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975. – С. 155.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. – С. 156.

Авторитетное слово (авторитетный дискурс) Российской империи рубежа XIX – XX в. воплощался через репрезентацию образов монархии или «сценарий власти», в основе которого лежал политический миф – «базовый миф царствования». Авторитетный дискурс выглядел следующим образом: главенствующим институтом российской политической системы был чрезмерно персонифицированный институт монархии. Каждый новый монарх (чья фигура соотносилась с божественным происхождением) являлся творцом собственного политического мифа («базового мифа царствования»)¹¹⁵.

Для трактовок глубинных причин трансформации российской политической системы позднеимперского периода необходимо обратиться к аналитической категории «перформативного сдвига». Согласно исследовательскому подходу Юрчака, «перформативный сдвиг» означает сохранение и трансляцию авторитетного дискурса на уровне «формы», при этом «содержание» (т.е. смысл) авторитетного дискурса изменялся, существенным образом отличаясь от первоначально заявленного смысла¹¹⁶.

При работе с источниковым материалом использовались **методы**, характерные для исторического исследования.

В диссертации был использован проблемно–хронологический метод, благодаря которому проблемы исторического развития раскрываются и анализируются в их логической эволюции. Системный и структурный метод позволяют рассмотреть пространство публичной политической коммуникации Российской империи рубежа XIX – XX вв. как совокупность множества институциональных и персонифицированных образов власти. Обращение к историко-сравнительному методу делает возможным включить в исследовательскую оптику компаративистский компонент. Данный метод позволяет исследовать и выявить общие закономерности в репрезентациях

---

¹¹⁵ Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Трансформация самодержавия в Российской империи в начале XX в.: Взгляд С.Ю. Витте // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2021. – Т. 5. – №3. – С. 933.

¹¹⁶ Юрчак А. Указ. соч. – С. 25.

образов власти в публичном политическом пространстве Российской империи рубежа XIX – XX вв., а также сравнить отдельные компоненты в образах властных институтов и политических элит. Типологический метод, который также применяется в исследовании, помогает выявить критерии, согласно которым представляется возможным классифицировать многообразие институциональных и персонифицированных образов власти.

Источниковая база исследования включает несколько групп: эго-документы [типы текстов, в которых доминирует авторская (субъектная) составляющая линия: мемуары, дневники, переписка¹¹⁷], материалы периодической печати, делопроизводственные документы и публицистика рубежа XIX – XX вв.

В качестве основного источника диссертации выступают мемуары Витте. «Воспоминания» представляются актуальным для детального погружения в символическое пространство церемоний, ритуалов, образов и функционирования политической системы на рубеже XIX – XX вв. Данный источник не только позволяет выявить политические воззрения главного героя, но и предоставляет возможность определить ценностные и мировоззренческие дискурсы «эпохи трансформаций»¹¹⁸.

По мнению Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, критическое использование сведений, содержащихся в мемуарах, в сопоставлении с материалом других источников расширяет представления об одном из важнейших периодов истории России. Историки настаивают на необходимости специального источниковедческого анализа «Воспоминаний», поскольку они могут содержать не только ошибочные и тенденциозные описания, но и намеренное искажение¹¹⁹.

---

¹¹⁷ Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург, 2014. – С. 14.

¹¹⁸ Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Указ. соч. – С. 929.

¹¹⁹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.). – С. 298.

На страницах «Воспоминаний» наглядно продемонстрировано стремление Витте к роли рассказчика; его обеспокоенность нынешним положением; сложное формирование личности; слои общественного, частного и личного, которые конструировали идентичность¹²⁰.

Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин пришли к выводу, что выбор сюжетов Витте в печати определялся задачами политической борьбы и практическими соображениями¹²¹. Однако, А.П. Корелин и С.А. Степанов, отмечая надежды Витте о возможном возвращении к власти, полагают, что целью написания мемуаров было не столько «обеление себя в глазах современников», сколько «оправдание себя в глазах потомков»¹²². Э.О. Сагинадзе, указывает на тенденциозность Витте- мемуариста. По ее мнению, Витте воспринимал свои мемуары как возможность поквитаться с недоброжелателями: таковых у него всегда было немало¹²³.

Ф. Вчисло характеризовал «Воспоминания» как «мстительную, циничную и часто сводящую счеты книгу <...>, которая была одной из щедро приукрашенных версий большой политики Российской империи за период революции 1905 г.». Мемуары многое рассказали о временах Витте и еще больше о переменчивой личности их автора, его часто скандальных и ядовитых комментариях о персонах и нравах Петербурга рубежа веков¹²⁴. Т. фон Лауэ отмечал, что «когда в период с 1907 по 1912 год Витте обзирал свою жизнь, его разум был озлоблен недавними событиями и непониманием, с которым он столкнулся с тех пор, как пришел в правительство»¹²⁵.

---

¹²⁰ Wcislo F. Op.cit. – P. 7.

¹²¹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.). – С. 307.

¹²² Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. – М., 1998. – С. 301-302.

¹²³ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 10-11.

¹²⁴ Wcislo F. Op.cit. – P. 5-6.

¹²⁵ Von Laue T. H. Op.cit. – P. 36.

О наличии мемуаров Витте было широко известно сразу же после его смерти¹²⁶. Однако впервые мемуары покойного реформатора были изданы лишь через несколько лет. В конце 1920 г. выяснилось, что рукописи находятся в берлинском издательстве «Слово». Член его правления и одновременно редактор эмигрантской газеты «Руль», бывший кадет И.В. Гессен, занимавшийся подготовкой к изданию мемуаров, стал помещать их фрагменты в данной газете¹²⁷. К концу 1921 г. увидели свет сразу два издания «Воспоминаний», оба подготовленные по рукописи: берлинское (под редакцией Гессена) и американское (на английском языке)¹²⁸.

Предисловие к первому тому было написано вдовой Витте, Матильдой. Характерно, что практически сразу же появились т.н. контрмемуары, авторы которых предлагали читателям свои свидетельские показания по поводу тех или иных событий, по их мнению, намеренно искаженных Витте¹²⁹. Вскоре после публикации мемуаров в Германии они появились в СССР. Советское издание идентично берлинскому, т.к. предложенный текст был близок к содержанию рукописи. Автором предисловия к советской версии 1923-1924 гг. стал М.Н. Покровский¹³⁰.

В период «оттепели» в 1960 г. мемуары Витте были переизданы. Автором предисловия и комментариев стал А.Л. Сидоров. Во вводной части был дан анализ мемуаров как исторического источника в связи с

---

¹²⁶ См. напр. Руманов А.В. Мемуары графа Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

¹²⁷ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его воспоминания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т 1. Рассказы в стенографической записи. – СПб., 2003. – С. 5.

¹²⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.). С. 301-302.

¹²⁹ См. напр. Гурко В. Что есть и чего нет в воспоминаниях графа Витте // Русская летопись. – Париж. 1922. – 59 с.; Баян (Колышко И.И.) Ложь Витте. Берлин, б.г. – 64 с.; Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний: По поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте. – М. 1923. – 75 с.

¹³⁰ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.). – С. 301-302.

«достижениями советской исторической науки в области изучения истории России в период империализма»¹³¹.

Академическое издание мемуаров Витте в ходе реализации международного проекта вышло в свет лишь в 2003 г., подготовкой источника к публикации и составлением комментариев занимались Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, С.В. Куликов, С.К. Лебедев и И.В. Лукоянов. Стенографическая и рукописная часть согласно завещанию автора публикуются отдельно. Стенографические рассказы составляют 1-й том в двух книгах, рукописные заметки – 2-й том¹³².

Крайне информативными источниками, в которых зафиксированы репутационные характеристики С.Ю. Витте, являются **воспоминания о С.Ю. Витте его современников, а также их мемуары и дневники.**

К опубликованным воспоминаниям о Витте современников можно отнести работы журналистов и публицистов А.Е. Кауфмана¹³³, А.В. Руманова¹³⁴, С.М. Проппера¹³⁵, Д.А. Лутохина¹³⁶, П.Б. Струве¹³⁷ и Б.А. Суворина¹³⁸, юриста А.Ф. Кони¹³⁹, директора департамента полиции А.А. Лопухина¹⁴⁰ и товарища министра финансов В.И. Ковалевского¹⁴¹.

---

¹³¹ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. / С. Ю. Витте; вступ. статья и общая ред. коммент. и указатели д-ра ист. наук проф. А. Л. Сидорова. – М.. – Т. 1. (1849-1894). Детство. Царствования Александра II и Александра III / коммент. канд. ист. наук Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананьича, 1960. – С. 6.

¹³² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его воспоминания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т 1. – С. 16-17.

¹³³ Кауфман А.Е. Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте // Исторический вестник. – 1915. – № 4. – С. 220-231.

¹³⁴ Руманов А.В. Из воспоминаний. 1. Сергей Юльевич Витте // Новое русское слово. 1961. 23 апреля.

¹³⁵ Проппер С.М. Первый день министра: Листки из воспоминаний // Сегодня. Рига. 1928. 7 октября.

¹³⁶ Лутохин Д.А. Граф С.Ю. Витте как министр финансов. – Пг., 1916.

¹³⁷ Струве П.Б. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики. – М., 1915.

¹³⁸ Суворин Б.А. Из воспоминаний старого газетчика: С.Ю. Витте в Америке // Шанхайская заря. 1928. 9 ноября.

¹³⁹ Кони А.Ф. С.Ю. Витте // На жизненном пути. – Т. 5. – Л., 1929. – С. 246-281.

¹⁴⁰ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр<афа> С.Ю. Витте). – М., Пг., 1923.

¹⁴¹ Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. Кн. 2. – СПб., 1991. – С. 56-84.

Мемуарными источниками являются воспоминания дочери Витте – Веры Нарышкиной–Витте¹⁴², министра финансов и председателя Совета министров В.Н. Коковцова¹⁴³, лидера кадетской партии П.Н. Милюкова¹⁴⁴, одного из лидеров кадетской партии И.В. Гессена¹⁴⁵, лидера партии октябристов А.И. Гучкова¹⁴⁶, одного из лидеров партии октябристов Д.Н. Шипова¹⁴⁷, директора департамента Министерства иностранных дел В.Б. Лопухина¹⁴⁸, товарища министра внутренних дел В.И. Гурко¹⁴⁹, начальника канцелярии министра двора А.А. Мосолова¹⁵⁰, товарища министра внутренних дел в правительстве Витте С.Д. Урусова¹⁵¹, государственного секретаря С.Е. Крыжановского¹⁵², министра народного просвещения в правительстве Витте И.И. Толстого¹⁵³, министра иностранных дел А.П. Извольского¹⁵⁴, члена Государственного совета А.Н. Куломзина¹⁵⁵, начальника отдела канцелярии Совета (Комитета) министров П.П. Менделеева¹⁵⁶, камергера И.И. Тхоржевского¹⁵⁷, председателя II Государственной Думы Ф.А. Головина¹⁵⁸, великого князя Александра

---

¹⁴² Воспоминания В.С. Нарышкиной-Витте. – М., 2005.

¹⁴³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. – Т. 2. Париж, 1933.

¹⁴⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 2001.

¹⁴⁵ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный опыт российского государственного и политического деятеля, члена Второй государственной думы. – М., 2022.

¹⁴⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... (Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства). – М., 1993.

¹⁴⁷ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918.

¹⁴⁸ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. – СПб., 2008.

¹⁴⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М., 2000.

¹⁵⁰ Мосолов А.А. При дворе императора. – Рига, 1938.

¹⁵¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. – М., 2009.

¹⁵² Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб., 2009.

¹⁵³ Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. – М., 1997.

¹⁵⁴ Извольский А.П. Воспоминания. – Пг.; М., 1924.

¹⁵⁵ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. – М., 2016.

¹⁵⁶ Менделеев П.П. Свет и тени моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864-1933. – М., 2017.

¹⁵⁷ Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. – СПб., 2020.

¹⁵⁸ Головин Ф.А. Воспоминания. 1870-1918. – М., 2020.

Михайловича¹⁵⁹, хозяйки светского салона в Петербурге графини М.Э. Клейнмихель¹⁶⁰; а также журналистов и публицистов В.П. Мещерского¹⁶¹, И.И. Кольшко¹⁶², Л.М. Клячко (Львова)¹⁶³. Особого внимания заслуживают мемуары иностранных государственных деятелей – президента Франции Р. Пуанкаре¹⁶⁴ и канцлера Германии Б. Бюлова¹⁶⁵.

Среди **дневников современников** особый исследовательский интерес представляют дневники императора Николая II¹⁶⁶, военного министра А.Н. Куропаткина¹⁶⁷, государственного секретаря А.А. Половцова¹⁶⁸, хозяйки крупнейшего светского салона в Петербурге А.В. Богданович¹⁶⁹, журналиста А.С. Суворина¹⁷⁰, публициста Л.А. Тихомирова¹⁷¹.

Важным источником, содержащим ценную информацию о политической культуре пореформенной России, являются **материалы переписки**. Часть переписки Витте опубликована в журнале «Красный архив», это переписка с разными лицами во время переговоров в Портсмуте¹⁷², переписка с А.Н. Куропаткиным¹⁷³ и К.П. Победоносцевым¹⁷⁴,

---

¹⁵⁹ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. – М., 1991.

¹⁶⁰ Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира: мемуары. – Берлин, 1923.

¹⁶¹ Мещерский В.П. Воспоминания. – М., 2001.

¹⁶² Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания. – СПб., 2009.

¹⁶³ Клячко (Львов) Л.М. За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста. – Л., 1926; Он же. Повести прошлого: Временщики конституции. Два премьера. Еврейское счастье. – Л., 1931.

¹⁶⁴ Пуанкаре Р. На службе Франции. Президент республики о Первой мировой войне. Кн. 1. – М., 2022.

¹⁶⁵ Бюлов Б. Воспоминания. – М.; Л., 1935.

¹⁶⁶ Дневники императора Николая II. – М., 1991.

¹⁶⁷ Дневник А.Н. Куропаткина. – Нижний Новгород, 1923.

¹⁶⁸ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. – М., 2005.

¹⁶⁹ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. – М.; Л., 1924.

¹⁷⁰ Суворин А.С. Дневник. – М., 2015.

¹⁷¹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. – М., 2008.

¹⁷² Переписка С.Ю. Витте и других лиц // Красный архив. – 1924. – Т.6. – С. 6-47; Портсмут // Красный архив. – 1924. – Т. 7. – С. 3-31.

¹⁷³ Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина // Красный архив. – 1926. – Т. 6 (19). – С. 64-82.

¹⁷⁴ Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905 гг.) // Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – С. 89-116.

переписка Николая II и Марии Федоровны¹⁷⁵, письма Витте к Д.С. Сипягину¹⁷⁶, письмо Витте к В.Г. Глазову¹⁷⁷.

Среди **неопубликованной** части особого внимания заслуживают следующие **эпистолярные источники** – переписка Витте с родственниками¹⁷⁸, с императором Николаем II¹⁷⁹, с другими представителями Дома Романовых – великими князьями Андреем Владимировичем¹⁸⁰, Александром Михайловичем¹⁸¹, Михаилом Александровичем¹⁸², императрицами Марией Федоровной¹⁸³ и Александрой Федоровной¹⁸⁴; с другими государственными деятелями – П.А. Столыпным¹⁸⁵, П.Н. Дурново¹⁸⁶, А.С. Ермоловым¹⁸⁷, И.Л. Горемыкиным¹⁸⁸, А.Н. Шварцем¹⁸⁹, А.С. Стишинским¹⁹⁰, И.Н. Дурново¹⁹¹, В.Н. Ламздорфом¹⁹²,

---

¹⁷⁵ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.) // Красный архив. – 1927. – Т. 3 (22). – С. 153-209.

¹⁷⁶ Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину // Красный архив. – 1926. – Т. 5 (18). – С. 30-48.

¹⁷⁷ Письмо С.Ю. Витте к В.Г. Глазову // Красный архив. – 1925. – Т. 4-5 (11-12). – С. 28.

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 540; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 541; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 563; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 538; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 539; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 519; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 493; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 492; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 593; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 589; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 585; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 579; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 578; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 577; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 576; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 575; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 574; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 573.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 957; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 946; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 240; РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 958; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 105; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 38; РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 24; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 43; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 37; РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 34; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 33; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 32; РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 23; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 19; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 547.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 29.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 27; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 31; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 35.; Ф. 896. Оп. 1. Д. 34

¹⁸² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 57; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 44; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 40; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 36

¹⁸³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 48; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 25.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 46.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 296; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 377; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 378; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 377; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 376; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 375; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 374.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 123; Ф. 1615. Оп. 1. Д. 10; РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 567.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 4.

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 219; РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 208.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 347.

¹⁹⁰ РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 226.

¹⁹¹ РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 1330.

¹⁹² РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 209; Ф. 1662. Оп. 1. Д. 210.

А.Д. Оболенским¹⁹³, И.А. Вышнеградским¹⁹⁴, В.Н. Коковцовым¹⁹⁵; журналистами и публицистами – А.С. Сувориным¹⁹⁶, С.Ф. Шараповым¹⁹⁷, И.И. Кольшко¹⁹⁸, В.П. Мещерским¹⁹⁹, С.А. Петровским²⁰⁰, А.В. Румановым²⁰¹.

В работе используются **делопроизводственные** документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА) – это всеподданнейшие доклады²⁰², всеподданнейшие записки²⁰³, всеподданнейшие прошения²⁰⁴, проекты манифестов²⁰⁵, приветственное слово императора²⁰⁶, донесение императору²⁰⁷.

В качестве ценного источника, позволяющего выявить трансформации политической системы Российской империи, выступают **материалы периодической печати**. Это газеты «Новое время», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Русские ведомости», «Киевлянин», «Киевская мысль»,

---

¹⁹³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 455; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 452 Ф. 1622. Оп. 1. Д. 454.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 402.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 331; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 330; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 327; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 326; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 325; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 324.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 189; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 468; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 185.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 3993; Ф. 892. Оп. 3. Д. 203; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 484; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 485.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 425; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 426.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 433; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 450; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 427; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 432.

²⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 447.

²⁰¹ РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1353.

²⁰² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 714; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 277; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 108; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 107; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 99; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 316; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 558; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 559; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 560; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 569; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 571; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 572; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 86; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 223; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 233.

²⁰³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 709; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 109; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 104; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 552; ГАРФ Ф. 543. Оп. 1. Д. 177.

²⁰⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 944; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 945.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 78; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 80; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 274.

²⁰⁶ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 287.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 278.

«Речь», «Раннее утро», «Русское знамя», «Земщина», «Приазовский край», а также журналы «Исторический вестник», «Русская старина» и «Русская мысль». Для анализа образов Витте, широко распространенных в общественном мнении, особенную ценность имеют материалы черносотенного сатирического издания «Виттова пляска» (данный источник также издавался под названиями «Русская Виттова пляска» и «Гурьевская каша Виттовой пляски»), издаваемого в 1905-1907 гг..

Информативным источником, позволяющим дополнить и расширить ряд выводов о трансформациях политической системы Российской империи, является публицистика рубежа XIX-XX вв. Среди публицистических работ особый исследовательский интерес представляют сочинения самого С.Ю. Витте²⁰⁸, поскольку позволяют дополнить и расширить ряд положений, изложенных на страницах «Воспоминаний», а также сочинения публициста славянофильских воззрений и дяди Витте Р.А. Фадеева²⁰⁹, издателя газеты «Русский труд» и одного из наиболее известных критиков экономической политики Витте С.Ф. Шарапова²¹⁰, консервативного публициста М.Н. Каткова²¹¹, лидера кадетской партии П.Н. Милюкова²¹², английского журналиста, наиболее близкого к Витте, Э. Диллона²¹³.

Научная новизна исследования.

---

²⁰⁸ Витте С. Ю. По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист. – СПб., 1912; Он же. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб., 1910; Он же. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1904; Он же. Самодержавие и земство: конфиденциальная записка министра финансов С.Ю. Витте (1899). – Штутгарт, 1903; Он же. По поводу непреложности законов государственной жизни. – СПб., 1914; Он же. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 годах. – СПб., 1912; Он же. Вынужденные разъяснения по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войне с Японией. – М., 1911.

²⁰⁹ Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России. 11 апр. 1879 – 6 апреля 1880. – СПб., 1882.

²¹⁰ Шарапов С.Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). СПб., – 1895.

²¹¹ Внутренняя политика // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1898.

²¹² Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. – СПб., 1907.

²¹³ Dillon E. The Ellipse of Russia. – N.Y., 1918.

Впервые в концептуальной оптике перформативного поворота проанализированы репрезентации образов властных институтов и политических элит Российской империи рубежа XIX – XX вв. в интеллектуальном наследии С.Ю. Витте. В терминологии перформативного поворота представлены версии причин и проявлений парадоксальности монархического дискурса и политических практик российской власти. Исследованы персонифицированные образы императоров Александра III и Николая II. Проанализирована деятельность «старых» (существовавших до 1905 г.) и «новых» (появившихся в результате реформ 1905-1906 г.) властных институтов в повседневных политических практиках. Сделаны выводы о способах конструирования С.Ю. Витте собственного образа государственного деятеля в публичном политическом пространстве, выявлены факторы, обусловившие изменения в стратегии и способах саморепрезентации сановника.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Авторитетный дискурс российской монархии был представлен образом трансцендентного самодержавного монарха (правителя, власть которому дарована свыше и не поддается юридическому определению). Сохранение и трансляция титула «самодержец» в пространстве публичной политической коммуникации имело предельно важное символическое значение для института российской монархии.

2. Нарратив о трансцендентном неограниченном благородном самодержавном правителе являлся фундаментом сценария власти независимо от личностных качеств царствующего императора и не утратил своей актуальности после преобразований 1905-1906 гг. Когда на престоле оказывался монарх, чьи личностные качества и персонифицированный образ вступали в противоречие с нарративом о трансцендентном монархе, обнаруживалась парадоксальность авторитетного дискурса. «Форма» авторитетного дискурса продолжала транслироваться, однако «содержание» усложнялось, отражая противоречивый политический порядок.

3. До преобразований 1905-1906 гг. характерной чертой российского политического пространства было отсутствие единого коллегиального органа, который бы координировал деятельность высших сановников. Пока форма и содержание авторитетного дискурса не вступали в противоречие друг с другом, в качестве института, в некоторой степени координирующего деятельность высших сановников, выступала непосредственно фигура императора (однако в повседневных политических практиках это удавалось реализовать не всегда). Были широко распространены полу-институциональные практики принятия политических решений, подразумевавшие использование «лазеек» и «обходных маневров», к подобным практикам был вынужден обращаться и сам император.

4. В реформах 1905-1906 г., результатом которых стало «разумное ограничение самодержавия», подразумевавшее создание новых политических институтов и появление представительства, был шанс восстановить соответствие между «формой» и «содержанием» авторитетного дискурса. Новые властные институты должны были взять на себя небольшую часть функций самодержца, однако самодержавие оставалось незыблемым – основы монархического строя не затрагивались. Шанс был упущен.

5. С.Ю. Витте, будучи активным государственным деятелем, предпринимал значительные усилия для того, чтобы сформировать собственную положительную репутацию в общественном мнении, равно как и для того, чтобы «репутация работала на него». Вплоть до отставки с поста министра финансов ему удавалось быть «творцом» собственного персонифицированного образа. В условиях отсутствия единого кабинета у него получалось проводить экономическую политику, отвечающую его интересам.

6. С.Ю. Витте видел себя первым министром при самодержавном монархе и считал, что он сможет претворить в жизнь преобразования 17 октября, не выходя за рамки «просвещенного самодержавия» и оставив практически в неизменном виде существовавшую политическую форму

(самодержавие). Скорую отставку С.Ю. Витте с должности премьера можно объяснить совокупностью неблагоприятных факторов: недоверием императора, продолжавшего оставаться центром политической системы; неоднозначной репутацией в публичном политическом пространстве; парадоксальностью политических практик, допускавших «самостоятельную» политическую линию отдельных министров, несмотря на существование объединенного кабинета.

Практическая значимость исследования. Положения диссертационной работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по проблематике образов власти и истории Российской империи рубежа XIX – XX вв., а также для преподавания учебных и специальных курсов по истории России, истории реформ и контрреформ, истории государственного управления, написания учебников, учебно-методических пособий и других материалов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на кафедре истории и археологии историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. Апробация промежуточных результатов диссертационного исследования была представлена на семи международных научных мероприятиях в 2019-2021 г. (в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Иркутске и Череповце). Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 9 научных публикациях, 3 из которых опубликованы в журналах, входящих в перечень ВАК, 1 публикация входит в международные базы цитирования Scopus и Web of Science.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

І глава

Образы российской монархии в восприятии С.Ю. Витте

§ 1. Институциональные образы российской монархии

Российская монархия воплощала собой центральный, доминирующий институт политической системы, что отмечалось в исследованиях по политической истории Российской империи.

По мнению историка Р. Уортмана, институт монархии имел собственные цели и определенную политическую культуру, основанную на мифотворчестве²¹⁴, а подданные Российской империи жили в эпическом, монологическом мире, где непререкаемая истина – превосходство монарха – должна была показываться и восприниматься постоянно²¹⁵. Д. Ливен пришел к выводу, – основополагающим принципом государственной политики между 1881 и 1905 годом было представление о том, что только самодержавие может уберечь страну от распада, примирить противоборствующие группы внутри страны и обеспечить выживание России в условиях мощной внешней угрозы²¹⁶. Б.И. Колоницкий полагает, что для существования монархии необходимы монарх и монархисты, а падение монархии не всегда объясняется только сокращением числа сторонников этого способа правления или отрицательными качествами главы государства. Монархизм власти и монархизм подданных должен иметь точки соприкосновения. А поскольку общество меняется, то следует корректировать образы монархической власти²¹⁷.

Как уже было обозначено во введении к диссертации, авторитетный дискурс Российской империи был представлен репрезентацией образов

---

²¹⁴ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2. – С. 19.

²¹⁵ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1. – С. 23.

²¹⁶ Ливен Д. Указ. соч. – С. 84.

²¹⁷ Колоницкий Б.И. #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. – СПб., 2017. – С. 39-40.

монархии (или сценарием власти). В центре российской политической системы находился чрезмерно персонифицированный институт монархии, а каждый новый монарх после восхождения на престол презентовал собственный политический миф²¹⁸. Персонифицированным образам монархии будет посвящен следующий параграф.

Для трактовки причин глубинных трансформаций политической системы, институциональные образы российского самодержавия в мемуарах и эго-документах Витте будут рассмотрены в оптике аналитической категории «перформативного сдвига» (что означает сохранение и трансляцию авторитетного дискурса на уровне «формы», при этом изменяется «содержание» (смысл) авторитетного дискурса, оно становится не тождественным первоначально заявленному смыслу²¹⁹).

Анализируя образы российского самодержавия в интеллектуальном наследии Витте, необходимо остановить исследовательский фокус на восприятии им самодержавной монархии как политического института, а также проанализировать его политические убеждения, транслируемые на страницах мемуаров и эго-документов, рассмотрев их эволюцию.

Следует обозначить, что «хамелеонство» (способность быстро приспосабливаться к обстоятельствам и менять свою точку зрения) – одна из устойчивых характеристик политического поведения и важнейший компонент репутации Витте – государственного деятеля в публичном политическом пространстве, что отмечали в воспоминаниях о нем многие современники.

«Я никогда не видал такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения как он»²²⁰, – писал о Витте император Николай II в письме своей матери Марии Федоровне. Бывший директор департамента полиции А.А.

---

²¹⁸ Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Указ. соч. – С. 933.

²¹⁹ Юрчак А. Указ. соч. – С. 25.

²²⁰ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906 гг.). – С. 187.

Лопухин отмечал у сановника «отсутствие нравственных устоев»²²¹. По воспоминаниям В. И. Ковалевского, товарища министра финансов и одного из самых доверенных лиц в окружении Витте, «при сильном и яром уме Витте в моральном отношении не отличался ни твердостью, ни устойчивостью. По нравственному масштабу его надо отнести к *mixtum compositum* – к соединениям сложного типа, составные части которого распознаются лишь путем тонкого анализа и чувствительными реактивами»²²².

Исследователи, подробно изучавшие различные аспекты биографии и государственной деятельности реформатора, объясняли устойчивую в общественном мнении репутацию сановника его склонностью относиться к политическим принципам сугубо прагматически. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин подчеркивали, что Витте обладал редким для государственного деятеля рубежа XIX – XX вв. качеством – «он был прагматиком и обладал способностью радикальным образом изменять свои взгляды в зависимости от обстоятельств, а его прагматизм, граничащий с политиканством, часто шокировал современников»²²³. А.Ю. Полунов отмечал, что бюрократ «без особого труда приспособлял свои политические убеждения к текущим политическим задачам, не без удовольствия играл с лозунгами, несшими на себе печать “взаимопревратности”»²²⁴. Э.О. Сагинадзе выявила главные черты образов Витте на страницах сатирических изданий – лукавство, лицемерие, беспринципность и отсутствие четкой политической позиции²²⁵.

Не упуская из внимания устойчивую репутацию бюрократа – «хамелеона» и его прагматизм в вопросах политических убеждений,

---

²²¹ Лопухин А.А. Указ. соч. – С. 4.

²²² Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте. – С. 62.

²²³ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – С. 7-8.

²²⁴ Полунов А.Ю. «Русский Торквемада» и «человек из кусочков»: к истории взаимоотношений К.П. Победоносцева и С.Ю. Витте // Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. ст. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., 2018. – С. 50-51.

²²⁵ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 61.

необходимо все же проанализировать политические ориентации сановника и отношение к российской монархии и монархическому дискурсу. Ряд историков, занимающихся вопросами политической биографии Витте, приходят к выводу о его монархических убеждениях.

А.В. Игнатъев и Ф. Вчисло называли Витте «убежденным монархистом»²²⁶, Т. фон Лауэ отмечал «почти фантастическую преданность Витте самодержавию»²²⁷. По мнению С. Хэркэйва, судьба Витте заключалась в том, чтобы потратить большую часть своей карьеры на укрепление российской монархии²²⁸. П.Л. Карабущенко писал, что многие критиковали Витте за его «нескрываемые монархические убеждения»²²⁹.

Ряд исследователей, изучавших вопросы политической ориентации Витте, отмечали, что монархические убеждения автора мемуаров были связаны с его прагматизмом в вопросах проведения внутривнутриполитических преобразований. Историк Д. Ливен полагал, что монархисты защищали российское самодержавие, поскольку данный институт был способен относительно честно рассудить противоборствующие стороны и проводить непопулярную, хотя и необходимую политику модернизации. По мнению ученого, министр финансов Сергей Витте поддерживал самодержавие, поскольку оно позволяло ему проводить политику насаждения промышленности и капиталистической индустриализации вопреки общественному мнению и интересам правящих кругов. При этом, сторонники Витте заявляли, что самодержавие является подлинно российским институтом и отвечает интересам России²³⁰.

С.Д. Мартынов выявил взаимосвязь между прагматизмом государственного деятеля и его позицией «защитника самодержавия». По мнению историка, Витте «как прагматик, он ценил самодержавие, как

---

²²⁶ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – С. 6; Wcislo F. Op.cit. – P. 65.

²²⁷ Von Laue T. H. Op.cit. – P. 49.

²²⁸ Narcave S. Op.cit. – P. 3.

²²⁹ Карабущенко П.Л. Указ. соч. – С. 17.

²³⁰ Ливен Д. Указ. соч. – С. 82.

систему, при которой, по его мнению, легче всего достигать конкретных результатов»²³¹. П.Л. Карабущенко резюмировал, что Витте «был нужен самодержавию больше, чем самодержавие было необходимо ему»²³².

О достижении определенных результатов преобразований, осуществленных с учетом специфики российского общественно-политического устройства, отставной сановник признавал в мемуарах, потому как «в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются»²³³. Подтверждение тезиса о приверженности реформатора-прагматика монархическим убеждениям можно найти на страницах воспоминаний современников.

Один из его ближайших сотрудников в Комитете и Совете министров П.П. Менделеев на страницах своих воспоминаний рассуждал о «мечтаниях» Витте и констатировал взаимосвязь между политическими амбициями государственного деятеля и предпочтением российского самодержавия. Мемуарист полагал, что властолюбие бюрократа «могло найти себе наиболее полное удовлетворение только под сенью российского самодержавия»²³⁴.

Анализируя монархические убеждения Витте, необходимо обозначить их генезис и более подробно рассмотреть начало его политической карьеры. Исследуя зарождение монархических убеждений будущего реформатора, необходимо акцентировать внимание на его родственных связях с публицистом Р.А. Фадеевым (Витте был его племянником); сановник гордился своим близким родством с публицистом и называл себя его учеником. Фадеев являлся автором работы «Письма о современном состоянии России», в которой он отмечал, что «весь устой русского государства исчерпывается ныне четырьмя словами: народная вера в

---

²³¹ Мартынов С.Д. Указ. соч. – С. 395.

²³² Карабущенко П.Л. Указ. соч. – С. 17.

²³³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. Рассказы в стенографической записи. – СПб. 2003. – С. 465.

²³⁴ Менделеев П.П. Указ. соч. – С. 193.

царскую власть»²³⁵. Приверженность молодого Витте идеям славянофильства отмечали в своих воспоминаниях его современники. «Славянолюбие Витте берет начало от дяди по матери, генерала Фадеева, известного патриота и военного писателя», – писал близкий к нему журналист А.Е. Кауфман²³⁶. В.И. Ковалевский отмечал, что под влиянием славянофильского наследия Фадеевых у Витте слагался твердый монархический образ мыслей²³⁷.

О близости молодого Витте славянофильским взглядам можно судить по сохранившемуся в его фонде в Российском государственном историческом архиве (РГИА) письму одного из лидеров славянофильского движения – публициста И.С. Аксакова. Письмо Аксакова, датированное 18 сентября 1884 г., ответное на письмо Витте, в нем публицист отзывается о Витте как о «самостоятельном последователе того направления [славянофильства– И.В.], которому служу»²³⁸. Одна из статей Витте, которая была подписана своим именем и опубликована в аксаковской газете «Русь», была посвящена теме мануфактурного крепостничества. Автор высказывал славянофильские воззрения, призывая к протекционизму (при справедливом налогообложении и поддержке кустарной промышленности), а также подвергал критике экономический курс министра финансов Н.Х. Бунге²³⁹.

В мемуарах отставной реформатор описывал собственные политические воззрения времен учебы в университете и акцентировал внимание на их постоянстве: «Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых. <...> По моему воспитанию был крайним монархистом, каким остаюсь и до настоящего времени, а также и человеком религиозным»²⁴⁰.

Анализируя монархические убеждения молодого Сергея Витте нельзя не упомянуть о «Святой дружине» – конспиративном аристократическом

---

²³⁵ Фадеев Р.А. Указ. соч.

²³⁶ Кауфман А.Е. Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте. – С. 226.

²³⁷ Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте. – С. 61.

²³⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 394. Л. 1-3.

²³⁹ Витте С. Ю. Мануфактурное крепостничество // Русь. – 1885. – № 3. – С. 17-19.

²⁴⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т 1. – С. 71.

сообществе, организованном после убийства императора Александра II с целью борьбы с революционным движением, в создании которого принимали непосредственное участие Фадеев и Витте. Историки Ананьич и Ганелин отмечали, что организация «Святой дружины» была связана с острой политической борьбой за власть и влияние на царя в окружении Александра III. Известные эксперты сделали следующий вывод о месте Фадеева и Витте в острой политической борьбе: будучи одной из примечательных фигур 1870-х – 1880-х гг., Фадеев принимал участие в этой борьбе в качестве автора определенной программы государственных преобразований, а Витте был хотя и инициативным, но третьестепенным персонажем в этой борьбе²⁴¹.

Согласно воспоминаниям хозяйки одного из великосветских салонов в Петербурге, графини М.Э. Клейнмихель, в разговоре, состоявшемся между ней и отставным реформатором в 1911 г. на вилле во Франции, Витте стыдился своей причастности к созданию данной организации. Мемуаристка писала о том, что после того как она упомянула об активно распространяющихся слухах о причастности графа к созданию «Святой дружины», он «побледнел, на мгновение закрыл глаза, его лицо передергивалось, и он с трудом вымолвил: “Ну, да – это правда. Эта безумная, бессмысленная мысль зародилась впервые именно у меня”»²⁴².

Ананьич и Ганелин отмечали, что сведения об инициативе Витте в создании данной организации появились в печати в 1913 г. в разгар полемики вокруг действий «Дружины» в сфере литературной провокации. Poleмика велась на страницах «толстых» журналов «Русская мысль», «Современник», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современный мир». Историки установили, что Витте хотел предстать инициатором создания «Святой

---

²⁴¹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881-1883 гг. – С. 300.

²⁴² Клейнмихель М.Э. Указ соч. – С. 103.

дружины» как средства ограждения монархии от угрожавшей ей опасности²⁴³.

В мемуарах отставной сановник посвятил сюжету, связанному со своим участием в «Святой дружине», несколько страниц²⁴⁴. Описывая действия «Святой дружины», Витте отмечал, что как только организация «вздумала принимать некорректные меры, которые являются невинно детскими сравнительно с тем, что ныне творит “Союз русского народа”, Александр III мгновенно, навсегда и без остатка прикрыл эту дружину, несмотря на то, что в нее входили самые высшие и близкие к нему персоны»²⁴⁵. Ананьич и Ганелин полагали, что мемуарист стремился представить данный сюжет своей биографии как малозначительный и даже курьезный, скрыв многое, касавшееся не только самого сановника, но и его дяди – генерала Фадеева²⁴⁶.

Анализируя приверженность молодого Витте идеям славянофильства, ряд исследователей подчеркивают трансформацию его взглядов, произошедшую в конце 1880-х – середине 1890-х гг. Историк А.Ю. Полунов отмечает, что будучи не в силах отрицать необратимые изменения, происходившие под влиянием социально-политической эволюции России в конце XIX в., Витте постепенно отошел от своих quasi-славянофильских взглядов²⁴⁷. Ананьич и Ганелин пришли к выводу о значительной трансформации славянофильских убеждений Витте: к середине 1890-х гг. он далеко ушел от славянофильских теорий, но признаки влияния славянофильских воззрений, в частности взглядов Фадеева, были в его деятельности несомненны²⁴⁸.

---

²⁴³ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – С. 20-21.

²⁴⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 118-123.

²⁴⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. – С. 89.

²⁴⁶ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881-1883 гг. – С. 300.

²⁴⁷ Полунов А.Ю. «Русский Торквемада» и «человек из кусочков»: к истории взаимоотношений К.П. Победоносцева и С.Ю. Витте. – С. 51.

²⁴⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881-1883 гг. – С. 326.

По мнению историка М.Д. Сулова, отход Витте от своих славянофильских воззрений произошел в конце 1880-х гг. и это связано с влиянием учения Ф. Листа и сотрудничеством с консервативными «Московскими ведомостями» и «Русским вестником», на страницах которых Витте выдвигал более националистически и государственно-ориентированные проекты экономического развития²⁴⁹. Однако, когда в 1891-1892 гг. вместе с И.А. Вышнеградским, М. Н. Островским и В.А. Грингмутом Витте вступил в борьбу с Министерством путей сообщения, славянофильская пресса поддержала их «партию»: экономический национализм был объединяющим фактором²⁵⁰.

Анализируя воззрения и убеждения молодого Сергея Витте, необходимо обратиться к его печатным работам. В своей книге, впервые опубликованной в Киеве в 1883 г., посвященной железнодорожным тарифам, он высказал точку зрения о том, что экономическая доктрина России должна основываться на православии, олицетворявшем собой основу социальной морали²⁵¹.

О своих умеренно-консервативных политических взглядах времен службы в Киеве Витте писал на страницах мемуаров. В «Воспоминаниях», описывая сюжеты, связанные со службой в Киеве, мемуарист отмечал довольно либеральные воззрения редактора газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно. «Я с Пихно не сходиллся, мы были различных направлений, причем он был гораздо более либерального [*речь идет о воззрениях Д.И. Пихно в период конца 1880-х гг. – И.В.*], нежели я»²⁵². «В то время я иногда писал в “Московских ведомостях” и у Аксакова в “Руси”. К моему складу ума более подходило направление, которого держался Аксаков»²⁵³. Более того, именно

---

²⁴⁹ Сулов М.Д. Неославянофилы в борьбе с реформами С.Ю. Витте: экономическая утопия Сергея Шарипова // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2009. – №2. – С. 104.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – С. 129-133.

²⁵² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т 1. – С. 152.

²⁵³ Там же. – С. 150.

полемика с Пихно «вынудила» Витте принять участие в основании газеты умеренно-консервативного толка «Киевское слово»²⁵⁴.

За молодым Витте закрепилась репутация консерватора: в 1880-х – начале 1890-х гг. он публиковался в «Московских ведомостях», был знаком с издателем «Гражданина» В.П. Мещерским. Данная репутация, по мнению одного из ближайших сотрудников Витте в министерстве финансов В.И. Ковалевского, обостряла «на первых же порах отношение к нему петербургского общества и чиновничества»²⁵⁵. Однако, несмотря на вполне определенную репутацию Витте- консерватора, были и те, кто видел в его назначении на достаточно влиятельный пост министра финансов «кошунство над самодержавием». Накануне его назначения на должность главы финансового ведомства, на имя императора Александра III пришло письмо неустановленного лица (подпись «старый гвардеец»), в котором автор письма видел в предстоящем назначении опасность для самодержавного строя и высказывался против нового назначения: «Витте предлагается к превращению из железнодорожного специалиста не только в финансиста, но даже в вершителя судеб. Это ли не кошунство над самодержавием и здравым смыслом?»²⁵⁶.

Государственные воззрения бюрократа и его «мечты об империи» и имперском величии были отражены в еще одном эго-документе. Брошюра «Национальная экономия и Фридрих Лист», впервые опубликованная в 1889 г., посвящена обоснованию важности развития национальной промышленности для величия империи²⁵⁷. В данной работе Витте акцентировал внимание на взглядах Листа по поводу роли российской монархии в экономическом развитии государства: «История России, начиная с первых годов XVIII века, представляет блистательное доказательство могущественного влияния национального единства и политических

---

²⁵⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т 1. – С. 152.

²⁵⁵ Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте. – С. 56-57.

²⁵⁶ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1 Д. 882. Л. 2 (об).

²⁵⁷ Витте С. Ю. По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист.

учреждений страны на экономическое преуспевание народа. Царскому авторитету, благодаря которому было установлено и удержано единство между множеством варварских орд, Россия обязана соединением своей промышленности, быстрым ростом земледелия и населения, быстрым ростом торговли при помощи каналов и путей сообщения, развитием обширной внешней торговли, – одним словом, всем своим коммерческим значением»²⁵⁸.

Тезис о доминирующей роли института монархии в политической жизни империи Витте убедительно доказывал в своей конфиденциальной записке «Самодержавие и земство»: «Самодержавие и тесно связанная с ним административная централизация составляют в настоящем основу нашего государственного строя и залог единства России»²⁵⁹. Данный документ был создан в разгар полемики о земстве 1899 г., в которой Витте выступал соратником К.П. Победоносцева и был противником расширения прав земств. Он характеризовал начала самоуправления как противоположные самодержавному государственному строю²⁶⁰. Главная цель составления записки, по словам ее автора, «раскрыть глаза на пагубные последствия распространения земства»²⁶¹, об этом он писал в письме Победоносцеву. Кроме того, в письме к обер-прокурору Витте выражал следующие опасения: «Большинство льнет к земству, уверившись, что там, где есть земства, хозяйственная жизнь идет лучше, – а меньшинство, может быть, полагает, что, идя по пути самоуправления земского можно заставить государя незаметно для него самого перейти заветную черту от самодержавия к самоуправлению»²⁶².

О репутации Витте, противника расширения прав земств, писали в своих мемуарах его современники. Публицист И.И. Кольшко называл Витте

---

²⁵⁸ Витте С. Ю. По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист. – С. 41.

²⁵⁹ Витте С. Ю. Самодержавие и земство: конфиденциальная записка министра финансов С.Ю. Витте (1899). – С. 207.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Переписка С.Ю. Витте с К.П. Победоносцевым. – С. 104.

²⁶² Там же.

«первым и едва ли не самым убедительным, после Победоносцева, глашатаем антиконституционного направления»²⁶³. По воспоминаниям Кауфмана, когда журналист Пихно критиковал позицию Витте по вопросу о земстве и называл его хамелеоном, Витте особенно негодовал: «Какой же я хамелеон, как называет меня Пихно! Как министр и верноподданный своего государя, я счел своим долгом в своей записке о земстве высказать, что введение в стране широкого самоуправления повлечет за собою установление конституционного режима. Хотите конституцию – дайте земство с самыми широкими правами! – говорил я. – Но правительство не было еще подготовлено к дарованию конституции, а потому опасно было вводить широкое самоуправление»²⁶⁴.

В мемуарах Витте можно найти свидетельства «хамелеонства» самого Пихно. Журналист принимал участие в качестве эксперта по крестьянскому вопросу в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности [*Особое совещание функционировало в 1902-1905 г. – И.В.*]. Витте писал о Пихно следующее: «Он убеждал меня, что необходимо сделать первый шаг на пути ограничения самодержавия и советовал сделать такой шаг в этом направлении; чтобы все дела, которые рассматриваются в Государственном Совете, восходили к государю лишь в том случае, если большинство Государственного Совета одобрит данный закон; но чтобы дела не доходили до государя в тех случаях, когда большинство Государственного Совета будет против рассматриваемого закона. <...> Когда в 1905 г. вспыхнула так называемая наша революция, то Пихно сразу, как сумасшедший, ринулся на правую сторону и, сделавшись адептом Союза русского народа, начал проповедовать самые крайние реакционные мысли в “Киевлянине”. Так что мы тогда переменились с ним ролями: я приблизительно остался на тех же самых политических идей, каких был раньше, когда я жил в Киеве, т.е. более или менее консервативных, между

---

²⁶³ Колышко И.И. Указ соч. – С. 147.

²⁶⁴ Кауфман А.Е. Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте. – С. 228.

тем как Пихно в то время был идей либеральных, но после 1905 г., я сравнительно с ним сделался большим либералом»²⁶⁵.

Свою точку зрения по вопросам функций монарха в самодержавном государстве Витте изложил в письме министру внутренних дел Д.С. Сипягину: «Царь самодержавен, потому что от него и только от него зависит установить машину действия, но так как царь – человек, то для управления страной в 130 млн. подданных ему машина нужна, ибо его человеческие силы не могут заменить машину. Царь самодержавен, а потому он может менять по своему усмотрению сию машину и все части ее, когда только он захочет, но все-таки может менять, но физически не может действовать без машины»²⁶⁶.

Анализируя взгляды Витте об институциональных образах монархии, нельзя упустить эпизод, связанный со студенческими беспорядками в Петербурге в 1899 г. Во всеподданнейшей записке о студенческих беспорядках в Петербургском университете, Витте писал, что «волнения среди университетской молодежи не имеют политического характера». По мнению государственного деятеля, «излишнею строгостью можно погубить многочисленных юношей, озлобить тех, которые истинно уверены в своей правоте и некоторых, быть может, толкнуть в темные ряды врагов государства»²⁶⁷. Единственный правильный выход из сложившейся ситуации министр финансов видел так: «ходатайствовать перед ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ о возложении на лицо, облеченное особым МОНАРШИМ доверием состоящее вне отдельных ведомств, на высших ступенях общественной и административной иерархии, разбор печальный происшествий 8 февраля»²⁶⁸.

По мнению Витте, данные действия сказались бы положительным образом на авторитете императорской власти: «Не подлежит заранее

---

²⁶⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 153.

²⁶⁶ Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину. – С. 32.

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1620. Оп.1. Д. 12. Л.2.

²⁶⁸ Там же.

сомнению, что после подобного весьма авторитетного в глазах общества разрешения дела справедливое решение МОНАРХА будет принято обществом и увлекающейся, но самоотверженной молодежью с покорностью и благодарностью»²⁶⁹. Тезисы о «покорности» и «благодарности», которые должны испытывать подданные по отношению к монарху после подписания определенных документов и принятия конкретных политических решений, Витте будет позднее неоднократно высказывать на страницах мемуаров.

В декабре 1904 г. наиболее остро стоял вопрос о представительстве. У Витте была неоднозначная репутация в данном вопросе. В своих мемуарах он высказывал точку зрения о том, что «привлечение представителей общества, особенно в выборной форме, в законодательные учреждения есть первый шаг к представительному образу правления, к конституции, это будет первый, весьма умеренный и ограниченный шаг, но со временем он может повести и к следующим шагам»²⁷⁰. По мнению Ганелина, идея представительства была так ненавистна самодержавию, что царь, при готовности пойти на другие уступки, восстал против нее всем своим существом: «одно самодержавие может спасти Россию»²⁷¹.

На страницах «Воспоминаний» Витте акцентировал внимание на отношении государя к идее народного представительства и настаивал на том, что данный пункт указа был вычеркнут из финального текста указа собственноручно императором: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа, и поэтому я последую вашему совету и пункт этот вычеркну», – приводил слова государя в момент подписания указа 12 декабря 1904 г. Витте в мемуарах²⁷². «Ужасная война и отсутствие определенной, сильной, знающей, “что хочу”, власти», – такую

---

²⁶⁹ РГИА. Ф. 1620. Оп.1. Д. 12. Л.2.

²⁷⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т 1. – С. 662.

²⁷¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. – СПб., 1991. – С. 38.

²⁷² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 663.

характеристику давал Витте событиям тех дней и состоянию власти в письме Победоносцеву, датированном 25 декабря 1904 г.²⁷³

В «Воспоминаниях» он высказывал мысль, что «если бы только указ 12 декабря даже и с вычеркнутым пунктом [о *представительстве* – И.В.] получил быстрое, полное, а главным образом, искреннее осуществление, то он значительно бы способствовал к успокоению революционного настроения, разлитого во всех слоях общества»²⁷⁴. Он отмечал: «К сожалению, осуществление указа встретило скрытые затруднения, а затем и крайне неискреннее к нему отношение через несколько недель после того, как этот указ был издан. Вследствие этого, указ 12 декабря не мог послужить к успокоению общества, а напротив, иногда служил еще к большему возбуждению общества»²⁷⁵. «Этот шаг, принятый государем в самых скромных размерах в отношении водворения законности и разумной свободы в России, встретил такие препятствия, которые свели в значительной степени благие намерения этого Указа к нулю», – констатировал сановник²⁷⁶.

Во всеподданнейшей записке Витте, представленной государю накануне 17 октября, он изложил собственное видение о современном положении вещей в государстве и о тех мерах, которые могут способствовать восстановлению в нем нарушенного спокойствия²⁷⁷. По его мнению, Россия переросла форму существующего строя, и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы²⁷⁸. В основе «концепции Витте» лежали несколько руководящих принципов: прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы; стремление к устранению исключительных законоположений; согласование действий всех органов правительства; устранение репрессивных мер против действий явно не

---

²⁷³ Переписка С.Ю. Витте с К.П. Победоносцевым. – С. 107.

²⁷⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 664.

²⁷⁵ Там же. – С. 664.

²⁷⁶ Там же. – С. 681.

²⁷⁷ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 109.

²⁷⁸ Там же. Л. 1.

угрожающих обществу и государству; противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества²⁷⁹. «Не может быть, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства», – писал сановник в заключительной части записки²⁸⁰.

По мнению историка Ф. Вчисло, программа преобразований, предложенная Витте, выражала компромиссную сущность стремлений реформ монархии в целом. Гражданская свобода была дарована монархом, а не являлась конституционным или естественным правом. Единый и настроенный на реформы кабинет министров пользовался доверием государя, а не избранного большинства парламента. Верховенство закона гарантировалось программой премьер-министра или волей государя, а не писаной конституцией. Верховенство закона и требование порядка были совместимы, а не противоречили друг другу по своей сути²⁸¹.

Анализируя меры, предложенные Витте, в оптике перформативного поворота, можно сделать вывод, что Витте предлагал такие меры по восстановлению общественного порядка, которые не отменяли прав и прерогатив, присущих институту самодержавной монархии. Институциональные образы Российской монархии в результате преобразований не должны были претерпеть существенной трансформации.

В высочайшей телеграмме император Николай II поручил Витте объединить деятельность министров, которым ставил цель восстановить порядок повсеместно. Это было необходимо, поскольку только при спокойном течении государственной жизни возможна «совместная

---

²⁷⁹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Wcislo F. Op.cit. – P. 219.

созидательная работа правительства с имеющими быть свободно выбранными представителями народа моего»²⁸², – писал государь.

Анализируя содержание данного документа в оптике перформативного поворота можно предположить, что авторитетный дискурс российской монархии не претерпел существенных изменений (несмотря на объявленную политическую реформу). Безусловным центром политической системы Российской империи продолжал оставаться самодержавный монарх.

Историки, занимающиеся вопросами политической истории России начала XX столетия, давали характеристику сложному и противоречивому политическому порядку, возникшему в результате преобразований первой русской революции, в частности, после подписания манифеста 17 октября. По мнению Уортмана, новый правовой порядок представлял собой непростую смесь правил, регулирующих государство, претендующее на власть на основе народного представительства и тех, которые поддерживают абсолютные и безупречные прерогативы суверенного монарха²⁸³.

Соловьев считает, что, несмотря на появление новых политических институтов, в качестве архитекторов нового политического порядка выступали все те же представители бюрократических кругов. Это означает, что новый строй надстраивался над прежним, заимствуя все его противоречия и присовокупив к ним новые, прежде неизвестные²⁸⁴.

В политическом пространстве пореформенной России, Витте был, безусловно, достаточно яркой и самобытной фигурой. На его могиле, расположенной на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, помимо дат рождения и смерти указана еще одна дата – 17 октября 1905 г. Роль Витте в конструировании нового политического порядка отмечалась и его современниками. На специальном собрании русского технического

---

²⁸² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 238. Л. 1.

²⁸³ Wortman R. *The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries.* – London, 2018. – P. 172.

²⁸⁴ Соловьев К.А. *Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества.* – С. 340-341.

общества, посвященного памяти Витте, промышленник и депутат Государственной думы В.В. Жуковский, выступая с речью, назвал покойного «творцом фундамента новой России»²⁸⁵.

19 октября 1905 г. был издан именной высочайший указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений», согласно которому «на Совет Министров возлагается направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления. <...> Совет министров состоит под председательством одного из Министров, по избранию Государя Императора, или особого, призываемого к тому Монаршим доверием лица»²⁸⁶. Витте занял новую должность председателя Совета министров (также сохраняя за собой пост председателя Комитета министров) и, наконец, вернул «реальную власть» в свои руки.

Витте в октябре 1905 г. «принял на себя дело установления новых форм организации управления империей»²⁸⁷, – отмечал в своих мемуарах бывший министр иностранных дел А.П. Извольский. Публицист, один из создателей конституционно-демократической партии и первый издатели мемуаров Витте И.В. Гессен писал, что тот «видел болезнь самодержавия в ведомственной розни»; по его мнению, «для излечения болезни достаточно было добиться объединения деятельности министров, для чего и создать кабинет с премьером во главе, причем эта мысль не отрывалась от представления себя в роли премьера»²⁸⁸. Гессен считал, что «для Витте значение самодержавия было неотделимо от держания власти в своих руках»²⁸⁹.

Анализируя масштабные изменения российской политической системы и трансформации института монархии, произошедшие в результате преобразований 1905 г., необходимо подробно рассмотреть роль Витте в этих

---

²⁸⁵ РГИА. Ф. 32. Оп.1. Д. 146. Л.12.

²⁸⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-1 (об).

²⁸⁷ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 19.

²⁸⁸ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный опыт. – С. 178.

²⁸⁹ Там же. – С. 187.

процессах. Историки давали определенные оценки и характеристики действиям реформатора по «сохранению самодержавия» в период его пребывания в должности председателя Совета министров. По мнению Ф. Вчисло, в шестимесячный срок своего «премьерства», он надеялся сохранить унитарную монархическую империю путем реформирования ее политических и социальных структур, венцом которых был парламент, Государственная дума²⁹⁰. С.Д. Мартынов полагает, что цель Витте в октябре 1905 г. была вовсе не в водворении в России конституционализма, а в спасении монархии и в ее обновлении ради ее же спасения. Первостепенной задачей, которой премьер гордился, являлось разъединение либеральной оппозиции и революции²⁹¹.

Э. Вернер, анализируя взгляды Витте и Николая II на политический процесс после 17 октября, считает, что премьер и монарх имели принципиально разные позиции по вопросу нового политического порядка и места императора как центральной фигуры российской политической системы. По мнению историка, Витте стремился использовать конъюнктуру, чтобы отделить институты администрации от прямой компетенции царя и утвердить идеал «правового порядка», в котором обезличенная, институционализированная бюрократическая власть была отделена от власти государя. Император же, напротив, отрицал разрыв с прошлым, сохраняя свои полномочия самодержца, и, пойдя на уступки нации, чувствовал себя вправе отменить их, когда сочтет нужным²⁹².

Описывая роль Витте в событиях октября 1905 г., историк А.В. Игнатьев предполагает, что Витте лишь воздействовал на «упрямого монарха», доводя до его сознания всю шаткость положения самодержавия. По мнению ученого, «мечта стать первым сановником России стала явью, однако направленность будущей деятельности вызывала у Витте

---

²⁹⁰ Wcislo F. Op.cit. – P. 4.

²⁹¹ Мартынов С.Д. Указ соч. – С. 399.

²⁹² Verner A. Op. cit. – P. 245.

противоречивые чувства, поскольку он всегда мечтал о первенствующей роли в самодержавном государстве, не выходя за рамки “просвещенного абсолютизма”. А ему выпало если не разрушать, то перестраивать против воли «храм», перед которым он всю жизнь преклонялся, где удостоился высоких почестей и неэфемерной власти»²⁹³. Анализируя политические преобразования 1905-1906 г., историк пришел к выводу о сохранении незыблемости самодержавия. Исследователь констатирует: несмотря на то, что в полномочия Совета министров и его председателя входило «направление и объединение действий» различных ведомств «по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления», «принцип самодержавия сохранялся незыблемым: председатель Совета и министры назначались царем и отвечали только перед ним»²⁹⁴.

Можно предположить, что институциональный дизайн российской монархии, несмотря на преобразования 17 октября и появление новых политических институтов, не претерпел существенной трансформации. Авторитетный дискурс, представленный образом самодержавного монарха (сценарием власти), продолжал существовать в той форме, в какой он существовал и до издания манифеста. Российская монархия обосновывала свои претензии на абсолютную власть использованием механизмов репрезентации. Важной опорой для властных репрезентаций являлись «харизматичные слова», которые передавали «ауру власти» и несли ее харизму за границы непосредственного присутствия государства. Р. Уортман отмечал, что «харизматические слова», наделявшие монарха аурой трансцендентности, создавали в процессе функционирования эмоциональные режимы²⁹⁵. Российское самодержавие можно отнести к таким «эмоциональным режимам».

---

²⁹³ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – С. 255-256.

²⁹⁴ Там же. – С. 255.

²⁹⁵ Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. – P. 2-3.

В качестве харизматичного слова, наделявшего монарха аурой трансцендентности, можно выделить термин «самодержец». Данный титул был важнейшей опорой в конструировании репрезентаций образов монархии. После издания манифеста 17 октября вопрос о сохранении титулов «самодержец», «самодержавный монарх», «самодержавный правитель» стоял наиболее остро. Одним из политических акторов, сыгравших достаточно важную роль в том, чтобы у российского монарха сохранился титул «самодержавный» был Витте.

По его поручению в 1906 г. историком С.А. Князьковым была написана брошюра «Самодержавие в его исконном смысле». В работе убедительно доказывался тезис, что «самодержавный» в своем историческом происхождении являлся обозначением внешней независимости государства и власти государя²⁹⁶. По мнению автора брошюры, «изданные волею Государя Императора акты 6-го августа и 17-го октября 1905 г. возвращают исконному старинному титулу русских государей тот его смысл и значение, с каким истории известен этот титул в более ранних порах его существования»²⁹⁷.

Историк утверждал, что одному слову «самодержавие» в титуле русских государей «суждено было отражать все изменения значения верховной власти, оставаясь неизменным лексически»²⁹⁸. «Отныне в рассуждениях о «самодержавии» должно быть устранено соединение с ним понятия неограниченности власти над лицами и порядком. Этому отождествлению нет места при наличности в государственном строе России представительных учреждений и при обеспеченности за подданными прав гражданской свободы. Самодержавие, приняв во внимание историческое происхождение этого слова, может означать теперь при конституционной форме правления внешне – независимость государя и государства, а во внутренних отношениях – державные права и самостоятельность монарха,

---

²⁹⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 576. Л. 19.

²⁹⁷ Там же. Л. 18.

²⁹⁸ Там же. Л. 19.

властвующего по собственному праву, унаследованному от предков, и олицетворяющего идею верховной власти в стране»²⁹⁹, – писал автор брошюры. Таким образом, в работе, написанной по поручению председателя Совета министров, убедительно доказывалась необходимость сохранения в политической системе российской монархии термина «самодержавный».

Примечательным является тот факт, что Витте потребовалась данная брошюра после его отставки и после завершения написания текста мемуаров. В январе 1913 г. он обращался к управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве с просьбой переслать ему несколько экземпляров издания если оно еще сохранилось в Канцелярии Совета Министров³⁰⁰. В ответ ему были присланы десять экземпляров брошюры³⁰¹.

Анализируя политическую «борьбу» премьера за сохранение титула «самодержец», необходимо упомянуть эпизод, произошедший на одном из заседаний первой сессии реформированного Государственного совета. Во время выступления Витте по вопросу об отмене смертной казни из его уст прозвучала фраза: «нашего самодержавного благочестивого неограниченного монарха»³⁰². По мнению журналиста Л.М. Клячко, который описал данный эпизод в своих мемуарах, высказывание премьера произвело настолько сильное впечатление на правых, что «это было единственное заседание, в котором Витте был не одинок, с ним оживленно беседовали его всегдашние враги, которые, казалось, готовы были позабыть часть своей ненависти и простить ему много грехов, а все разговоры в кулуарах были посвящены только этому вопросу»³⁰³.

Журналист объяснял такое внимание к фразе премьера тем обстоятельством, что сам творец «конституции», между делом, при

---

²⁹⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 576. Л. 19.

³⁰⁰ Там же. Л. 33.

³⁰¹ Там же. Л. 34.

³⁰² Клячко (Львов) Л.М. За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста. – С. 142.

³⁰³ Там же. – С. 143.

упоминании царя произносит «самодержавный неограниченный»³⁰⁴. После произнесения этих слов, Витте стал заложником непростой политической ситуации, поскольку озвучивание слов «самодержавный, неограниченный», означало полный разрыв с прогрессивной частью Думы, на которую он возлагал большие надежды. Публицист свидетельствовал, что Витте «нашел достаточно наивный выход из ситуации»: в отчетах о заседании Государственного совета, составленных по стенограммам, фраза была приведена в сокращенном виде: «нашего благочестивого монарха»³⁰⁵. Клячко, имевший свободный доступ в комнату стенографисток, обнаружил, что в стенограмме, предоставленной на просмотр оратору, слова «самодержавный неограниченный» Витте были собственноручно вычеркнуты³⁰⁶. В итоговом варианте текста Основных государственных законов эпитет «самодержавный» был сохранен.

Историк Э. Вернер, анализируя вопрос о сохранении титулов императора, отмечал, что во время обсуждения процедуры пересмотра статьи 4 Основных законов в апреле 1906 г. император, наконец, согласился, хотя и неохотно, на исключение слова «неограниченный» из старой формулировки, определяющей власть монарха как «самодержавную и неограниченную». По мнению ученого, сохранением титула «самодержавный», монарх показал, что его власть была дарована ему свыше и не поддается юридическому определению³⁰⁷. Р. Уортман считает, что претензии Николая II на самодержавные prerogatives основывались на его духовном и символическом родстве с русским народом³⁰⁸. Анализируя трансформации, произошедшие в результате преобразований 1905 г., можно отметить, что

---

³⁰⁴ Клячко (Львов) Л.М. За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста. – С. 142-143.

³⁰⁵ Там же. – С. 143-144.

³⁰⁶ Там же. – С. 142-144.

³⁰⁷ Verner A. Op. cit. – P. 299-300.

³⁰⁸ Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. – P. 173.

этот год стал переломным не только для российской монархии, как политического института, но и для монархического сознания Витте.

По мнению Вчисло, Витте оставался приверженцем самодержавия даже после того, как он убедил Николая II пойти на частичный демонтаж самодержавия³⁰⁹. Искусный в создании идентичности и проницательный наблюдатель за средой, которая формировала личность, Витте почувствовал, насколько фундаментально мир, который он знал, и ценности, которые его поддерживали, утрачивали способность вселять надежду и веру, вдохновлять на преданность и поддерживать свою ауру легитимности³¹⁰. Работая над мемуарами после своей отставки и после частичного демонтажа самодержавия Витте использовал в повествовании монархическую риторику. «Воспоминания» содержат слишком частые отсылки к монархическим убеждениям, которые их автор испытывал в разные периоды своей жизни и карьеры.

Свидетельства преданности Витте неограниченному самодержавию после 1906 г. можно найти в воспоминаниях его современников. Например, один из его ближайших сотрудников по министерству финансов, В.И. Ковалевский отмечал, что «по натуре сам неограниченный и властный, Витте, так сказать, органически принадлежал самодержавию. <...> Сам Витте не считал, что с изданием манифеста и Основных законов, с учреждением народного представительства самодержавие действительно прекратило свое существование. Он продолжал рассматривать императора как неограниченного монарха. Об этом он заявлял неоднократно по различным поводам. В народном представительстве он видел лишь помощь самодержавной власти и гарантии от ошибок, а в манифесте – средство успокоения взбаламученного народного моря, по-видимому не отдавая [себе]

---

³⁰⁹ Вчисло Ф. Витте, самодержавие и империя: мечты конца XIX века // Россия XXI.– 2001. – №4. – С. 152-153.

³¹⁰ Weislo F. Op. cit. – P. 195.

отчета во всех политических последствиях принятых на себя верховной властью обязательств»³¹¹.

О своих предпочтениях в адрес неограниченного самодержавия и его роли в величии Российской империи Витте писал на страницах «Воспоминаний»: «По складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие³¹². <...> Будучи в душе поклонником самодержавия неограниченного, как своего рода влюбленный в фею... <...> Кто создал Российскую империю так, как она была еще десять лет тому назад? Конечно, неограниченное самодержавие. Не будь неограниченного самодержавия, не было бы Российской великой империи»³¹³, – писал он в июне 1907 г.

В политической культуре российской монархии достаточно ярко проявлялись мотивы трансцендентности авторитетного дискурса, представленного образом самодержавного монарха. Эти мотивы, которые не утратили своей актуальности и после 1905 г., отмечали как исследователи, так и чиновники, в числе которых был сам Витте. По мнению Ананьича и Ганелина, одной из основ российского самодержавия были величие, непререкаемость и неприступность царской власти для подданных империи, объяснявшиеся «божественным происхождением»³¹⁴.

В монархической риторике Витте «божественное происхождение», т.е. сакральный характер российского самодержавия воплощается наследственной передачей полномочий монарха. В 1904 г. в поздравительном письме к императору, написанному по случаю рождения в царской семье наследника престола цесаревича Алексея, Витте обращался к государю: «Да поможет ВАМ ВСЕВЫШНИЙ передать ВАШЕМУ сыну, на счастье России, Российскую Державу в той ее неприкосновенной сущности в коей ВЫ ее

---

³¹¹ Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте. – С. 62.

³¹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т 2. – С. 86.

³¹³ Там же. – С. 85-86.

³¹⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Кризис власти в России: Реформы и революционный процесс. 1905-1917 гг. // История СССР. – 1991. – №2. – С. 102.

получили, то есть Самодержавною»³¹⁵. В мемуарах сановник писал, что молит Бога дабы в наследнике-цесаревиче «Россия нашла свое успокоение и начала своей жизни в полном величии, соответствующем духу и силе великого русского народа»³¹⁶.

О трансцендентности российского самодержавия Витте писал и на страницах мемуаров: «Сила царя, как и всякого монарха, в своего рода таинстве – секрете, недоступном познанию людей, наследии, наследственности. В наследии царской власти заключается сила царя»³¹⁷, – утверждал он в сентябре 1907 г. Трансцендентность образов российских монархов помимо наследственного характера передачи власти также воплощалась и в вере об отсутствии у самодержцев «земных», «мирских», «корыстных» интересов. Витте отмечал в мемуарах, что «у русских императоров и у наследников русского престола нет всех тех интересов, которые имеются у обыкновенного смертного – интересов эгоистических, материальных, которые так часто портят человеческое сердце»³¹⁸.

Мемуарист считал неограниченную монархию наилучшей формой государственного управления в России (где число инородцев достигало 35%), при условии, что на престоле находится монарх с качествами «более нежели обыкновенными»: наследственный самодержец, в первую очередь, должен обладать характером и сильной волей, во вторую, – возвышенным благородством чувств, помыслов и умом, а также быть хорошо образованным и воспитанным³¹⁹.

В оптике перформативного поворота эти мысли отставного реформатора могут быть проинтерпретированы следующим образом: внешняя «форма» и внутреннее «содержание» авторитетного дискурса, представленного образом монарха (сценарием власти) не вступают в

---

³¹⁵ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

³¹⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 656.

³¹⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 205.

³¹⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 309.

³¹⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 85.

противоречие друг с другом, пока на престоле находится монарх, обладающий сильной волей и благородным характером, что позволяет ему быть неограниченным самодержцем.

По мнению Витте, если на престоле будет находиться совершенно «несоответствующий неограниченный самодержец», то страна подвергнется самым ужасным испытаниям: такой монарх за короткое время может уничтожить все сделанное его предшественниками, «истинными неограниченными правителями-предками», ибо разрушение есть легчайшая стихия³²⁰. Подобная кризисная ситуация сложилась в России на момент написания мемуаров (1907 г.). Витте размышлял о многолетних губительных действиях неограниченного самодержца, «расшатавших» государство настолько, что подданные не видят более или менее основательных надежд в будущем³²¹.

Анализируя точку зрения мемуариста в оптике перформативного поворота, можно отметить, что «форма» и «содержание» авторитетного дискурса вступают в противоречие, когда монархом становится «несоответствующий неограниченный самодержец». Внутри института самодержавия происходит процесс институциональной трансформации монархического дискурса, который можно определить как перформативный сдвиг авторитетного дискурса: «форма» авторитетного дискурса может продолжать оставаться неизменной, однако «содержание» авторитетного дискурса подвергается достаточно существенным изменениям.

«Мне любо неограниченное самодержавие, но мой ум после всего пережитого, [*имеются в виду события первой русской революции – И.В.*] <...> меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движение самодержавия, нет»³²², – констатировал автор. Таким образом,

---

³²⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 86.

³²¹ Там же.

³²² Там же.

восстановление соответствия между «формой» и «содержанием» авторитетного дискурса Витте видел через «разумное ограничение самодержавия». Под «разумным ограничением самодержавия» мемуарист подразумевал проведение реформ «сверху» по инициативе и с санкции монарха; не затрагивающих основ самодержавного строя, а император продолжал оставаться центральной фигурой политической системы.

Революционные события 1905 г. и издание манифеста 17 октября, существенным образом повлияли на трансформацию российской политической системы: «Манифест 17 октября в редакции, на которой я настаивал, отрезает вчера от сегодня, прошедшее от будущего», – писал Витте в августе 1908 г.³²³. Таким образом, изменения в законодательстве способствовали тому, что перформативный сдвиг сценария власти стал очевидным как для политической элиты, так и для общественного мнения.

В своих мемуарах Витте констатировал неизбежный характер преобразований 17 октября, в результате которых произошел перформативный сдвиг авторитетного дискурса, а образ института монархии в публичном политическом пространстве подвергся существенной трансформации: «Если бы не было 17-го октября, то, конечно, оно в конце концов произошло бы, но при значительно больших крови, крушениях и несчастиях. <...> Лучше было отрезать, хотя поспешно и не совсем ровно, нежели пилить тупою, кривою пилою, находящейся в руке ничтожного, а потому бесчувственного оператора тело русского народа»³²⁴.

Анализируя преобразования 17 октября, которые де-факто ознаменовали собой перформативный сдвиг авторитетного дискурса, автор мемуаров акцентировал внимание на запоздалом характере реформ. Он также отмечал, что русско-японская война подорвала одно из главных оснований, на котором держался авторитет российской монархии – силу, воплощавшуюся во властных полномочиях самодержца. «Россия

---

³²³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 240.

³²⁴ Там же.

представляет страну, в которой все реформы по установлению разумной свободы и гражданственности запоздали и все болезненные явления происходят от этой коренной причины. Покуда не было несчастной войны, прежний режим держался, хотя в последние годы перед войной он уже претерпевал потрясения; несчастная война пошатнула главное основание того режима – силу и, особливо, престиж силы, сознание силы. Теперь нет выхода без крупных преобразований, могущих привлечь на сторону власти большинство общественных сил»³²⁵. Из своего обширного и разностороннего государственного опыта Витте вынес убеждение в том, что «в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются»³²⁶. Его серьезно беспокоили широко циркулировавшие в общественном мнении слухи о будто бы «вырванном» им манифесте 17 октября из рук государя, которые активно распространялись черносотенными изданиями при поддержке дворцовых сфер.

По мнению Витте, которое он высказывал применительно ко многим преобразованиям в Российской империи, в самодержавном государстве все реформы должны быть осуществлены только по воле и инициативе монарха, именно император должен лично санкционировать ту или иную реформу. Пока «форма» авторитетного дискурса будет сохраняться такой порядок должен соблюдаться, в ином случае будет «нанесен удар по неограниченной самодержавности», т.е. миф о трансцендентном характере власти монарха будет поставлен под сомнение.

«Люди, которые не понимают, что распространение, причем заведомое, слухов, что неограниченный самодержец подписывает самой величайшей важности акты, потому что у него их вырывают, начинает ужасные и позорные войны, потому что его уверяют, что мы “разнесем макак”, самолично ребячески распоряжается военными действиями, потому что его уверяют, что он превосходный военный и моряк, – очевидно, хотя и желая

---

³²⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 242.

³²⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 465.

оградить монарха, наносят самый ужасный удар его неограниченной самодержавности»³²⁷, – писал отставной реформатор.

Со страниц мемуаров Витте обрушивался с сокрушительной критикой на «дворцовую камарилью», ближайшее окружение царствующего монарха, высказывая мнение о том, что действия «камарильи» диктуются исключительно «мелочными», «корыстными» интересами, которые у неограниченного самодержавного монарха отсутствовали. Витте констатировал: «Государю внушали, что за него весь народ, вся не интеллигенция. В принципе это верно: народ всегда был за царей, которые были за народ, но трудно ожидать, что весь народ за царя, когда Государь управляет посредством "дворцовой дворянской камарильи", которая, в свою очередь, считает, что она есть соль земли русской, что все должно делаться для нее и во всяком случае через нее»³²⁸.

По мнению автора мемуаров, в кризисные моменты, «покуда все расшатано», Россия держится только тем, что «Николай II есть наследственный законный наш царь, т.е. царь милостью божьей, иначе говоря – природный наш царь»³²⁹. Анализируя кризисное состояние, в котором пребывала российская монархия на момент написания мемуаров, Витте видел «внутреннюю силу» института монархии в трансцендентном образе самодержца: именно в сакральном характере российского самодержавия он видел ту силу, которая поможет России скорее найти равновесие и выйти из политического кризиса.

Анализируя воспоминания отставного реформатора в оптике перформативного поворота, можно выявить определенную парадоксальность российского самодержавия, проявляющуюся на уровне монархического дискурса. Внутренняя парадоксальность авторитетного дискурса стала важнейшим фактором перформативной составляющей трансформации

---

³²⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 213.

³²⁸ Там же. – С. 112.

³²⁹ Там же. – С. 205.

российской политической системы, которая, несмотря на масштабные политические реформы, оставалась скрытой не только от общественного мнения, но и от самих политических акторов.

Институту российской монархии принадлежала доминирующая роль в политической жизни империи. В результате преобразований 1905 г., в России возник сложный и противоречивый политический порядок. Он сочетал в себе, с одной стороны, основы представительства, с другой стороны, центральной фигурой политической системы продолжал оставаться самодержавный монарх. Витте, будучи одним из «архитекторов» нового политического порядка, придерживался точки зрения о необходимости проведения реформ «сверху», по инициативе императора, однако данные преобразования не должны были затрагивать основ самодержавного политического строя.

В политической культуре Российской империи титул «самодержец» являлся харизматичным словом, наделявшим правителя аурой трансцендентности. Сохранение титула «самодержец» имело очень важное символическое значение для института российской монархии. Дальнейшее использование титула было необходимо для трансляции образа трансцендентного монарха (правителя, чья власть дарована свыше и не поддается юридическому определению), а также для сохранения неразрывной связи с прошлым. Вместе с сохранением титула форма авторитетного дискурса осталась неизменной. Институциональный дизайн российской монархии не претерпел существенной трансформации. Авторитетный дискурс, представленный образом трансцендентного самодержавного монарха (сценарием власти), чья власть носила сакральный характер, продолжал существовать в той форме, в какой он существовал до издания манифеста 17 октября, однако содержание авторитетного дискурса существенно усложнялось, образуя противоречивый политический порядок.

§ 2. Персонифицированные образы российской монархии

Одной из основных характерных черт российского самодержавия была чрезмерная персонификация: центральной фигурой российской монархии был непосредственно монарх, что отмечали многие исследователи политической истории России. По мнению Р. Уортмана, в России представление об императоре, введенное Петром Великим как о верховном герое, обладающем абсолютной властью на благо государства, сохранялось в качестве предварительного условия монархического правления в течение двух последующих столетий³³⁰. Б.И. Колоницкий подчеркивал, что в периоды кризисов, затрагивающих все сферы общественной жизни, неизбежно усиливается роль персонификаций в политическом процессе, поэтому необходимо сосредоточить аналитический взгляд на персонифицированных образах власти. Исследование персонифицированных образов сделает возможным анализ действительной роли политических лидеров, а также деконструкцию циркулирующих в общественном сознании мифов³³¹. С.И. Григорьев указывал на максимальную персонификацию политического режима Российской империи: каждый монарх обладал собственным представлением совершенного монархического начала, что отражалось в конструировании персонифицированного образа российского монарха³³².

Прежде чем приступить к анализу персонифицированных образов Александра III в интеллектуальном наследии Витте необходимо дать характеристику его взаимоотношениям с самим императором. Многочисленные свидетельства достаточно теплых отношений между ними можно найти на страницах мемуаров их современников. «С.Ю. Витте,

---

³³⁰ Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. – Boston, 2014. – P. 17.

³³¹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – С. 16-17.

³³² Григорьев С.И. Указ. соч. – С. 6.

бывший скромным чиновником управления Юго-Западных железных дорог, обязан был своей головокружительной карьерой дальнорукости Императора Александра III, который, назначив его товарищем министра, сразу же признал его талант»³³³, – отмечал в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович.

Журналист и издатель «Русского слова» А.В. Руманов писал о том, что Витте искренне любил Александра III и мог о нем говорить часами³³⁴. «Быстрому подъему государственного значения Витте много содействовали расположение и доверие к нему императора Александра III, которому нравилась непосредственность нового сановника и отсутствие у него царедворческих привычек. В этом государь видел внешнее проявление прямоты и искренности. Министров такого типа еще не бывало в кабинете Александра III, и ему, самому непосредственному и сильному, пришлось по душе такие же черты у Витте»³³⁵, – утверждал В.И. Ковалевский.

Историк К.А. Соловьев, проанализировав образ Александра III, пришел к выводу, что тиражируемый образ самодержца не слишком совпадал с реальной личностью императора. Ученый отмечал, что Александр III в глазах современников выглядел сильным, решительным монархом, способным претворять в жизнь самые «жесткие» решения. Самодержец не стыдился своих эмоций, он мог цинично, в резкой форме охарактеризовать поступки своих подчиненных. Например, он нарек «кретином» великого князя Михаила Михайловича за его намерение взять в жены дочь графа Н. П. Игнатьева, а дипломат С.С. Татищев удостоился эпитета «негодяй» за то, что в своей статье провел параллели между отменой крепостного права в России и революцией во Франции. П.Н. Дурново после скандала с его любовницей и бразильским послом был назван «свиньей» и лишился должности главы

---

³³³ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. – С. 54.

³³⁴ Руманов А.В. Из воспоминаний. 1. Сергей Юльевич Витте // Новое русское слово. 1961. 23 апреля.

³³⁵ Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте. – С. 57-58.

Департамента полиции³³⁶. Исследователь констатирует, что вопреки распространенному образу волевого, жесткого императора, реальная личность монарха не вполне совпадала с тиражируемым образом: Александру III были присущи сомнения, колебания и уступки. Соловьев делает вывод о том, что решительный на бумаге, чаще всего император был не готов идти на конфронтацию при личной встрече. Поэтому опытные царедворцы не боялись аудиенции у императора, добивались ее и в итоге нередко одерживали верх над всеми своими недоброжелателями³³⁷. Среди опытных царедворцев, не боявшихся аудиенций у императора, можно выделить и Витте.

О расположении к себе императора Витте писал следующие строки: «Единственный человек, при котором я ни в своих выражениях, ни в своих действиях никогда не стеснялся, говорил все, что думал со свойственной моему характеру резкостью и неделикатностью (я признаю эту слабую черту в моем характере) был император Александр III. И никогда от него по этому поводу я не только не получил никакого замечания, но даже никогда не заметил – ни в его фигуре, ни в выражении его лица, чтобы это ему было неприятно»³³⁸. Повествуя о благосклонности к себе императора Александра III, мемуарист упоминал разговор, состоявшийся с вдовствующей императрицей через несколько дней после похорон царя. Мария Федоровна сказала Витте: «Я думаю, что Вам очень тягостна смерть императора, потому что действительно он Вас очень любил»³³⁹.

Уортман, проанализировавший образ Александра III, тиражируемый в прессе (на примере петербургской газеты «Новое время»), пришел к выводам о том, что на страницах газеты император выглядел как «настоящий русский царь»: внешне – носил бороду впервые с XVII в., а внутренне, – был

---

³³⁶ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 71.

³³⁷ Там же. – С. 72-73.

³³⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 171.

³³⁹ Там же. – С. 393.

правдивым, рассудительным, умным, любил все русское, начиная от искусства и литературы, заканчивая газетами и едой³⁴⁰.

На страницах «Воспоминаний» Витте присутствуют яркие описания внешнего облика самодержца и того впечатления, которое он производил на окружающих: «Фигура императора Александра III была очень импозантная; он не был красив, по манерам был, скорее более или менее медвежатый; был очень большого роста и комплекции, причем по своей комплекции он не был особенно силен или мускулист, а скорее был несколько толст и жирен, но тем не менее, если бы Александр III явился в толпу, где бы совсем не знали, что он император, – все бы обратили на эту фигуру внимание. Он производил впечатление своей импозантностью, спокойствием своих манер и крайнею, с одной стороны твердостью, а с другой стороны – благодушием в лице»³⁴¹. «Его гигантская фигура представляла какого-то неповоротливого гиганта с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами»³⁴².

Витте акцентировал внимание на неблагоприятных «нравственных, экономических и стратегических» конъюнктурах, которые сложились в России на момент вступления нового императора на престол: во-первых, Александр III «вступил на трон, обагрённый кровью его отца»³⁴³, во-вторых, русско-турецкая война 1877-1878 гг. «была ни по своему ходу, ни по результатам такой, как этого ожидали. Мы победили все-таки скорее громадным численным перевесом над неприятелем, нежели превосходством наших боевых качеств по сравнению с турками»³⁴⁴, в-третьих, подписание Берлинского трактата, пересматривающего условия Сан-Стефанского договора, «в высокой степени неблагоприятно отозвалось на духе и расположении всей России и не могло не отозваться на сердце цесаревича

---

³⁴⁰ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2. – С. 413-414.

³⁴¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 161.

³⁴² Там же. – С. 311.

³⁴³ Там же. – С. 307.

³⁴⁴ Там же. – С. 308.

Александра Александровича, будущего императора Александра III»³⁴⁵, в четвертых, анархические убийства и террористические действия, которые сопровождали последние годы царствования Александра II³⁴⁶.

По мнению мемуариста, под влиянием этих обстоятельств был принят новый университетский устав 1884 г., который автор находил «большой ошибкой», совершенной под влиянием графа Д.А. Толстого и «кучки консерваторов» того времени³⁴⁷. Однако Витте подчеркивал, что несмотря на действие устава университетская жизнь шла довольно спокойно и в царствование Александра III не было никаких эксцессов³⁴⁸. Принятие земского Положения 1890 г. отставной сановник называл ошибкой Александра III, но «ошибкой в высшей степени душевной»³⁴⁹. Мемуарист объяснял ее тем, что император «относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства, в частности, и русских слабых людей, вообще»³⁵⁰.

Историк А.А. Федяшин, называя Витте «самым ярким, компетентным и противоречивым реформатором александровской эпохи» отмечает, что его «привел к власти сам царь, чей консерватизм не только не и исключал, но и опирался на прогрессивные экономические реформы. Защита традиций, с одной стороны, и реформы экономической жизни, с другой, не казались взаимоисключающими действиями»³⁵¹.

Об экономической доктрине императора Александра III Витте писал в мемуарах. На страницах «Воспоминаний» он настаивал на том, что главным инициатором ключевых мероприятий в экономической политике 1880-х –

---

³⁴⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 308.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же. – С. 313.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Федяшин А.А. Консерватор, прагматик, реформатор: к переоценке Александра III // Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. ст. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., 2018. – С. 28.

1890-х гг. (выкуп в государственную казну частных железных дорог³⁵², реформа таможенных тарифов³⁵³, винная монополия³⁵⁴) был император Александр III. Мемуарист неоднократно отмечал скромность и простоту самодержца: «он терпеть не мог излишней роскоши, терпеть не мог излишнего бросания денег; жил с замечательной скромностью»³⁵⁵. Нелюбовь к излишнему бросанию денег распространялась и на государственный бюджет, Витте называл царя «идеальным государственным казначеем»³⁵⁶. По мнению сановника, «Александр III сознавал, что Россия может сделаться великою лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленною»³⁵⁷.

Федяшин приходит к выводу о том, что репутация «царя-миротворца» и тринадцатилетнее мирное царствование Александра III были обусловлены посещением фронтовых позиций, где он собственными глазами увидел все ужасы войны. «После Берлинского конгресса в июне 1878 г. цесаревич Александр понял, что империя не может играть в геополитику с позиции слабости, и пришел к выводу, что для России лучше всего было бы оправиться от временного истощения и провести военно-морскую реорганизацию вкупе с экономическими реформами. Панславистские мечты перестали его интересовать, да и консерватизм освободился от романтических иллюзий и стал прагматичным, прикладным и реформаторским»³⁵⁸.

На страницах «Воспоминаний» достаточно часто присутствуют отсылки к имиджу «царя-миротворца» – одному из важнейших компонентов образа Александра III. По мнению Витте, он достигался за счет «справедливости и непоколебимой твердости» самодержца: «Весь мир

---

³⁵² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 376-377.

³⁵³ Там же. – С. 345-347.

³⁵⁴ Там же. – С. 352.

³⁵⁵ Там же. – С. 310.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же. – С. 312.

³⁵⁸ Федяшин А.А. Консерватор, прагматик, реформатор: к переоценке Александра III. – С. 32-34.

признавал, что если последние 13 лет во время царствования императора Александра III Россия жила в покое и вся Европа прожила мирно, то это только благодаря крайне миролюбивому характеру императора Александра III, который был миролюбив не на словах, – он не подавал инициативы для различных мирных конференций, мирных выступлений и мирных погремущек, а фактически, по существу своего высокого характера, был тверд, но в высокой степени миролюбив»³⁵⁹.

Мемуарист вспоминал время сразу после смерти Александра III, «когда вся Европа почувствовала, что уходит сила, которая держала своей нравственной фигурой Европу в мирном и спокойном положении»³⁶⁰. По мнению сановника, в основе миролюбивой внешней политики самодержца, бывшего на войне и испытавшего все ее ужасы, лежало следующее убеждение: «не желая никаких завоеваний, приобретений, никаких военных лавров, император никогда, ни в каком случае не поступится честью и достоинством вверенной ему Богом России»³⁶¹. «Главнейшая заслуга Александра III заключается в том, что своими прямыми, бесхитростными и честными действиями он, несмотря на многие осложнения, явившиеся на Балканском полуострове и некоторый разлад с Германией, поставил политический престиж России так высоко, как он никогда до него не стоял»³⁶², – писал мемуарист.

Одним из важнейших образов Александра III был имидж самодержца, который «внушает всем страх». Отсылки к данному образу можно найти на страницах воспоминаний его современников. В.П. Мещерский писал о том, что «уже после первых годов царствования Александра III вся Европа с Бисмарком, знавшим толк в вопросе о величии во главе, сознавала, что

---

³⁵⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 390.

³⁶⁰ Там же. – С. 311.

³⁶¹ Там же. – С. 310-311.

³⁶² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 89.

Россия растет государственной мощью, отражая в себе рост своего Монарха»³⁶³.

О том, что самодержца «все боялись как огня» писал в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович. Он описывал эпизод, произошедший в Гатчине, когда один министр настаивал на том, чтобы император немедленно принял зарубежного посла, на что Александр III ответил: «Когда Русский Царь удит рыбу, Европа может подождать»³⁶⁴. Александр Михайлович писал о том, что самодержец любил говорить своим министрам, что «во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот»³⁶⁵. Эти фразы стали каноническими, неоднократно цитируемыми и являлись одними из наиболее ярких и узнаваемых компонентов персонифицированного образа императора Александра III.

На страницах «Воспоминаний» Витте вспоминал похожий эпизод. В первые годы царствования Александра III состоялся приезд в Петербург князя Николая черногорского. На обеде император произнес тост за «единственного моего друга князя черногорского», который повысил престиж гостя и оставил в некотором недоумении коронованных особ Европы. Скорее всего это означало, что ему «никаких, ни с кем политических дружб не нужно», что он «считает Россию настолько сильной и властной и ни в каких подержках ни от кого не нуждается», что он «сам стоит на ногах и сам влияет на общемировую политику и ни от кого не зависит», что «те, которые желают соответствующего успеха в мировом концерте, должны желать и искать дружбы России и его монарха императора Александра III»³⁶⁶. В «Воспоминаниях» автор ссылался на слова императора Вильгельма II о том, что он «завидует царственности, самодержавной царственности, которая проявлялась в фигуре Александра III»³⁶⁷.

---

³⁶³ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 666.

³⁶⁴ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. – С. 144.

³⁶⁵ Там же. – С. 57.

³⁶⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 383.

³⁶⁷ Там же. – С. 162.

Александр III «олицетворял собою идею абсолютной монархии»³⁶⁸ и «ревниво оберегал самодержавный режим»³⁶⁹, – писал Извольский. На страницах «Московских ведомостей», в статье, посвященной памяти императора Александр III, публицист и общественный деятель Л.А. Тихомиров утверждал, что правление покойного государя являлось примером монархии «в истинном существе своем» – высшего из всех политических принципов³⁷⁰. «К счастью для России император Александр III обладал всеми качествами крупного администратора <...> Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходит от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным влияниям ...»³⁷¹, – такое мнение об императоре высказывал Александр Михайлович, подобные характеристики самодержцу давал и Витте.

На страницах «Воспоминаний» Витте отмечал: «Александр III был такую привлекательной и высокой личностью, которая не могла не внушать к себе глубокого уважения, преданности и любви»³⁷². «У императора Александра III никогда слово не расходилось с делом»³⁷³. «Он обладал именно царским сердцем»³⁷⁴. «Может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца, это своего рода ум, присутствие которого, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, – несравненно важнее ума рассудка»³⁷⁵. По мнению мемуариста, император одинаково относился к средствам из государственной казны и к собственному хозяйству. Сановник называет самодержца «образцовым семьянином», «образцовым начальником», «образцовым хозяином» и

---

³⁶⁸ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 167.

³⁶⁹ Там же. – С. 83.

³⁷⁰ Тихомиров Л.А. Носитель идеала // Московские ведомости. 1894. 30 октября.

³⁷¹ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. – С. 53-54.

³⁷² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 267.

³⁷³ Там же. – С. 311.

³⁷⁴ Там же. – С. 309.

³⁷⁵ Там же.

«идеальным государственным казначеем», который берег каждый рубль и каждую копейку русского народа, благодаря чему «удалось привести финансы в порядок»³⁷⁶.

Витте считал, что Александр III «вел образцовую семейную жизнь», а его семейство «могло служить образцом благочестивой русской семейной жизни»³⁷⁷. Он был «настоящим патриархом и главою императорской семьи; при нем были немислимы в императорской семье различные эпизоды, происшедшие после его кончины»³⁷⁸. Во время его царствования «великие князья ходили по струнке»: любили и боялись его, самодержец пользовался среди них абсолютным авторитетом. В области управления он оказывал сдерживающее влияние на великих князей: они не имели возможностей вмешиваться в дела, их не касающиеся³⁷⁹. Императрица Мария Федоровна, которую самодержец очень любил, «не имела решительно никакого влияния на императора Александра III ни в делах служебных, ни в политических»³⁸⁰.

Сановник указывал на трансформацию политических убеждений императора в последние годы царствования: по сравнению с началом своего царствования, самодержец «сделался значительно более либеральным»³⁸¹. Эволюцию во взглядах Александра III мемуарист объяснял тем, что, имея опыт царствования, император понял, что «смута, которая была в конце царствования его отца, являлась более наносной и происходила от недостаточно твердого характера его отца»³⁸², а «Россия – такая страна, которая сама по себе совсем не желает каких бы то ни было революций, а желает только спокойной, тихой жизни»³⁸³. Под путем «спокойного

---

³⁷⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 309-310.

³⁷⁷ Там же. – С. 319.

³⁷⁸ Там же. – С. 314-315.

³⁷⁹ Там же. – С. 400.

³⁸⁰ Там же. – С. 336.

³⁸¹ Там же. – С. 314.

³⁸² Там же.

³⁸³ Там же.

либерализма», которым должен был повести страну Александр III, Витте подразумевал «жизнь государства для пользы народа»³⁸⁴.

Современники, отмечавшие исключительные личностные качества монарха, высказывали сожаления в связи с его ранней смертью. «Трагедия России заключалась в том, что такому волевому человеку суждено было умереть в возрасте сорока девяти лет»³⁸⁵, – писал великий князь Александр Михайлович. Витте называл Александра III «великим императором»³⁸⁶, он был убежден в том, что если бы это царствование было бы в два раза длиннее по времени, то это было бы «одно из самых великих царствований» в истории³⁸⁷. По мнению отставного реформатора, Александр III воплощал образ «истинного самодержца», которого уважала не только вся Россия, но и весь мир. Царь был «по натуре самодержец» и мог поддержать и сохранить исторически сложившееся в России неограниченное самодержавие³⁸⁸.

О преданности Витте памяти императора после его скоропостижной смерти в 1894 г. писали многие современники, в частности дипломат Извольский³⁸⁹. По мнению начальника отдела канцелярии Совета министров и одного из ближайших сотрудников Витте П.П. Менделеева, «Витте свято чтит память Александра III, по собственному почину приблизившего его к себе и удостоившего полным доверием»³⁹⁰.

Используя исследовательскую оптику перформативного поворота для анализа образа Александра III в интеллектуальном наследии Витте, можно утверждать, что авторитетный дискурс, представленный репрезентацией образов монархии, выглядел следующим образом: центральной фигурой данного чрезвычайно персонифицированного института являлся сильный, благородный самодержавный правитель. Витте отмечал, что во время

---

³⁸⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 314.

³⁸⁵ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. – С. 145.

³⁸⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 306.

³⁸⁷ Там же. – С. 314.

³⁸⁸ Там же. – С. 87.

³⁸⁹ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 96.

³⁹⁰ Менделеев П.П. Указ. соч. – С. 193.

царствования Александра III социально-экономическая и геополитическая обстановка требовала сохранения режима неограниченного самодержавия, а сам император обладал набором необходимых «благородных качеств», позволявших ему быть «неограниченным благороднейшим монархом». Одна из ключевых идей «Воспоминаний» заключается в том, что император Александр III был способен проводить политику, направленную на поддержание и сохранение самодержавной монархии³⁹¹.

После смерти Александра III на престол вступил его старший сын Николай Александрович. Необходимо проанализировать образ молодого императора в историографии. Анализируя политические шаги недавно взошедшего на престол императора Уортман отмечает, что Николай II в начале своего правления придерживался политической линии, проводимой его отцом, почти все министры Александра III остались на своих должностях. Молодой император особенно полагался на Витте, который предусмотрительно сблизился с Николаем в бытность его цесаревичем³⁹². Известный эксперт делает вывод о том, что, несмотря на попытки продолжения политики отца, персонифицированные образы монархов – Александра III и Николая II существенно отличались друг от друга самой концепцией царского служения. Уортман полагает, что если Александр III доверял «истинно русским» чиновникам, апологетам сильной монархической власти, то его сын, напротив, рассматривал весь официальный аппарат администрации как чуждый и антимонархический. Последний российский самодержец не испытывал доверия в первую очередь к энергичным и талантливым госслужащим, поскольку видел в них опасность и угрозу для своей личной власти. Также Николай II не желал учитывать противоположную точку зрения и не выносил мнений, вступающих в противоречие с мнением Его Величества³⁹³.

---

³⁹¹ Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Указ. соч. – С. 944.

³⁹² Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2. – С. 462.

³⁹³ Там же.

Описывая период первых лет царствования нового монарха Уортман приходит к выводу, что последний русский самодержец испытывал дискомфорт и понимал, что соответствовать тому сценарию власти, который был заложен в царствование Александра III ему будет трудно. Внешний облик и определенные черты характера позволяли Александру III «выглядеть русским царем не выходя из роли всероссийского императора». Николай II дорожил образностью национального мифа и верил в нее, однако его внешность и характер не соответствовали образу русского царя³⁹⁴.

Историк Д.А. Андреев считает, что вопреки распространенным историографическим штампам, недостаточная готовность Николая II к царствованию была именно профессиональной, но никак не психологической. По мнению исследователя, молодой император, несмотря на нехватку управленческих навыков, довольно быстро исправил эту ситуацию, вошел в рутинный ритм царского администрирования и с внешней стороны никоим образом не отличался от своих предшественников на престоле. Андреев объясняет данное обстоятельство не столько способностями государя, сколько особенностями функционирования системы самодержавной власти, подстраивавшейся под индивидуальные особенности каждого первого лица и в относительно стабильное время успешно справлявшейся с управленческими функциями³⁹⁵.

По мнению Уортмана, только в начале XX в. Николай II начал постепенно сознавать собственную роль в национальном мифе и демонстрировать собственный сценарий власти³⁹⁶. Колоницкий, анализируя образ императора Николая II как «слабого царя» выявляет взаимосвязь между политическими талантами главы государства и складыванием общественно – политических конъюнктур начала XX в. В такой обстановке даже лидер, максимально одаренный политическими талантами, вряд ли смог

---

³⁹⁴ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2. – С. 461.

³⁹⁵ Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. – С. 214.

³⁹⁶ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2. – С. 462.

провести слабо поддающийся управлению государственный корабль через лабиринты рифов³⁹⁷.

Анализируя непростые отношения между новым императором и министром финансов, необходимо обратиться к воспоминаниям современников. Камергер И. И. Тхоржевский на страницах своих мемуаров вспоминал размышления управляющего делами Комитета министров Э.Ю. Нольде о взаимоотношениях между Витте и Николаем II: «Старый петербуржец Нольде говорил: “Государь – это художник-миниатюрист, а Витте – грубый декоратор для большой публики. Такие люди не могут понять друг друга, это выше их сил!”»³⁹⁸. Давая собственную оценку непростым отношениям между сановником и монахом, Тхоржевский отмечал: «Витте, чтобы заставить Государя делать то, чего тот не хотел, чередовал при нем свою настойчивость с грубым подлаживанием и лестью. Государь видел насквозь эту игру, для него слишком примитивную, а потому считал Витте “грубым хамелеоном”. Крайне им тяготясь, он не видел редких достоинств Витте, считал его врагом, кандидатом в президенты российской республики, что было уже неверно и весьма несправедливо»³⁹⁹.

Публицист И.И. Колышко, хорошо знавший Витте, объяснял сложные отношения между сановником и самодержцем властолюбием и честолюбием, присущим бюрократу, «как в “Золотой рыбке”, Витте захотел, чтобы прислуживала ему за столом эта самая рыбка [*Николай II – И.В.*]»⁴⁰⁰. Литератор описывал эпизод, произошедший во время одного из докладов Витте в Царском селе, когда министр финансов «со свойственной ему авторитетностью и грубостью» требовал от императора подписать один из указов, который шел вразрез с мнением большинства Государственного Совета. Николай II в свойственной ему деликатной манере спросил: «Сергей

---

³⁹⁷ Колоницкий Б.И. #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. – С. 39.

³⁹⁸ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 77.

³⁹⁹ Там же. – С. 78.

⁴⁰⁰ Колышко И.И. Указ. соч. – С. 142.

Юльевич, вы и впрямь считаете меня за мальчика?». По мнению Колышко, данные слова прозвучали для сановника «как гром в ясный день»⁴⁰¹.

А.П. Извольский писал, что Николай II относился к Витте недоброжелательно и не вполне доверял ему, даже когда тот занимал пост министра финансов⁴⁰², а сановник с трудом скрывал свое нерасположение к наследнику Александра III⁴⁰³. «Одной из причин, и не последней, неудач его карьеры была полная противоположность между ним и его монархом»⁴⁰⁴, – заключал Извольский. Начальник канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолов предполагал, что «царь не только не доверял своему премьеру, но и видел в нем соперника во влиянии и популярности»⁴⁰⁵.

Канцлер Германии Б. Бюлов отмечал, что Витте «впал в немилость у своего монарха и питал к нему злобу»⁴⁰⁶, а В.Н. Коковцов писал о явно отрицательном отношении государя к Витте⁴⁰⁷. Начальник отдела канцелярии Совета министров П.П. Менделеев свидетельствовал о враждебном отношении к сановнику монарха: «Государь не мог простить Витте, что тот, как он говорил, вырвал у него подпись под манифестом [*манифестом 17 октября – И.В.*]. Смотрел на него как на злейшего своего врага»⁴⁰⁸.

По воспоминаниям А.В. Руманова, Витте дал следующую характеристику последнему российскому самодержцу: «Он... он византиец, слову верить нельзя. Обласкает, зачарует, так знай, вечером шелковый шнурок получишь. В лодке, если буря, выбросит всех, чтобы спасти себя. В тоне его звучит почти ненависть...»⁴⁰⁹. В качестве подтверждения тезиса о

---

⁴⁰¹ Колышко И.И. Указ. соч. – С. 142.

⁴⁰² Извольский А.П. Указ. соч. – С. 16.

⁴⁰³ Там же. – С. 21.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 145-146.

⁴⁰⁶ Бюлов Б. Указ. соч. – С. 272.

⁴⁰⁷ Коковцов В.Н. Указ. соч. – С. 333.

⁴⁰⁸ Менделеев П.П. Указ. соч. – С. 183.

⁴⁰⁹ Руманов А.В. Из воспоминаний. 1. Сергей Юльевич Витте // Новое русское слово. 1961. 23 апреля.

недоброжелательном отношении со стороны императора можно привести письмо Николая II императрице Александре Федоровне, в котором монарх описывал свою реакцию на известие о смерти Витте: в день кончины отставного сановника в его сердце «царил истинно пасхальный мир»⁴¹⁰.

Журналист Л.М. Клячко, знавший о «злобе царя на Витте»⁴¹¹, описывал поведение самодержца, узнавшего о смерти графа: «Даже после смерти Витте Николай II остался верен своей ненависти и своей мелочной мстительности: он не послал вдове сочувственной телеграммы. Зато, как только Витте испустил последний вздох, царь прислал на квартиру его своих чиновников, конфисковавших бумаги покойного»⁴¹². Член Государственного совета В.И. Гурко писал, что «в глазах Николая II Витте окончательно и бесповоротно превратился в предателя до такой степени, что когда в 1915 г. он скончался и весть об этом дошла до Ставки [*Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве – И.В.*], где в то время пребывал государь, он выразился в том смысле, что наконец-то исчез очаг смуты»⁴¹³.

Отношениям с Николаем II посвящены ряд сюжетов на страницах «Воспоминаний». Свое пребывание в должности министра финансов в течение более чем восьми лет после смерти Александра III и проведение ключевых экономических преобразований Витте объяснял тем, что молодой император верил не столько самому чиновнику, сколько тому «полнейшему доверию», которое испытывал к сановнику его покойный отец⁴¹⁴. «Молодой император Николай II в первые годы своего царствования во всем мне вполне доверял и у меня не было в этом отношении никаких затруднений со стороны Его Величества, вероятно потому, что он почитал заветы своего отца», – утверждал Витте⁴¹⁵.

---

⁴¹⁰ Переписка Николая и Александры Романовых. – Т. 3. – С. 116.

⁴¹¹ Клячко (Львов) Л.М. За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста. – С. 139.

⁴¹² Там же. – С. 152.

⁴¹³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 536.

⁴¹⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 312.

⁴¹⁵ Там же. – С. 354.

О «полнейшем доверии» к заветам отца молодого императора Николая II писал в мемуарах Извольский. По его мнению, «император Александр III управлял Россией железной рукой в течение тринадцати лет, проводя строгую политику бюрократической централизации»⁴¹⁶. Дипломат отмечал, что стремление молодого императора отказаться от определенных традиций «царя-миротворца» встретило ожесточенное сопротивление со стороны советников Александра III, сохранивших свои посты во время нового царствования⁴¹⁷. Мемуарист пришел к выводу, что «на протяжении первых пяти лет нового царствования русская империя продолжала управляться тенью умершего императора»⁴¹⁸.

О противоречии между распространенными, широко тиражируемыми образами «мягкого», «деликатного» монарха и непосредственно личностью Николая II писал историк Соловьев. С одной стороны, монарх был чрезвычайно любезен и деликатен в личном общении, однако, с другой стороны, некоторые его резолюции удивляли современников своей резкостью и жестокостью. Историк констатировал, что решительность на бумаге сочеталась с готовностью Николая II соглашаться с каждым своим собеседником. В этом он усматривал схожесть Николая II с его отцом⁴¹⁹.

Свидетельства «резких» резолюций монарха сохранились в архивах. Подобные резолюции последний российский император оставлял и на докладах Витте. В одном из них в 1906 г. председатель Совета министров сообщал самодержцу о том, что «приговоренный к смертной казни лейтенант Шмидт – психически больной человек». Резолюция Николая II гласила следующее: «у меня нет ни малейшего сомнения в том, что если бы Шмидт

---

⁴¹⁶ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 167.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Там же. – С. 167-168.

⁴¹⁹ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 75-77.

был душевно больным, то это было бы установлено судебной экспертизой»⁴²⁰.

Другой всеподданнейший доклад Витте 1906 г. о не подписании императором указа о принятии решительных мер против служащих, нарушивших свои обязанности. По этому поводу Витте писал: «Соответственно высочайшему мнению Вашего Императорского Величества, которое я имел счастье выслушать при последнем моем всеподданнейшем докладе, Вам благоугодно было, по предлагаемой мемории, принять мнение большинства членов Совета министров, – в таком не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству подписать прилагаемый указ правительствующему Сенату»⁴²¹. Император в своей резолюции объяснил, что не подписал данный указ, поскольку «губернской власти даны достаточные полномочия для удаления от должности чиновников, нарушивших долг присяги»⁴²². Витте попытался аргументировать свою точку зрения тем, что если не принять решительные меры, то «губернаторы будут оставаться в известной мере парализованными в борьбе с революцией»⁴²³. Аргументы графа не убедили монарха: «оставляю в силе первоначальную свою резолюцию»⁴²⁴, – писал император.

Воспитанность и деликатность были важнейшими составляющими персонифицированного образа Николая II и это отмечали многие его современники. Начальник канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолов считал, что император был вежлив, предупредителен и ласков в личном общении, независимо от возраста, должности и социального положения собеседника⁴²⁵.

Витте характеризовал последнего российского императора как замечательно воспитанного человека, не позволяющего себе никакой

---

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 561. Л. 1.

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 560. Л. 2.

⁴²² Там же.

⁴²³ Там же. Л. 4-5.

⁴²⁴ Там же. Л. 4.

⁴²⁵ Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 8.

резкости и неделикатности ни в речи, ни в манерах⁴²⁶. В «Воспоминаниях» он убеждал, что его резкость и неделикатность в речи и манерах, которые коробили замечательно воспитанного самодержца, стала одной из причин их непростых отношений. «Между тем эта моя черта, эта моя слабость – известная распушенность и резкость в речи – она послужила главным основанием того, что я в конце концов никак не мог расположить к себе – ни как к человеку, ни как к государственному деятелю – ныне благополучно царствующего императора»⁴²⁷.

Витте приводил собственную версию обстоятельств, в связи с которыми у него не сложились отношения с монархом: «Император Николай II часто питал ко мне дурные чувства не потому, что у меня резкая манера говорить и даже не столько вследствие интриг, а потому, что в глубине своей души он не может не сознавать, что все, что я ему говорил, все, о чем я его предупреждал, случилось – и случилось именно потому, что он меня не послушал»⁴²⁸. Кроме того, Витте писал о том, что государь недолюбливал и не переносил людей, «представлявших собой определенную личность» (тех, кто тверды в своих мнениях, словах и действиях). В качестве примера он приводит увольнение в 1894 г. с должности варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко. По мнению мемуариста, этой чертой характера Николай II являлся полной противоположностью Александру III, который «очень ценил в собеседнике твердые убеждения»⁴²⁹.

Подобные объяснения психологии самодержца можно увидеть не только на страницах мемуаров Витте. О том, что государь «претерпевал с великим трудом людей талантливых и не революционеров (таких как Витте и Столыпин), чувствуя себя уверенно и спокойно только в обществе Дурново, Сипягина, Булыгина и Штюрмера», – писал в своих мемуарах член

---

⁴²⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 171; 269.

⁴²⁷ Там же. – С. 171.

⁴²⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 133.

⁴²⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 409.

Государственного Совета А.Н. Куломзин⁴³⁰. Он объяснял это «отрицательными качествами молодого государя»: тяготением к лицам, не одаренным от природы и страхом попасть под влияние людей, подозреваемых его невежественным антуражем в прогрессивных тенденциях⁴³¹.

Еще одним распространенным элементом образа Николая II в публичном политическом пространстве был облик молодого, «неподготовленного» к несению обязанностей самодержца. Историк Андреев, настаивающий на некорректности тезиса о «неподготовленности» Николая II к занятию престола из-за «ранней смерти отца», отмечает, что на момент вступления на престол император обладал наименьшим бюрократическим опытом из всех государей, начиная с Павла I. Александр III не торопился привлекать наследника к государственным делам. Анализируя ситуацию октября 1894 г. Андреев видит у молодого императора одновременно с отсутствием необходимого опыта очевидное, ярко выраженное желание работать⁴³².

Витте неоднократно писал о том, что император Николай II вступил на престол неожиданно, будучи «совсем не подготовленным к тому, чтобы быть императором»⁴³³, поэтому в первые годы царствования находился «под всевозможными влияниями» царской семьи: императрицы-матери Марии Федоровны и великих князей (в первую очередь Владимира Александровича, Алексея Александровича и Сергея Александровича)⁴³⁴. Мемуарист отмечал, что если во время царствования Александра III великие князья «ходили по струнке», то после воцарения молодого неопытного императора, обладавшего мягкостью характера, «все это было перевернуто». Витте

---

⁴³⁰ Куломзин А.Н. Указ. соч. – С. 502.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. – С. 213.

⁴³³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 158; 393; 398.

⁴³⁴ Там же. – С. 398-399.

называл это обстоятельство одной из причин многих неблагоприятных явлений и «бедствий» царствования Николая II⁴³⁵.

Кроме того, он высказывал мнение о том, что «из-за своей доброты монарх весьма распустил царскую семью»⁴³⁶. Спустя пятнадцать лет ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Великие князья имели влияние в значительно меньшей степени, поскольку император за годы царствования многое в жизни испытал, и приобрел такой опыт в управлении государством, которым ни один из членов царской семьи не обладал⁴³⁷. Однако великие князья все же продолжали играть роль в политической жизни страны. Мемуарист привел актуальный на момент написания «Воспоминаний» [*этот фрагмент мемуаров был написан в 1911 г. – И.В.*] пример с принятием закона о земстве в западных губерниях и ультиматумом Столыпина. По мнению Витте, если бы не вмешательство великих князей, то император не принял бы ультиматум Столыпина и тот вышел бы в отставку, остался жив и, возможно, впоследствии смог бы сыграть какую-нибудь роль в государственном управлении. Однако благодаря вмешательству в данный политический кризис великих князей Александра Михайловича и Николая Михайловича и под их влиянием император принял «невозможный ультиматум Столыпина, невозможный в том смысле, что он совершенно противоречит нашим Основным законам и является актом величайшего произвола»⁴³⁸.

В «Воспоминаниях» Витте также можно найти свидетельства, указывающие на то, что император Александр III воспринимал наследника цесаревича как инфантильного ребенка. На предложение Витте назначить Николая Александровича председателем Особого комитета Сибирской железной дороги император, будучи очень удивленным, ответил, что тот «совсем мальчик; у него совсем детские суждения, как же он может быть

---

⁴³⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 400.

⁴³⁶ Там же. – С. 159.

⁴³⁷ Там же. – С. 399.

⁴³⁸ Там же. – С. 399-400.

председателем Комитета?»⁴³⁹, а через год или полтора после этого разговора, тот «мальчик, который самостоятельно никакие государственные дела вести не может» сделался императором Николаем II⁴⁴⁰.

Однако вместе с идеей о «неподготовленности» автор «Воспоминаний» отмечал, что Николай Александрович «несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает»⁴⁴¹. Мемуарист, описывая первые годы царствования, писал о «добром сердце императора». Когда молодой император вступил на престол, «от него светлыми лучами исходил дух благожелательности». По мнению Витте, проявлявшиеся в последующие годы царствования иные черты характера императора, объяснялись многочисленными испытаниями, которые пережил монарх. Отставной сановник подчеркивал, что в некоторых из этих испытаний монарх виноват сам, поскольку «доверился несоответственным лицам», но сделал это, «думая, что поступает хорошо»⁴⁴².

Анализируя образы последнего российского самодержца, нельзя не затронуть сюжеты, связанные с царской семьей, в особенности личность императрицы, поскольку имидж «идеального семьянина» был важнейшей характеристикой Николая II в публичном политическом пространстве. Историк Колоницкий отмечает, что императрица Александра Федоровна никогда не была популярной в общественном мнении: вплоть до кануна Первой мировой войны имя царицы не вспоминалось широкими общественными кругами в связи с важными политическими дискуссиями, будоражившими страну. Даже в явно монархических кругах последняя царица не смогла стать особенно популярной⁴⁴³.

О крайне непростых отношениях императрицы и сановника было достаточно хорошо известно современникам. Например, Б. Бюлов отмечал,

---

⁴³⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 243.

⁴⁴⁰ Там же. – С. 244.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² Там же. – С. 401.

⁴⁴³ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – С. 242-243.

что Витте «не любил» императрицу Александру Федоровну⁴⁴⁴, В.Н. Коковцов писал, что императрица в кругу близких людей называла сановника «не иначе, как вредный человек»⁴⁴⁵, а А.А. Мосолов указывал на сомнения Александры Федоровны в преданности Витте его величеству⁴⁴⁶.

В мемуарах Витте императрица представлена «пагубнейшею советчицей самодержавного владыки Российской империи», которая обладая «тупым, эгоистическим характером и узким мировоззрением», имеет прочное и непрерывное влияние на «безвольного государя» и «приносит несчастье себе, ему и всей России»⁴⁴⁷. По мнению отставного реформатора, императрица «руководит волею и склонностями государя» и именно она «больше всего виновата в том, что царствование Николая II так несчастно для него и для России»⁴⁴⁸. «Конечно, императрица Александра Федоровна, и бедный государь, и мы все, которые должны быть его верными слугами до гроба, а главное – Россия были бы гораздо счастливее, если бы принцесса Алих сделалась бы в свое время какой-нибудь немецкой княгиней или графиней»⁴⁴⁹, – утверждал мемуарист.

Определенную двуличность, присущую последнему российскому самодержцу отмечали в своих мемуарах многие его современники. В записках председателя II Государственной Думы Ф.А. Головина можно найти свидетельства подобного мнения о монархе Н.А. Хомякова: «не лжет, но и правды не говорит»⁴⁵⁰, – характеризовал председатель III Государственной Думы Николая II. По мнению Головина, последний представитель династии Романовых не мог быть хорошим руководителем внутренней политики обширной державы, поскольку он был «нерешительный, слабовольный и

---

⁴⁴⁴ Бюлов Б. Указ. соч. – С. 272.

⁴⁴⁵ Коковцов В.Н. Указ. соч. – С. 333.

⁴⁴⁶ Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 136.

⁴⁴⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 75-76.

⁴⁴⁸ Там же. – С. 113.

⁴⁴⁹ Там же. – С. 75-76.

⁴⁵⁰ Головин Ф.А. Указ. соч. – С. 394.

двуличный, но упрямый, злопамятный и недоверчивый»⁴⁵¹, мемуарист называл императора «недостойным носителем монархического начала»⁴⁵².

Наглядным подтверждением тезиса о двуличности монарха служит описание последней встречи, состоявшейся между Головиным и императором накануне роспуска II Государственной Думы. По итогам разговора, государь «остался ласков со мной и обещал подождать с роспуском Думы»⁴⁵³, однако через две недели Дума была распущена: «подождал он [*с роспуском Думы – И.В.*], правда, всего две недели, но все же подождал»⁴⁵⁴, – иронизировал автор воспоминаний.

Извольский отмечал что, когда самодержец принимал решение об отставке министров, у него не хватало «моральной твердости» сказать чиновнику об увольнении лично: напротив, император общался с такими сановниками с «удвоенной любезностью» и вниманием, и только после этого он посылал письменное сообщение об отставке. Мемуарист объяснял это «инстинктивной боязнью» сказать или сделать кому-либо неприятное в его присутствии и отмечал, что эта боязнь свойственна многим слабым людям⁴⁵⁵. Мосолов писал, что император с необычайной легкостью увольнял лиц, даже долго при нем служивших⁴⁵⁶. Он считал это проявлением застенчивости и нелюбви к спорам Николая II, отчасти следствием болезненно развитого самолюбия, отчасти тем, что его могут убедить в неправоте. По мнению автора, самодержец осознавал неумение защитить свою точку зрения и считал это обидным для себя⁴⁵⁷.

Согласно воспоминаниям Колышко, в день своей отставки с должности министра финансов, ставшей для Витте неожиданной, сановник говорил: «Как всегда, удар в спину ... Его величество верен себе ... Огладит и вонзит

---

⁴⁵¹ Головин Ф.А. Указ. соч. – С. 517-518.

⁴⁵² Там же. – С. 541.

⁴⁵³ Там же. – С. 520.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 184.

⁴⁵⁶ Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 8.

⁴⁵⁷ Там же. – С. 7-8.

нож ...Так будет и с Россией... Со всеми ...»⁴⁵⁸. На страницах мемуаров Куломзина описан разговор, состоявшийся между ним и Витте в феврале 1905 г., по дороге на панихиду по великому князю Сергею Александровичу. По воспоминаниям Куломзина Витте сказал ему, что из Николая II «мог бы выработаться хороший конституционный монарх, если бы не воспитание, в корне его испортившее. С ним никогда нельзя знать, что он придумает предпринять на следующий день»⁴⁵⁹.

В одном из разговоров, состоявшихся на обеде в феврале 1906 г., Витте дал следующую характеристику Николаю II: «все быстро схватывает и запоминает, но характера никакого»⁴⁶⁰. В мемуарах он даже приписывал императору «женский характер»⁴⁶¹. В своих воспоминаниях Витте часто сетовал на то, что Николай II унаследовал характер матери и отчасти своих предков (Павла I, Александра I), но не унаследовал характер отца⁴⁶². По мнению мемуариста, если бы Николай II обладал хотя бы частью качеств своего отца, «истинного самодержца», ничего подобного, что произошло [*первая русская революция и манифест 17 октября, ограничивший самодержавие – И.В.*], произойти бы не могло⁴⁶³.

«Неумный и недалёковидный политик, он не предвидел, к каким пагубным для него последствиям должна привести его неустойчивая политика и его двуличное поведение, когда он обещает народу одно, а в действительности поступает обратно обещанному, когда он не держит свое царское слово, как последний лгунишка», – такую колоритную характеристику императора представил в своих мемуарах Головин⁴⁶⁴.

О подобных явлениях в царствование последнего российского императора упоминал в своих воспоминаниях и Витте. Он отмечал, что «при

---

⁴⁵⁸ Кольшико И.И. Указ. соч. – С. 144.

⁴⁵⁹ Куломзин А.Н. Указ. соч. – С. 496.

⁴⁶⁰ РГИА. Ф. 948. Оп. 1 Д. 247. Л. 1 (об).

⁴⁶¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 62.

⁴⁶² Там же. – С. 496.

⁴⁶³ Там же. – С. 87.

⁴⁶⁴ Головин Ф.А. Указ. соч. – С. 517-518.

самодержавном неограниченном правлении в те периоды, когда являются несоответствующие и особенно совершенно несоответствующие неограниченные правители, то страна подвергается самым ужасным испытаниям»⁴⁶⁵. «Когда громкие фразы, честность и благородство существуют только напоказ, так сказать, для царских выходов и приемов, а внутри души лежит мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость, а в верхнем этаже не буря, даже не ветер, а сквозные ветерочки из дверей, которые обыкновенно в хороших домах плотно припираются, то, конечно, кроме развала ничего ожидать нельзя от неограниченного самодержавного правления»⁴⁶⁶, – писал отставной сановник.

В восприятии Витте император являлся «несоответствующим неограниченным правителем», который «многолетними губительными действиями расшатал государство»⁴⁶⁷, а его политика представляла собой «качание на политических качелях»⁴⁶⁸. Под «политическими качелями» мемуарист подразумевал политику Николая II во времена «премьерства Витте», когда император начал «за спиной» сановника «ослаблять» его и принимать политические решения, с одной стороны, «самые ретроградные и жестокие», с другой, – несвоевременно либеральные, что повлекло за собой водворение анархии⁴⁶⁹.

Среди отрицательных качеств, присущих царствующему монарху, Витте отмечал неспособность дать адекватную оценку окружающей действительности: «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие люди ощущают чувство страха только когда гроза перед глазами и как только она отодвинется за соседнюю дверь, оно мигом проходит. Их чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии

---

⁴⁶⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 86.

⁴⁶⁶ Там же. – С. 240.

⁴⁶⁷ Там же. – С. 86.

⁴⁶⁸ Там же. – С. 125.

⁴⁶⁹ Там же. – С. 84.

пространства или времени»⁴⁷⁰. На страницах своих мемуаров Витте размышлял об отрицательных чертах характера, присущих «невеликим государям» и констатировал, что «коварство, молчаливая неправда, неумение сказать «да» или «нет» и затем сказанное исполнить, боязненный оптимизм, т.е. оптимизм как средство подымать искусственно нервы, – все это черты отрицательные для государей, хотя невеликих»⁴⁷¹.

Анализируя персонифицированные образы российских самодержцев в мемуарах Витте, можно более подробно раскрыть парадоксальность российского самодержавия, проявляющуюся на уровне монархического дискурса. Персонификация российского самодержавия на протяжении длительного времени была характерной чертой политической культуры России. Авторитетный дискурс при каждом новом царствовании незначительно корректировался и видоизменялся, подстраиваясь под индивидуальные характеристики самодержца. Однако нарратив о трансцендентном неограниченном благородном самодержавном правителе продолжал оставаться фундаментом сценария власти, независимо от личностных качеств царствующего монарха.

Рассматривая мемуары Витте в аналитических категориях перформативного поворота, можно прийти к выводу о парадоксальности российской монархии на уровне дискурса. Парадоксальность авторитетного дискурса начинает проявляться тогда, когда отдельные компоненты персонифицированного образа царствующего монарха вступают в противоречие с трансцендентным образом самодержца. Интерпретируя выводы мемуариста, можно отметить, что форма и содержание авторитетного дискурса вступают в противоречие друг с другом, когда на престоле оказался правитель, не наделенный «благородным набором качеств», позволявших ему быть истинным самодержавным правителем. Происходит перформативный сдвиг авторитетного дискурса: его форма

---

⁴⁷⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 241.

⁴⁷¹ Там же. – С. 22.

продолжает оставаться неизменной, однако содержание подвергается существенным корректировкам, усложнениям и расширениям.

По мнению отставного реформатора, именно неограниченное самодержавие позволило России справиться с геополитическими и социально-экономическими вызовами времен царствования Александра III, а сам император обладал набором необходимых личностных качеств, позволявших ему быть «неограниченным благороднейшим монархом». На основе анализа мемуаров Витте и современников можно сделать вывод о том, что отдельные компоненты персонифицированного образа Александра III, имевшие распространение в публичном политическом пространстве, не вступали в противоречие с нарративом о трансцендентном образе неограниченного благородного самодержавного монарха.

Во времена царствования последнего монарха Дома Романовых социально-экономическая и геополитическая обстановка была не менее напряженной, чем в предыдущее царствование. Однако характер и личностные качества Николая II не позволили ему соответствовать образу «неограниченного благородного самодержавного монарха» и в полной мере проводить политику неограниченного самодержавия. «Безвольность», «двуличность», «непредсказуемость» и «женский характер» государя вступали в противоречие с нарративом о трансцендентном неограниченном благородном самодержавном монархе – в этом проявлялась парадоксальность монархического дискурса. В «Воспоминаниях» Витте констатировал, что император Николай II не мог быть истинным благородным самодержавным правителем. Форма авторитетного дискурса (вместе с титулом «самодержец»), несмотря на преобразования 1905 г. сохранялась в неизменном виде, а образ трансцендентного монарха продолжал транслироваться в публичном политическом пространстве Российской империи.

II глава

Образы властных институтов в интеллектуальном наследии С.Ю. Витте

§ 1. Институты власти до 1905 г.: Государственный совет, министерства, Комитет министров

Согласно подходам «новой политической истории» внимание исследователя должно быть сфокусировано на исследовании политических институтов, а не отдельных персоналий, поскольку «правила игры» формулируют именно институты, а не отдельные личности (какими бы влиятельными они не были). Анализ деятельности политических институтов, механизмов и практик принятия управленческих решений позволит выявить алгоритмы политического поведения и деконструировать отдельные политические мифы, а также сделать выводы о парадоксальности политических практик в пореформенной России. Прежде чем приступить к анализу образов государственных институтов, необходимо обозначить определенные особенности, присущие политической системе Российской империи и имперской политической культуре, которые выделяли исследователи.

Историк А.В. Ремнев пришел к выводу, что «государственные институты Российской империи не были очевидным образом конституированы юридическими нормами несмотря на законодательные акты, но являлись важнейшим регулирующим элементом политической системы»⁴⁷². Исследователь отмечает, что в Российской империи «сохранялись и воспроизводились полу-институциональные механизмы выработки политических решений»⁴⁷³. По его мнению, именно «в разнонаправленном потоке тенденций и кроется реальное содержание

---

⁴⁷² Ремнев А. В. Указ. соч. – С. 6.

⁴⁷³ Там же.

конфликтов внутри политического механизма российского самодержавного правления»⁴⁷⁴.

Высшим законосовещательным органом Российской империи являлся Государственный совет. Он был учрежден Александром I в 1810 г. В работе Государственного совета принимали участие сановники, назначенные лично императором. Законы, до поступления их на утверждение императору проходили процедуру обсуждения в Государственном совете, однако правом собственной законодательной инициативы данный орган власти не обладал.

Историк К.А. Соловьев пришел к выводу, что место Государственного совета в ряду прочих высших учреждений Российской империи было особым: он был важнейшим звеном при обсуждении наиболее значимых законопроектов и его статус не ставился под сомнение самим императором⁴⁷⁵. Исследователь называет Государственный совет русской «палатой лордов»⁴⁷⁶. В начале XX в. в Государственный совет входило 86 членов (в середине XIX в. таковых было вдвое меньше), все кандидатуры были назначены лично императором. Монарх также мог лишить сановника статуса члена Государственного совета, однако это случалось чрезвычайно редко. Определял жалованье членов Государственного совета, которое не было установлено законодательно, лично император⁴⁷⁷.

По мнению Б.Н. Миронова, «преобразование в 1906 г. Государственного совета в верхнюю палату парламента с сохранением дореформенного названия ясно указывает, что по своему значению Государственный совет до 1906 г. был предшественником парламента или, иными словами, парламента стал преемником Государственного совета»⁴⁷⁸.

В своем дневнике государственный секретарь А.А. Половцов описывал разговор, состоявшийся в январе 1883 г. [*в январе 1883 г. Половцов был*

---

⁴⁷⁴ Ремнев А. В. Указ. соч. – С. 6.

⁴⁷⁵ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 138.

⁴⁷⁶ Там же. – С. 149.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Миронов Б. Н. Указ соч. – С. 197.

назначен на должность государственного секретаря – И.В.] между ним и великим князем Михаилом Николаевичем [в 1881-1905 гг. занимал должность председателя Государственного Совета – И.В.]. По мнению великого князя, Государственный совет был учрежден с целью «установить известный контроль над действиями министров», который «министры всячески стараются обойти»⁴⁷⁹. Интерпретируя этот разговор между великим князем и государственным секретарем, Соловьев пришел к выводу, что согласно позиции, высказанной Михаилом Николаевичем, Государственный совет лишь укреплял царскую власть, на которую покушались нечистоплотные чиновники⁴⁸⁰. Однако император Александр III «не был вполне уверен, что всегда это было так»⁴⁸¹.

В разговоре с Половцовым, состоявшемся в январе 1883 г., император Александр III обратил внимание государственного секретаря на то, что Государственный совет представляет собой «ближайшее, помогающее мне и правительству учреждение, а не противодействующее ему»⁴⁸². Данные слова Соловьев интерпретирует как упрек со стороны императора в сторону членов Государственного совета, «которые препятствовали реализации правительственных инициатив»⁴⁸³.

Кроме того, Соловьев выделяет определенную парадоксальность в политических практиках Российской империи. Ряд высочайших повелений запрещал министрам докладывать по делам, обсуждавшимся в Государственном совете (однако руководители ведомств часто игнорировали этот запрет). По мнению исследователя, такой порядок дел казался многим сановникам противоестественным, поскольку самодержец практически не

---

⁴⁷⁹ Половцов А.А. Указ. соч. – Т. 1. – С. 23-24.

⁴⁸⁰ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 137.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Половцов А.А. Указ. соч. – Т. 1. – С. 29.

⁴⁸³ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 137.

принимал участия в наиболее значимой процедуре подготовки правовых актов⁴⁸⁴.

Еще одно свидетельство парадоксальности в политических практиках российской политической системы описано в дневнике государственного секретаря Половцова. Он констатировал, что К.П. Победоносцев, будучи достаточно влиятельным консервативным сановником, неоднократно уговаривал Александра III собирать Совет министров [*до 1906 г. Совет министров был совещательным органом при императоре, который созывался нерегулярно, по усмотрению императора, а председателем был сам император – И.В.*] для предварительного обсуждения вопросов, вносимых в Государственный совет. Однако государь отказывался от реализации данной инициативы, аргументируя свой отказ тем, что «таким образом делалось бы известным его личное мнение, которое затем стесняло бы при обсуждении дела в Совете»⁴⁸⁵. Член Государственного совета В.И. Гурко отмечал, что данный политический институт «в области влияния на государственную политику был в особенности и прежде всего примирительной камерой между спорящими и подчас враждующими между собой министрами»⁴⁸⁶.

Миронов считает, что в Государственном совете законопроекты обсуждались всесторонне и серьезно; часто случалось, что проекты, представленные министерствами, радикально видоизменялись, члены Совета, порой представлявшие конкурирующие между собой ведомства и группы интересов, не были едины в своих взглядах и поэтому предлагали различные подходы и решения стоявших в его повестке проблем, что давало

---

⁴⁸⁴ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 137.

⁴⁸⁵ Половцов А.А. Указ. соч. – Т. 2. – С. 16.

⁴⁸⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 48.

основание правой прессе усматривать в Совете своеобразный парламент и подвергать его нападкам⁴⁸⁷.

Среди правых публицистов, видевших в деятельности Государственного совета «игру в парламент» был главный редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков. В мае 1886 г. в передовой статье на страницах наиболее влиятельного консервативного органа печати Катков утверждал, что при существующих порядках в России могут быть только законосовещательные учреждения, такие как Государственный совет – «путь к державному законодателю», а его миссия ограничивается «подачей совета монарху, который волен принять его или отвергнуть, поступая по собственному усмотрению»⁴⁸⁸. «Правильно ли желать, чтобы в наш Государственный совет проникла игра в парламент, в большинство и меньшинство? Чтобы члены Государственного совета, призванные доверием монарха служить ему советом, променивали это высокое назначение на роль членов „партий“, „групп“ и „коалиций“, подчиняющихся не разуму своему, а команде вожаков?»⁴⁸⁹. По его мнению, «есть однако “партия”, мечтающая о превращении Государственного совета в парламент с той целью, чтобы по возможности ограничить власть Верховного законодателя»⁴⁹⁰.

Соловьев высказывает мысль, что поскольку законы самодержавного государства не отличались детализированными формулировками и трактовать их можно было по-разному, следовательно, в политическом пространстве Российской империи рубежа XIX – XX вв. существовали две противоположные тенденции: одна из них к упрочению положения Государственного совета; другая, – к минимизации его роли в законодательном процессе⁴⁹¹. Данное обстоятельство историк объясняет

---

⁴⁸⁷ Миронов Б. Н. Указ соч. – С. 144.

⁴⁸⁸ 1886 г. №123. Б. Москва. 5 мая // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1898. – С. 238.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ Там же. – С. 239

⁴⁹¹ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 139.

целой совокупностью причин, среди которых: попытки Государственного совета отстаивать позицию, заведомо отличную от позиции государя, что вызывало у императора раздражение, отсутствие симпатий к Государственному совету со стороны большинства высших сановников, которые видели в нем препятствие к осуществлению своих планов, отсутствие упорядоченности в «архитектуре государственного здания России», а также преклонный возраст и нежелание активно участвовать в законотворческом процессе большинства его членов⁴⁹².

Соловьев отмечал, что членами Государственного совета являлись немолодые бюрократы, часто не отличавшиеся крепким здоровьем, однако обладавшие необходимым опытом и знаниями, поэтому они лучше других представляли себе, как была «заведена» государственная машина⁴⁹³. По мнению Ремнева, Александр III отрицательно относился к прениям, которые возникали в Государственном совете. Такое отношение монарха к Государственному совету историк объясняет «либеральным» составом Государственного совета (в 1880-е – 1890-е гг.), в котором активную роль играли деятели предыдущего царствования: А.В. Головнин, А.А. Абаза, Н.И. Стояновский, А.П. Николаи и др. Такой состав мог выглядеть «гнездом оппозиции новому консервативному курсу Александра III»⁴⁹⁴.

Соловьев развивает свою концепцию ключевой роли бюрократии в российском политическом режиме конца XIX – начала XX вв. и высказывает мысль, что Государственный совет являлся оплотом российского бюрократического механизма и самим фактом своего существования символизировал тот факт, что власть в России принадлежала не действующим министрам и даже не государю императору, их назначившему, а прежде всего, бюрократической корпорации. Среди представителей высшей бюрократии видное место занимали сановники прежнего царствования, не

---

⁴⁹² Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 139.

⁴⁹³ Там же. – С. 142.

⁴⁹⁴ Ремнев А. В. Указ. соч. – С. 165.

скрывавшие свои антипатии к новому курсу, причем их точка зрения отстаивалась не в родных «дворянских гнездах» вдалеке от столицы, а в высшем законосовещательном учреждении империи⁴⁹⁵.

Данную ситуацию описывал в своих мемуарах редактор газеты «Гражданин» В.П. Мещерский. Он отмечал, что в 1880-х гг. Государственный совет продолжал быть «сосредоточением либерального направления», поскольку почти все члены совета были назначены в предшествующее либеральное царствование, а новые назначения можно было произвести только по докладу председателя – великого князя Константина Николаевича⁴⁹⁶. После назначения на должность председателя великого князя Михаила Николаевича, который по своим убеждениям либералом не был, доминирование либеральных тенденций в совете не ослабло. Консервативный публицист объяснял это обстоятельство «всемогущим» влиянием на председателя совета государственного секретаря Половцова, удостоенного эпитетов «блестящий временщик» и «волшебник-карьерист». Подобного мнения о Половцове придерживался и Витте, который отмечал, что он был «в полном смысле этого слова *ragvenu*» [*выскачка – И.В.*]: ему было присуще «низкопоклонство» перед лицами, от которых он зависел и крайняя надменность и даже дерзость, с лицами более низкого статуса⁴⁹⁷. По мнению Мещерского, Половцов относился весьма неприязненно ко всяким представлениям в члены Государственного совета людей нелиберального направления⁴⁹⁸. Публицист отмечал, что почти никогда назначение новых членов Государственного совета не делось по личному выбору Государя, в Государственный совет попадали лица, назначения коих государственному секретарю угодно было одобрить.

---

⁴⁹⁵ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 148.

⁴⁹⁶ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 594.

⁴⁹⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 176.

⁴⁹⁸ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 594-595.

По установившейся рутинной процедуре, в Государственный совет попадали только сенаторы и известные петербургские сановники⁴⁹⁹. В разговоре с Александром III Мещерский пытался донести мысль о том, что при новых назначениях в Государственный совет необходимо составить консервативное большинство, чтобы консервативные министры постоянно не встречали противодействие. Государь, не понимая, как реализовать этот механизм на практике, отмечал: «Ничего не поделаешь, большинство в Государственном совете – либералы»⁵⁰⁰.

Миронов считает, что «в царствование Александра III обсуждение законов стало происходить в Совете министров, чтобы миновать Государственный совет, где имелось много либеральных чиновников, введенных при Александре II, а Комитет министров стал выступать в роли высшей судебной инстанции, чтобы умалить роль Сената, где также сконцентрировалось много либеральных чиновников»⁵⁰¹.

На страницах своего исследования историк Соловьев воспроизводит механизм принятия управленческих решений Российской империи. В случае разногласий между членами Государственного совета император мог утвердить любое мнение, большинства или меньшинства. Чаще царь солидаризировался с большинством. Правда, иногда случалось и обратное, что вызывало вполне объяснимое раздражение у членов Государственного совета. За все время царствования Александра III в Государственном совете в 57 случаях имели место разногласия, 38 раз император согласился с большинством, 19 раз – с меньшинством. При этом два раза Александр III солидаризировался с мнением одного члена Государственного совета, в 1887 г. с военным министром П.С. Ванновским в вопросе о присоединении Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии к Области войска Донского, а в 1892 г. с Победоносцевым при

---

⁴⁹⁹ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 595.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. – С. 153.

обсуждении законопроекта о преждевременности учреждения женского медицинского института в Санкт-Петербурге. В редких случаях император писал собственные резолюции, независимые от мнения большинства или меньшинства, например, при обсуждении вопросов о земских начальниках, уставе реальных училищ, уставе лечебных заведений⁵⁰².

В «Воспоминаниях» Витте можно обнаружить политический слух конца XIX в., согласно которому «институт земских начальников был установлен Александром III вопреки мнению большинства членов Государственного совета под влиянием Мещерского»⁵⁰³. Сам Витте отмечал, что он не может подтвердить достоверность этой информации, однако, по его мнению, институт земских начальников был утвержден потому, что сторонником этого учреждения был министр внутренних дел граф Толстой⁵⁰⁴.

По мнению Соловьева, чиновники, обслуживавшие работу Государственного совета, были востребованы во всех ведомствах. Трудоустраивая их в своем министерстве его руководитель, с одной стороны, получал квалифицированного помощника, с другой, – обескровливал «высокое собрание», лишая его возможности предметно критиковать вносившиеся законопроекты. В качестве яркого подтверждения своего вывода историк приводит пример с «переманиванием» Витте товарища государственного секретаря Коковцова в свое ведомство на должность товарища министра финансов. Соловьев объясняет, что такое «переманивание» было нужно Витте, поскольку Коковцов, работая в Государственной канцелярии и хорошо зная финансовые вопросы, помогал оппозиции Витте в Государственном совете консультациями и материалами.

---

⁵⁰² Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 163.

⁵⁰³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 28.

⁵⁰⁴ Там же.

После назначения Коковцова в министерство Витте «оппоненты всемогущего министра оказались беспомощными»⁵⁰⁵.

По мнению историка, конфликт министров с Государственным советом проходит «красной нитью» через всю историю этого учреждения. Руководители ведомств побаивались его и имели на то все основания. В ежегодных отчетах Государственного совета обычно констатировался тот факт, что большинство внесенных дел было так или иначе рассмотрено этим учреждением. С формальной точки зрения это было верно. В действительности же речь шла о мелких, текущих делах. Важнейшие проекты долго ждали своей очереди, и их обсуждение занимало продолжительное время. Это, как и жесткие оценки министерских инициатив со стороны членов Государственного совета, стимулировало руководителей ведомств искать обходные маневры⁵⁰⁶.

Соловьев отмечал распространенную практику в политической системе Российской империи: в ряде случаев опытные члены Государственного совета предпочитали избавляться от сложных законопроектов, возвращая их разработавшему их ведомству⁵⁰⁷. Ремнев выделял обходные маневры, исключавшие риск провала законопроекта при обсуждении, например, проведение законопроекта путем всеподданнейшего доклада или через Комитет министров. Историк считает, что среди сановников, не желавших вносить законопроект в Государственный совет были министр внутренних дел Н.П. Игнатьев и обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев⁵⁰⁸.

Наглядное изображение «обходных маневров» можно найти на страницах мемуаров Витте. Он писал о том, что если законопроект мог вызвать негативную реакцию у членов Государственного Совета (Государственный совет большинством выскажется против или наговорит

---

⁵⁰⁵ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 164-165.

⁵⁰⁶ Там же. – С. 165.

⁵⁰⁷ Там же. – С. 142.

⁵⁰⁸ Ремнев А. В. Указ. соч. – С. 162.

много «неприятных истин» для министров, внесших этот документ на рассмотрение), то министры не вносили данный законопроект в Государственный Совет, а проводили его через Комитет министров, особые совещания, или всеподданнейшие доклады. В качестве примеров законов, принятых подобным образом, Витте выделял «все наиболее существенные законы, ограничивающие права евреев»⁵⁰⁹.

На страницах мемуаров Витте подробно описывал эпизод с принятием законопроекта «Об ответственности фабрикантов и владельцев промышленных заведений за смерть и увечья рабочих», который встретил оппозицию в Государственном совете. Сановник настаивал на версии о том, что данный документ был составлен «исключительно» И.А. Вышнеградским и что он сам не принимал никакого участия в его составлении, поскольку возглавлял на тот момент министерство путей сообщения и не занимался вопросами финансового ведомства⁵¹⁰. В первые месяцы после назначения Витте министром финансов этот проект обсуждался в Государственном совете и подвергся жесткой критике со стороны очень авторитетного и влиятельного Победоносцева (которого, по мнению Витте, «подбил» на критику Половцов, а возражения Половцова были обусловлены «узкими эгоистическими побуждениями» и нежеланием потерять свои капиталы)⁵¹¹. В итоге, Витте, будучи неподготовленным к возражениям в Государственном совете, был вынужден «взять проект обратно, чтобы хорошенько его изучить»⁵¹².

Документ был принят в результате «обходного маневра», а на аудиенции у Александра III сановник объяснил, почему он «взял проект обратно». Самодержец сообщил министру о том, что он не возражает против принятия данного законопроекта и хотел бы, чтобы закон об ответственности

---

⁵⁰⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 76-77.

⁵¹⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 329.

⁵¹¹ Там же. – С. 330.

⁵¹² Там же. – С. 331.

фабрикантов перед рабочими был бы скорее проведен⁵¹³. В этом разговоре император также предупредил сановника, чтобы тот «не поддавался влиянию Победоносцева», поскольку из долголетнего опыта он убедился в том, что обер-прокурор «отличный критик, но сам ничего создать не может»⁵¹⁴.

В мемуарах Витте можно выделить описание одного из парадоксов российской политической системы на уровне политических практик. Согласно «Воспоминаниям», Александр III неоднократно напоминал автору о том, что он не может претворить в жизнь свою мечту о постройке в России железной дороги, соединяющей европейскую часть России и Владивосток, поскольку в течение десяти лет встречал сопротивление со стороны министров в Государственном совете и Комитете министров⁵¹⁵.

Чтобы задуманное воплотилось в жизнь Витте предложил монарху «обходной маневр» – образовать Особый комитет Сибирской железной дороги, который бы «имел значительные полномочия» чтобы избежать «затруднения» в Государственном совете и Комитете министров⁵¹⁶. В результате, был специально учрежден Комитет Сибирской железной дороги, председателем которого стал цесаревич Николай Александрович, а его заместителем – председатель Комитета министров Н.Х. Бунге. В отличие от множества межведомственных комиссий, комитетов и совещаний Комитет Сибирской железной дороги получил в руки реальные рычаги власти, т.е. право готовить и вносить согласованные с ведомствами представления прямо в Государственный совет⁵¹⁷. Таким образом, проблема постройки железной дороги, соединяющей европейскую Россию и Владивосток, «сдвинулась с мертвой точки».

Витте отмечал, что возражения в Государственном совете вызвало и другое его преобразование – реформа двойного таможенного тарифа,

---

⁵¹³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 331.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Там же. – С. 242.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 991.

несмотря на то, что Александр III находил действия Витте совершенно правильными и вполне доверял ему в этом деле⁵¹⁸. С «громкими затруднениями» в Государственном совете Витте столкнулся и при проведении законопроектов о винной монополии. Сановник объяснял неприятие реформы Государственным советом тем, что «мысль о питейной монополии была так необычайна и нова, что вообще внушала страх всем седовласым членам Государственного совета»⁵¹⁹.

В обход Государственного совета была проведена самая известная реформа Витте – золотовалютная, о чем свидетельствовали воспоминания современников⁵²⁰. В мемуарах Витте писал о том, что «встретил в Государственном совете неожиданное противодействие», которое заключалось в желании «замедлить это дело и поставить такие препятствия, при которых дело было бы это провалено»⁵²¹. Сановник объяснял это тем, что большинство членов Государственного совета были совсем не знакомы с вопросом, а двое (Б.П. Мансуров и В.В. Верховский) являлись противниками Витте. Мансуров выступал против золотовалютной реформы из-за своего «крайне критического характера», а Верховский из-за того, что никак не мог смириться с мыслью о Витте как главе министерства финансов⁵²².

Когда министр финансов понял, что данную реформу провести через Государственный совет не получится, он вновь решил воспользоваться привычным алгоритмом политического поведения – «обходным маневром» и провести проект через Финансовый комитет. Назначение членов Финансового комитета в значительной степени зависело от министра финансов, поэтому большая часть членов комитета разделяли финансовую политику Витте. С санкции императора был созван Финансовый комитет (под председательством монарха), в его заседаниях принимал участие

---

⁵¹⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 346-347.

⁵¹⁹ Там же. – С. 354.

⁵²⁰ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный опыт. – С. 178.

⁵²¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 467.

⁵²² Там же.

председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич. В результате функционирования данного комитета была проведена золотовалютная реформа⁵²³.

Витте писал о том, что при проведении денежной реформы он имел «только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, – это доверие императора»⁵²⁴. Сановник подчеркивал, что «Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно императору Николаю II»⁵²⁵. «По истечении десятилетия вашей деятельности по управлению финансами, МНЕ [так в источнике – И.В.] приятно выразить мою признательность за все, чем вы в течении сих последних восьми лет оправдали и МОЕ к вам доверие»⁵²⁶, – писал российский император к Витте в письме, приуроченному к десятилетнему юбилею его пребывания в должности министра финансов.

Анализируя место министерств в политической жизни Российской империи, Соловьев подчеркивает, что министерства являлись ключевыми звеньями в политической системе Российской империи. Поскольку именно там почти всегда готовились и нередко принимались важнейшие политические решения, а чиновникам ведомств приходилось отвечать за их исполнение. Следовательно, министры уже в силу должностного положения являлись доверенными людьми царя, ключевыми фигурами на «бюрократическом олимпе»⁵²⁷. В конце XIX в. положение министерств было достаточно прочным, и они все чаще выступали основными экспертными центрами в рамках своих компетенций⁵²⁸.

Это нашло свое подтверждение на страницах мемуаров Витте. Наиболее ярким примером будет назначение самого Витте на должность министра путей сообщения. О своем вступлении в должность министра

---

⁵²³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 467-468.

⁵²⁴ Там же. – С. 468.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 9 основная. Д. 31. Л. 26.

⁵²⁷ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 205.

⁵²⁸ Там же. – С. 238.

путей сообщения он писал следующее: «Когда я вступил в должность министра путей сообщения, то самое дело меня не смущало, так как я это дело превосходно знал, потому что главная часть в министерстве путей сообщения – железнодорожная, с которой я был вполне ознакомлен; могу сказать, что в то время в этой области я числился одним из первых специалистов»⁵²⁹.

Ремнев, анализируя «политический вес» министров и членов Государственного совета, пришел к выводу, что для императора мнение его министра было весомее, нежели голоса членов Государственного совета⁵³⁰. Согласно Соловьеву, министру полагалось быть хозяином собственного ведомства, о чем хорошо знали его сотрудники⁵³¹. Историк называл министерства «централизованной анархией», поскольку, добиваясь своего, министры проводили ведомственную политику, которая не складывалась в общегосударственную. Их иногда успешная, но мало скоординированная деятельность приводила к асинхронности развития страны и тем самым мало-помалу дезорганизовала жизнь в России⁵³².

Витте писал в «Воспоминаниях» о том, что Александр III однажды сказал: «сам себе я министр иностранных дел!», а к Н.К. Гирсу, министру иностранных дел, император относился как к «секретарю по иностранным делам»⁵³³. Находясь в должности министра финансов, Витте был одним из наиболее влиятельных сановников и нередко вмешивался в деятельность других министерств (например, министерства иностранных дел).

Соловьев полагает, что в политической культуре Российской империи довольно распространенным явлением были разногласия по тем или иным ключевым вопросам между различными министерствами. В таких условиях перед Россией стояла почти неразрешимая проблема – найти путь мирного

---

⁵²⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 224.

⁵³⁰ Ремнев А. В. Указ. соч. – С. 164.

⁵³¹ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 207.

⁵³² Там же. – С. 232.

⁵³³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 342.

сосуществования враждовавших ведомств. Конфликты между министерствами можно было разрешать при помощи переписки или же создания особых межведомственных комиссий⁵³⁴.

Ремнев считает, что существование «больших министерств», таких как министерство внутренних дел или министерство финансов, с одной стороны, позволяло проводить единую политику в отдельных отраслях управления (например, карательную или экономическую), но с другой стороны, приводило к многократному усилению конфликта тогда, когда эти «суперминистерства» вступали в борьбу между собой, что могло парализовать действия правительства⁵³⁵.

Примеры разногласий между министерствами по тем или иным вопросам можно без труда найти на страницах мемуаров Витте. Отдельного внимания заслуживает следующий эпизод. Витте довольно подробно описывал разногласия между министерством иностранных дел и министерством финансов, с одной стороны, и военным министерством, с другой стороны, по поводу политики Российской империи на Дальнем Востоке. Министерство финансов во главе с Витте и министерством иностранных дел во главе с В.Н. Ламсдорфом были сторонниками вывода войск из Манчжурии, а военное министерство во главе с А.Н. Куропаткиным были сторонниками активного военного присутствия в Манчжурии⁵³⁶.

Достаточно актуальный пример разногласий между министерствами описан на страницах воспоминаний публициста И.И. Кольшко. Он вспомнил эпизод, состоявшийся на обеде у В.П. Мещерского, где известный публицист в первый и последний раз «сводил двух тигров»: министра внутренних дел В.К. Плеве и министра финансов С.Ю. Витте. Последний пытался доказать своему собеседнику, что он не может создать хороших финансов без хорошей политики, так как «финансы и политика у нас заплетены как нигде.

---

⁵³⁴ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 232.

⁵³⁵ Ремнев А. В. Указ. соч. – С. 493.

⁵³⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 515-516.

Править страной мы сможем лишь при гармоничном умственном и сердечном единении», – говорил министр финансов⁵³⁷. На что министр внутренних дел «отчеканил», что Витте столько лет правил страной **единолично** [выделено в источнике – И.В.]. «Я, признаться, удивляюсь, для чего вам понадобилось согласование деятельности двух ведомств именно теперь, когда его величеству угодно было вручить внутреннюю политику в мои слабые руки?», – иронизировал Плеве⁵³⁸. «В России найдется место и для министров высокоталантливых, как Сергей Юльевич, и для посредственности, как ваш покорный слуга. И, пожалуй, ни финансы не должны у нас зависеть от политики, ни политика от финансов. У каждой своя дорога. Будем же им следовать»⁵³⁹, – с сарказмом высказывал свое мнение Плеве о возможном единении министра финансов и министра внутренних дел.

Именно разногласия между министерствами стали причиной для отставки Витте с поста министра финансов. Описывая в «Воспоминаниях» причины своей отставки с должности главы финансового ведомства, Витте писал, что он покинул пост «не по вопросу финансовому», а «по вопросу политическому» [т.е. по вопросу, который явно не входил в сферу компетенций министра финансов – И.В.]. Он был противником политики относительно Японии («позорной политики на Дальнем Востоке»⁵⁴⁰), которая в итоге привела к русско-японской войне⁵⁴¹.

Кроме того, Витте свидетельствовал в своих воспоминаниях, что в день убийства Плеве [министр внутренних дел ехал с докладом к Николаю II, но по дороге был убит эсером Е. Созоновым – И.В.] портфель, в котором лежали документы не был поврежден. После убийства министра портфель был осмотрен его товарищем П.Н. Дурново. Среди документов обнаружили

---

⁵³⁷ Кольшико И.И. Указ соч. – С. 73-74.

⁵³⁸ Там же. – С. 74.

⁵³⁹ Там же. – С. 75.

⁵⁴⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 366.

⁵⁴¹ Там же. – С. 355.

письмо агента тайной полиции, в котором говорилось, что Витте принимает активное участие в подготовке покушения на императора. По мнению Витте, представление подобных писем имело одну цель – «вооружить чувство государя против меня»⁵⁴².

«И все это Плеве наделал <...>. Они, т.е. Александр Михайлович, Алексеев, Безобразов и Абаза, возбуждают государя против меня, чтобы меня сломить. Да, я уже устал бороться. Я чувствую, что государь меня не любит, мне не доверяет, и я ожидаю свою отставку со дня на день»⁵⁴³, – цитировал Куломзин слова Витте, сказанные им накануне отставки с должности министра финансов.

В одной из газетных публикаций, посвященной смерти Витте, описывались причины его отставки с должности министра финансов [*в целом, данная версия не противоречила версии Витте, высказанной им со страниц «Воспоминаний» – И.В.*]: «Плеве составил докладную записку, в которой доказывал, что Витте скомпрометирован [*т.е. принимал участие в революционной деятельности – И.В.*] и поэтому у власти оставаться не может. Записке был дан ход и отставка Витте была решена»⁵⁴⁴. Примечательно, что данная статья была размещена в газете «Русское слово», где заведующим отдела был А.В. Руманов, публицист достаточно близко знавший Витте, о чем свидетельствует их переписка⁵⁴⁵. В этом же номере газеты вышла статья Руманова о мемуарах Витте, рукопись которых на тот момент хранилась в сейфе за границей. Публицист писал, что «мысль о необходимости оставить мемуары явилась у графа Витте в результате постоянно мучившего его сознания, что после его смерти все погибнет»⁵⁴⁶.

В статье, посвященной отставке Витте, описывался другой эпизод, когда сановник был заподозрен в политической неблагонадежности: «Во

---

⁵⁴² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 655-656.

⁵⁴³ Куломзин А.Н. Указ соч. – С. 883.

⁵⁴⁴ К истории отставки // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁵⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 135.

⁵⁴⁶ Руманов А.В. Мемуары графа Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

второй раз граф Витте был заподозрен в политической неблагонадежности П.А. Столыпиным. Однажды ночью ему по телефону позвонил один из друзей с сообщением, что через полчаса на квартиру графа явится полиция для производства обыска. Граф Витте остался совершенно спокойным и ответил своему приятелю по телефону: Вполне допускаю, что у меня могут произвести обыск. Я ничего по этому поводу предпринять не могу. Однако в ту же ночь один из самых близких к графу людей увез с собою некоторые документы, которые граф считал невозможным представить в руки чинам полиции. Таким образом, к возможности обыска у себя граф отнесся с доверием»⁵⁴⁷.

Комитет министров был учрежден в 1802 г. и просуществовал до 1906 г. Заседания Комитета министров проходили в левом крыле Мариинского дворца, в центре и в правом крыле заседал многолюдный Государственный совет. Комитет министров представлял собой коллегию глав ведомств, однако правительством (т.е. объединенным кабинетом, способным координировать действия министров) он не являлся⁵⁴⁸.

По мнению Ремнева, «компетенция Комитета министров страдала обилием многочисленной “административной вермишели”, порожденной чрезмерной централизацией власти. Пределы его ведения не имели четко очерченных правовых границ, запутанными оставались отношения с другими высшими государственными учреждениями»⁵⁴⁹. О Комитете министров Соловьев пишет как об органе власти, который становился инструментом ведомственного произвола, предоставлявшим высокопоставленным чиновникам известную свободу действий и скорее расшатывавшим правовой уклад государства⁵⁵⁰. У Комитета министров было «тайное» предназначение.

---

⁵⁴⁷ К истории отставки // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁵⁴⁸ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 180-181.

⁵⁴⁹ Ремнев А. В. Указ соч. – С. 487.

⁵⁵⁰ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 189.

Он позволял руководителям ведомств уходить от личной ответственности. Ведь за решение, принятое коллегией министров, они не отвечали⁵⁵¹.

Историк пришел к выводу о том, что «должность председателя Комитета министров, несмотря на то, что она формально являлась одной из высших должностей в Российской империи, не была привлекательной для деятельных чиновников. Она была своего рода синекурой, не подразумевавшей серьезной ответственности и, следовательно, значительной роли при принятии важнейших решений. На этом посту высшие сановники империи – М.Х. Рейтерн (1881-1886), Н.Х. Бунге (1887-1895), И.Н. Дурново (1895-1903) доживали свой век, не имея шансов вернуться к активной государственной деятельности. Именно по этой причине Витте не радовался, когда в 1903 г. ему пришлось оставить портфель министра финансов ради этого почетного назначения»⁵⁵².

Эмоциональную реакцию Витте на свою отставку с должности министра финансов и «почетное» назначение на пост председателя Комитета министров в своих воспоминаниях достаточно подробно описывал близко знавший сановника публицист Колышко: «Он ударил себя по колену и сделал вульгарный жест, каким выражают насильственное удаление. – Выгнали... <....> Ну, что ж... Председатель Комитета министров – тоже птица... Классом выше... Шитья на мундире больше... Мерзавцы!»⁵⁵³.

На страницах мемуаров подробного описания столь эмоциональной реакции нет. Витте лишь писал о том, что решение о его назначении на должность председателя Комитета министров было для него неожиданным и весьма его удивило⁵⁵⁴. На удивление сановника отреагировал император: «Что, Сергей Юльевич, разве Вы недовольны этим назначением? Ведь место председателя Комитета министров – это есть самое высшее место, которое

---

⁵⁵¹ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. – С. 195.

⁵⁵² Там же. – С. 190.

⁵⁵³ Колышко И.И. Указ соч. – С. 144.

⁵⁵⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 615.

только существует в Империи»⁵⁵⁵. На что Витте ответил государю, что «если это назначение не выражает собою признака неблаговоления Его Величества», то он «будет очень рад этому назначению», однако сановник не думает, что в новой должности он «мог быть столь полезным», сколько «мог бы быть полезным на месте более деятельным»⁵⁵⁶.

«В августе 1903 г. С.Ю. был назначен председателем комитета министров и на новом посту он вложил всю свою энергию для правительственного объединения. Удалось ли ему это – скажет история»⁵⁵⁷. «На посту председателя Комитета министров со всей яростью проявилась его кипучая деятельность при разработке вопросов первостепенной государственной важности»⁵⁵⁸, – писали в некрологах о деятельности Витте на посту председателя Комитета министров.

Достаточно ярко функционирование Комитета министров и роль нового председателя описывает в мемуарах Тхоржевский: «Политически это назначение было для Витте опалой. Комитет же министров, при Дурново [И.Н. Дурново, предшественник Витте на посту председателя Комитета министров – И.В.] сошел почти на нет. Определенной компетенции у него не было, так как все министры сохраняли отдельный доклад у Государя и вносили на разрешение Комитета только то, что сами хотели. Но при Витте все завертелось иначе. Комитет ожил. Множество дел, и крупных и мелких, стали в него поступать, и все эти дела оказывались при Витте спешными»⁵⁵⁹.

Образ Комитета министров в «Воспоминаниях» представлен достаточно колоритно. Витте оценивал назначение на «бездеятельное положение»⁵⁶⁰ председателя Комитета министров как свое политическое поражение. Должность председателя Комитета министров была хоть и почетной, но фактически маловлиятельной, поскольку в ведении Комитета

---

⁵⁵⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 615.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Вечернее время. 1915. 28 февраля.

⁵⁵⁸ Русское слово. 1915. 1 марта.

⁵⁵⁹ Тхоржевский И.И. Указ соч. – С. 46.

⁵⁶⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 617.

министров в основном были мелкие текущие дела, а Витте интересовали большие, грандиозные проекты.

Функционал Комитета министров сановник описывал следующим образом: «Комитет представлял высшее административное учреждение, которое весьма мало служило к объединению правительства; в него вносилась масса административного хлама – все, что не было более или менее точно определено законами, а также важные законодательные акты, которые рисковали встретить систематическое и упорное сопротивление со стороны Государственного совета»⁵⁶¹. Среди таких законов мемуарист выделял почти все законы, ограничивавшие права евреев, поляков, армян, иностранцев; различные политические меры и различные льготы, которые давались вне закона протектируемым лицам⁵⁶².

Сановник отмечал, что, будучи председателем Комитета министров, использовал все возможности, чтобы уклониться от подобных «рогатых» дел, которые обыкновенно сплавляли в Комитет, дабы не принимать участия в *одиозных* [курсивом выделено в источнике – И.В.] решениях и потому стремился передавать их по назначению в Государственный совет или предоставить министрам и спрашивать утверждения их всеподданнейшими докладами⁵⁶³. Также мемуарист писал о том, что он, как председатель Комитета министров имел очень редкие доклады у императора: «я же как находившийся в то время в некоторого рода опале совсем Его Величество наедине не видал»⁵⁶⁴.

Анализируя образы властных институтов, функционировавших в Российской империи до преобразований 1905 г. в мемуарах Витте, можно выявить определенную парадоксальность в политических практиках Российской империи. До 1905 г., характерной чертой российского политического пространства было отсутствие единого коллегиального

---

⁵⁶¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 6.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же. – С. 7.

⁵⁶⁴ Там же.

органа, который бы координировал деятельность высших сановников. Существовавшие политические институты не обладали необходимым объемом полномочий, позволявшим проводить какую-либо единую политическую линию. Пока форма и содержание авторитетного дискурса не вступали в противоречие друг с другом в качестве института, в некоторой степени координировавшего деятельность высших сановников, выступала непосредственно фигура императора (однако на практике это удавалось реализовать не всегда).

Поскольку в существующем на тот момент законодательстве не были детально зафиксированы все механизмы принятия политических решений, предусматривалась возможность функционирования полу-институциональных практик принятия политических резолюций. Само законодательство Российской империи предусматривало отдельные механизмы и «лазейки» для принятия непопулярных управленческих решений. Искусные в создании политических интриг опытные сановники умело использовали «обходные маневры» в собственных интересах. В определенной мере к «обходным маневрам» для претворения в жизнь политических решений был вынужден обращаться и сам император.

Имперские бюрократы не имели возможности проводить единую политическую линию, некоторые наиболее опытные и влиятельные сановники стремились реализовать собственные интересы, что водворяло зримую дезорганизацию в политический процесс. Разногласия между влиятельными министерствами могли стать поводом для политических кризисов и отставок крупных фигур.

§ 2. Властные институты после октября 1905 г.: Совет министров, Государственная дума и политические партии

В октябре 1905 г. Российской империи суждено было измениться. Манифест 17 октября и последовавшие за ним преобразования существенным образом трансформировали политическую систему России. В результате реформ в российском политическом пространстве появились ранее не существовавшие властные институты – объединенное правительство, парламент и политические партии. Анализ образов данных институтов позволит сделать выводы о парадоксальности политических практик нового политического порядка, возникшего в результате преобразований 1905 г.

19 октября 1905 г. был издан именной высочайший указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений», согласно которому «на Совет Министров возлагается направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления. <...> Совет министров состоит под председательством одного из Министров, по избранию Государя Императора, или особого, призываемого к тому Монаршим доверием лица»⁵⁶⁵.

Витте занял новую должность председателя Совета министров (также сохраняя за собой пост председателя Комитета министров) и, наконец, вернул «реальную власть» в свои руки, о чем свидетельствуют воспоминания современников. «Он был назначен председателем первого конституционного кабинета и принял на себя дело установления новых форм организации управления империей»⁵⁶⁶, – отмечал в своих мемуарах бывший министр иностранных дел А.П. Извольский.

---

⁵⁶⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-1 (об).

⁵⁶⁶ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 19.

Историки Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, анализируя роль Совета министров в политическом процессе Российской империи, пришли к следующим выводам. «На Совет министров возлагалось направление деятельности ведомств и из ведения сохранявшегося пока Комитета министров ему передавались дела, относящиеся к общему спокойствию и безопасности. Совет оставался ответственным перед царем, за которым сохранялось право назначения министров и председателя. Председатель принимал участие в выборе кандидатов на министерские посты, за исключением постов министров императорского двора, иностранных дел, военного и морского. По усмотрению царя Совет собирался под его председательством. Имеющие общее значение меры управления не могли приниматься отдельными министрами помимо Совета. Они должны были сообщать председателю обо всех выдающихся событиях, принятых мерах и распоряжениях, а также знакомить его со своими всеподданнейшими докладами до их представления царю. Дела, относящиеся к министерствам двора, иностранных дел, военному и морскому, были выделены из ведения Совета и могли вноситься в него только по указанию царя, по представлению министра, возглавлявшего одно из этих министерств или в тех случаях, когда дело касалось и других ведомств»⁵⁶⁷.

Особенность политического процесса пореформенного периода заключается в том, что Комитет министров при создании Совета ликвидирован не был: эти ведомства существовали параллельно шесть месяцев «премьерства Витте» (председателем Комитета оставался Витте). Комитет министров был полностью упразднен только 23 апреля 1906 г. вместе с отставкой Витте с поста председателя Совета министров. Функции Комитета министров были переданы в Государственный совет и Совет министров. Автор мемуаров отмечал, что он был против упразднения Комитета министров пока «все дела нового государственного преобразования не настроятся», поскольку Комитет министров был

---

⁵⁶⁷ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – С. 231.

учреждением с одной стороны, «полуадминистративным», с другой стороны, «полузаконодательным» и некоторые мероприятия, имевшие наполовину административный, наполовину законодательный характер, «все-таки, может быть» придется проводить через Комитет министров⁵⁶⁸.

Историк А.В. Игнатъев отмечал, несмотря на то, что в полномочия Совета министров и его председателя входило «направление и объединение действий» различных ведомств «по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления», сам принцип самодержавия сохранялся незыблемым, председатель Совета и министры назначались царем и отвечали только перед ним⁵⁶⁹. Поскольку принцип самодержавия оставался незыблемым, авторитетный дискурс продолжал существовать в той форме, в какой он существовал до создания Совета министров.

О вновь созданном органе государственной власти, Совете министров, Витте писал, что «в сущности создавался кабинет министров, председателем коего является премьер-министр с правом влияния на всех министров, за исключением министров военного, морского и, в некоторой степени, министра иностранных дел»⁵⁷⁰. Период пребывания в должности председателя Совета министров Витте именовал в «Воспоминаниях» «моим премьерством»⁵⁷¹. Согласно мемуарам министра народного просвещения И.И. Толстого, члены Совета министров называли Витте «премьером»⁵⁷². В.И. Гурко писал о том, что при формировании кабинета Витте преследовал две цели, с одной стороны, он стремился сделать его «сколь можно больше приемлемым для передовой общественности», с другой стороны, «подобрать себе таких сотрудников, которые всецело повиновались бы его указаниям»⁵⁷³.

---

⁵⁶⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 739.

⁵⁶⁹ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – С. 255.

⁵⁷⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 210.

⁵⁷¹ Там же. – С. 471.

⁵⁷² Толстой И.И. Указ. соч. – С. 30.

⁵⁷³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 472.

В процессе формирования кабинета премьер, с согласия императора, провел переговоры с общественными деятелями по поводу занятия ими должностей министров в его правительстве. По мнению историков Ананьича и Ганелина, сановник пошел на такой шаг, чтобы не быть обвиненным в том, что он «председательствует в кабинете, состоящем из одних только сановников бюрократов, назначенных царем»⁵⁷⁴. Однако переговоры с общественными деятелями (Д.Н. Шиповым, А.И. Гучковым, кн. Е.Н. Трубецким, А.Ф. Кони, Н.С. Таганцевым, М.А. Стаховичем) не увенчались успехом, поскольку они отказались принимать портфели в кабинете Витте. Он имел все основания надеяться на поддержку своего курса со стороны представителей общественности, поскольку считал манифест 17 октября серьезной уступкой со стороны власти (о чем неоднократно писал в мемуарах). «Правительство хочет быть искренним. Оно не желает быть в роли китайского пугала с несуществующей сущностью...»⁵⁷⁵, – говорил Витте в беседе с представителями прессы.

Историк Э.О. Сагинадзе сделала вывод о неоправданных ожиданиях премьера: он не услышал от представителей общественности ничего, кроме неосуществимых в тех политических условиях лозунгов. Наиболее радикальные представители требовали созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права (для дальнейшей разработки конституции) и объявления политической амнистии⁵⁷⁶.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) сохранились письма М.А. Стаховича, Е.Н. Трубецкого и Д.Н. Шипова, в которых они отказываются от принятия должностей⁵⁷⁷. Стахович аргументировал свой отказ от портфеля министра так: «незнакомство со сложным административным механизмом, незнание техники дела и

---

⁵⁷⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – С. 234.

⁵⁷⁵ Интервью С. Ю. Витте с представителями печати // Красный архив. – 1925. – Т. 11-12. – С. 102-103.

⁵⁷⁶ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 55-56.

⁵⁷⁷ РГИА. Ф. 1276 Оп. 1 Д. 33.

неуверенность в своих способностях сделают из меня плохого руководителя ведомства и носителя власти в эпоху спешных и сложных законопроектов»⁵⁷⁸. Шипов писал, что «вступление в состав правительства представителей общества только исключительно из фракций более или менее правых не может принести пользы делу, не создаст доверия в широких кругах общества»⁵⁷⁹. Трубецкой высказывал мнение, что «общественное доверие к кабинету должно обуславливаться не столько именами лиц, входящими в его состав, сколько его делами»⁵⁸⁰.

В общественном мнении пореформенной России была широко распространена точка зрения об отказе представителей общественности занять министерские посты в связи с кандидатурой министра внутренних дел П.Н. Дурново. О решительном возмущении Шипова и Гучкова против кандидатуры Дурново свидетельствовал в своих воспоминаниях С.Д. Урусов⁵⁸¹. Гурко писал в мемуарах, что Витте ранее давал Дурново обещание включить его в свой кабинет и не сумел уклониться от этого обещания, поскольку Дурново имел документы, компрометирующие Витте и в случае своего не назначения на должность министра внутренних дел мог показать их государю⁵⁸². Версию об имеющихся у Дурново письмах Витте, которые в случае предания их огласке «могли окончательно скомпрометировать Сергея Юльевича в глазах государя»⁵⁸³ высказывал в своих воспоминаниях и один из ближайших сотрудников Витте в Совете министров П.П. Менделеев.

Гурко отмечал, что, потерпев неудачу с указанными назначениями, Витте принялся более тщательно подбирать себе остальных сотрудников из числа лиц, вполне ему послушных⁵⁸⁴. Выбор пал на кандидатуры И.П.

---

⁵⁷⁸ РГИА. Ф. 1276 Оп. 1 Д. 33. Л. 1 (об).

⁵⁷⁹ Там же. Л. 3.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 6 (об.).

⁵⁸¹ Урусов С.Д. Указ соч. – С. 590.

⁵⁸² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 472-475.

⁵⁸³ Менделеев П.П. Указ соч. – С. 185.

⁵⁸⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 475.

Шипова (министр финансов), Н.Н. Кутлера (главноуправляющий землеустройством и земледелием) и А.Д. Оболенского (обер-прокурор Святейшего синода). Неудачную попытку Витте привлечь в Совет министров представителей общественности описывал в своих воспоминаниях публицист И.И. Колышко. «С общественностью я распротился. Кабинет будет из чиновников ... Не одобряете? Но выхода нет. Люди не хотят мне помочь»⁵⁸⁵, – сетовал Витте публицисту. Описывая в мемуарах эпизоды, связанные с попытками привлечения общественных деятелей в свой кабинет, Витте с горечью констатировал, что «был лишен возможности составить новое министерство, сочувствующее 17-му октября»⁵⁸⁶.

Аналогичный результат был им достигнут и в стремлении «опереться на прессу». Витте полагал, что «пресса может оказать наиболее существенное влияние на успокоение умов»⁵⁸⁷ и поэтому в 11 часов утра 18 октября в особняк Витте на Каменноостровский проспект явились представители большинства петербургских газет⁵⁸⁸ [*в «Воспоминаниях» Витте приводит ошибочную дату встречи 19 октября*⁵⁸⁹ – И.В.]. «Я обращаюсь к вам, как русский человек, как гражданин, а не как царедворец или министр. Помогите мне успокоить умы. От вас, главное от вас это успокоение зависит. Пока не водворится порядок, никто не в состоянии ничего сделать. Теперь все дезорганизовано. <...> Я нуждаюсь в поддержке. Обращаюсь к вам. Помогите мне»⁵⁹⁰, – сказал премьер журналистам.

Переговоры не увенчались успехом. Издатель газеты «Биржевые ведомости» С.М. Проппер (которому никто из присутствующих журналистов не противоречил), сказал Витте, что «мы [*представители прессы* – И.В.]

---

⁵⁸⁵ Колышко И.И. Указ. соч. – С. 152.

⁵⁸⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 257-261.

⁵⁸⁷ Там же. – С. 251.

⁵⁸⁸ Интервью С. Ю. Витте с представителями печати // Красный архив. – 1925. – Т. 11-12. – С. 99.

⁵⁸⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 251.

⁵⁹⁰ Интервью С. Ю. Витте с представителями печати // Красный архив. – 1925. – Т. 11-12. – С. 100.

правительству вообще не верим»⁵⁹¹ и выдвинул «совершенно революционное требование»⁵⁹² о выводе войск из Петербурга и передаче функций охраны городской милиции⁵⁹³.

О встрече премьера с представителями прессы писал в своих воспоминаниях и Гурко. Подводя итоги встречи, мемуарист констатировал, что от встречи с журналистами Витте испытал еще больший «афронт» [*унижение – И.В.*] чем от попыток привлечь в свой кабинет общественных деятелей⁵⁹⁴. «“Уберите бесчинствующих солдат, передайте полицейскую охрану столицы в руки милиции”, – говорит ему Проппер и Витте, еще столь недавно при случае резко осуждавший старых заслуженных членов Государственного совета, не находит в себе мужества осадить зарвавшегося наглого торговца ходкой крапленой макулатурой»⁵⁹⁵. Гурко писал о том, что помещенное по итогам этой встречи в «Биржевых ведомостях» «интервью» с Витте «обнаруживает для всех и вся отсутствие у него необходимой твердости и даже умения соблюсти достоинство государственной власти»⁵⁹⁶, что крайне негативным образом повлияло на репутацию как самого Витте, так и его кабинета.

На страницах «Воспоминаний» Витте Проппер получил несколько нелестных эпитетов. Мемуарист писал, что журналист «явился в Россию из-за границы в качестве бедного еврея, плохо владеющего русским языком», «пролез в прессу и затем сделался хозяином “Биржевых ведомостей”, шляясь по передним влиятельных господ», «вечно шлялся по моим передним, когда я был министром финансов, выпрашивал казенные объявления, различные льготы»⁵⁹⁷. Об итогах своей встречи с представителями печатных изданий Витте с горечью констатировал, что «пресса совсем деморализована» и

---

⁵⁹¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 252.

⁵⁹² Там же.

⁵⁹³ Там же.

⁵⁹⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 471.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 251.

«опереться на прессу невозможно», поэтому «ожидать помощи от помутившейся прессы» он не мог⁵⁹⁸.

То обстоятельство, что вся действующая печать «прямо революционизировалась», побудило Витте основать новый правительственный орган печати «Русское государство» [*эта вечерняя газета издавалась приложением к «Правительственному вестнику» и отличалась от него «более свойственной ежедневным газетам»⁵⁹⁹ формой – И.В.*]. Газета создавалась чтобы «давать обществу надлежащие объяснения и для опровержения всевозможных выдумок, которыми кишели все газеты»⁶⁰⁰ и существовала все время премьерства Витте и, по его мнению, «издавалась талантливо, проводя мысли правительства»⁶⁰¹.

Сановник выделил задачи вновь созданного правительства. Первостепенной задачей (впредь до законодательной санкции через Государственную думу), по мнению графа, являлось «устройство правового порядка», что подразумевало под собою «стремление к осуществлению элементов правового строя», свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности⁶⁰². «Заботою правительства должно являться практическое водворение в жизнь принципов гражданской свободы»⁶⁰³, – подчеркивал реформатор.

В мемуарах Витте писал, что «свобода слова», дарованная манифестом 17 октября, означает преимущественно свободу печати, и что он придерживался данного мнения в момент издания манифеста и при нем же остается на момент написания мемуаров⁶⁰⁴. Однако для того, чтобы «печать оставалась свободною и не превратилась в преступную» должны

---

⁵⁹⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 253.

⁵⁹⁹ Там же. – С. 476.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Там же. – С. 477.

⁶⁰² Там же. – С. 210.

⁶⁰³ Там же. – С. 211.

⁶⁰⁴ Там же. – С. 477.

существовать какие-то «рамки» и «ограничения»⁶⁰⁵. После издания манифеста 17 октября последовало циркулярное распоряжение, согласно которому «впредь до издания новых законов о печати» следует руководствоваться манифестом 17 октября, а также личным тактом⁶⁰⁶. Сановник подчеркивал, что все действующие на момент написания мемуаров [*данный фрагмент мемуаров был написан в августе 1912 г. – И.В.*] законы были выработаны во время его премьерства. За восемь лет никакие «обещанные» законы о печати не были выработаны и, более того, действующие законы «самым бесцеремонным образом» нарушаются с благословения III Думы и Столыпина⁶⁰⁷.

Осложняло действия правительства деятельность Петербургского совета рабочих депутатов под председательством Г.С. Хрусталева-Носаря. В одном из своих «Маленьких писем» издатель «Нового времени» А.С. Суворин написал, что он «нимало не удивится», если «завтра эти “молодцы” [*члены Петербургского совета рабочих депутатов – И.В.*] арестуют графа Витте и посадят его в казематы Петропавловской крепости»⁶⁰⁸. Витте прокомментировал данную заметку в своих мемуарах: «Газета “чего изволите”, т.е. “Новое время” пустила глупую шутку, что было в это время два правительства – правительство графа Витте и правительство Носаря – и что было неизвестно, кто кого ранее арестует: я Носаря или Носарь меня»⁶⁰⁹.

Историк С.Д. Мартынов полагает, что в очень непростой ситуации конца 1905 г. Витте в результате принятия адекватных мер поэтапно взял ситуацию под контроль. Он сделал упор на нескольких неотложных шагах, главным из которых было подавление революции. Витте не сумел обрести широкой поддержки в глазах общественности, вследствие чего был вынужден тушить пламя революции теми способами, противником которых

---

⁶⁰⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 478.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Там же. – С. 479.

⁶⁰⁸ Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1905. 8 ноября.

⁶⁰⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 266.

он ранее являлся. Именно Витте санкционировал Дурново бороться с революцией силами военных и полиции⁶¹⁰.

Николай II в письме своей матери от 12 января 1906 г. писал о роли премьера в подавлении революции и о его репутации в общественном мнении, не скрывая своего разочарования в действиях премьера: «Витте, после московских событий [*имеется в виду Декабрьское вооруженное восстание в Москве – И.В.*] резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть, исключая заграничных жидов»⁶¹¹.

Во всеподданнейшем докладе от 21 декабря 1905 г., премьер акцентировал внимание Императора на том, что «Верховный Уголовный Суд может распределить надлежащим образом ответственности и сама возможность такого обсуждения дела даст Правительству нравственную опору в тех случаях, когда оно опять окажется вынужденным, при известных обстоятельствах, не считаться с тягостными последствиями принимаемых исключительных мер»⁶¹².

Во всеподданнейшем докладе от 23 декабря 1905 г., Витте настаивал на принятии решительных мер «в ожидании возможных аграрных беспорядков». По мнению премьера, эти меры могут быть двоякого характера, как политико-экономические, так и военно-полицейские. По поводу политико-экономических мероприятий, «Совет министров трижды обсуждал этот вопрос и склонился к мнению, что осторожнее без Думы не принимать никаких решительных мер»⁶¹³. Сановник настаивал на необходимости принятия самых решительных мер военно-полицейского характера. По его мнению, полиция «крайне слаба для борьбы с аграрным

---

⁶¹⁰ Мартынов С.Д. Указ. соч. – С. 379.

⁶¹¹ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906 гг.). – С. 187.

⁶¹² ГА РФ. Ф. 543. Оп.1 Д. 572. Л.2.

⁶¹³ ГА РФ. Ф. 543. Оп.1 Д. 558. Л.3.

движением» и поэтому необходимо войско. «Другого средства как создать экстренно ополчение нет»⁶¹⁴.

Сохранилась копия телеграммы из Харькова на имя Витте от 21 декабря 1905 года, в которой сообщается о том, что «для подавления революционной организации пришлось 12 декабря действовать артиллерийским и ружейным огнем. Революционеры потерпели поражение на всех пунктах, где проявили вооруженное сопротивление. Убитых и раненых около ста двадцати человек. Проведены обыски и большие аресты интеллигенции и других революционеров»⁶¹⁵.

Витте ставил себе в заслугу «водворение спокойствия» на улицах Петербурга: «после 17-го октября на улицах было совершенно спокойно, никаких грабежей и кровопролитий не было, хотя Петербург оставался в обыкновенных условиях, без всяких усиленных, чрезвычайных и военных положений»⁶¹⁶. По его мнению, все это «было введено позднее, когда Столыпин начал фактически уничтожать 17-е октября»⁶¹⁷. «Со времени моего ухода и пошли в Петербурге анархические и черносотенные покушения, убийства и грабежи»⁶¹⁸.

Премьер стремился доказать свою непричастность к действующим беспорядкам: «Все забастовки и беспорядки были заведены до 17-го октября, когда я был не у власти, во время министерства Трепова-Булыгина-Коковцова и *tutti quanti* [*все, какие есть – И.В.*]]»⁶¹⁹. Вину на возникновение беспорядков в различных регионах сановник возложил на местную власть: «Во многих местах местные администраторы совсем спасовали, а поэтому допустили беспорядки и погромы вследствие трусости и растерянности»⁶²⁰.

---

⁶¹⁴ ГА РФ. Ф. 543. Оп.1. Д. 558. Л.2 (об.).

⁶¹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.

⁶¹⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 267.

⁶¹⁷ Там же. – С. 488.

⁶¹⁸ Там же. – С. 267.

⁶¹⁹ Там же. – С. 490.

⁶²⁰ Там же. – С. 489.

Сюжеты, связанные с карательно-репрессивной политикой кабинета Витте были широко распространены в сатирической журналистике, в частности в политических карикатурах времен первой русской революции. Карикатуристы любили изображать Витте рядом с самыми одиозными фигурами, имевшими репутацию «палачей революции», среди которых можно особенно выделить Д.Ф. Трепова⁶²¹.

На страницах «Воспоминаний», Витте конструировал образ управленца, вынужденного «вопреки желанию» идти на «крайние меры». Он отмечал, что встреча с представителями печати и требование Проппера выведения войск из столицы, «лишило его возможности сейчас же расстаться с Треповым»⁶²². Витте писал, когда он стал председателем Совета министров подразумевалось, что «диктатор» Трепов должен был быть удален со своей должности⁶²³ и «благодаря Трепову» Витте не мог продолжать оставаться председателем Совета министров⁶²⁴. Однако эту версию ставят под сомнение публикаторы мемуаров (Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, С.В. Куликов, С.К. Лебедев, И.В. Лукоянов)⁶²⁵. Противоречит версии и письмо императора Николая II вдовствующей императрице от 27 октября 1905 г. Самодержец писал, что Витте и Трепов «ладили в первые дни [*после 17 октября – И.В.*] и сам Витте очень хвалил действия Трепова»⁶²⁶.

Еще одной одиозной фигурой, имевшей репутацию «борца с революцией» был Дурново, занимавший в правительстве Витте должность министра внутренних дел. Образ «неразлучных» соратников Витте-Дурново

---

⁶²¹ См. подробнее. Глава 6. «Его карательству»: кабинет С.Ю. Витте в борьбе со смутой // «Глава праВИТТЕльства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905-1908 годов. [Альбом карикатур] / Авт.-сост. Э.О. Сагинадзе; науч. ред. А.А. Россомахин. – СПб., 2020. – С. 106-131.

⁶²² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 253.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 802.

⁶²⁵ См. подробнее Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 526.

⁶²⁶ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906 гг.). – С. 170.

имел весьма широкое распространение в общественном мнении, что нашло отражение в политических карикатурах⁶²⁷.

В мемуарах Витте обосновывал собственную версию принятия им решения о выборе кандидатуры Дурново на должность министра внутренних дел. На страницах «Воспоминаний» он доказывал, что «решился взять» его в свой кабинет поскольку, будучи сенатором, Дурново отличался «разумно-либеральными идеями», а также выступал в качестве «защитника евреев» когда «слушались дела, в которых администрация старалась софистическими толкованиями сузить и без того крайне узкие и несправедливые законы для еврейства»⁶²⁸. Витте писал о корректности суждений, либеральных и разумных мыслях Дурново во время обсуждения в Комитете министров Указа 12 декабря⁶²⁹. Однако с течением времени его мнение о правильности выбора кандидатуры Дурново на пост министра внутренних дел изменилось.

О назначении Дурново на должность министра внутренних дел Витте говорил с публицистом Колышко. Когда журналист изумился выбором столь одиозной кандидатуры премьер «освирипел» и ответил: «Дурново знает прекрасно полицейское дело, и он за еврейское равноправие ... А еврейский вопрос – самый острый»⁶³⁰. На вопрос о том, будет ли Дурново вводить конституцию сановник ответил журналисту: «Вводить конституцию буду я. На его обязанности будет подавить революцию ...»⁶³¹.

Версию о том, почему сам Витте не взял портфель министра внутренних дел высказал в своих мемуарах И.И. Толстой: «Мне доподлинно известно, что друг и ближайший вначале сотрудник Витте, князь Оболенский, бывший раньше коллегой Дурново по министерству, советовал Витте самому взять портфель этого министерства, но он отверг это

---

⁶²⁷ См. подробнее. Глава 5. «Неутомимы и неразлучны»: С.Ю. Витте и П.Н. Дурново // «Глава праВИТТЕльства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905-1908 годов. – С. 92-105.

⁶²⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 263.

⁶²⁹ Там же. – С. 265.

⁶³⁰ Колышко И.И. Указ. соч. – С. 153.

⁶³¹ Там же.

предположение, ссылаясь на то, что ему необходимо сохранить за собой общее руководство политикою, и на предчувствуемое им отсутствие времени для добросовестного исполнения обязательств по столь сложному ведомству. Я думаю, что он предвидел и другое, о чем не говорил: он знал, что реформы гладко не пройдут, что так или иначе, а придется прибегать к репрессиям, а поэтому принимать весь *odium* [*ненависть* – *И.В.*] их непосредственно на себя⁶³²». Сам Витте на страницах мемуаров объяснял отказ принять портфель министра внутренних дел тем, что «считал себя некомпетентным в ведении дел секретной полиции» и именно поэтому настаивал на кандидатуре Дурново, который ранее был директором Департамента полиции⁶³³.

Газета «Приазовский край» писала, что накануне манифеста 17 октября Витте говорил про Дурново «он самый либеральный из сановников»⁶³⁴. Однако перед отставкой премьер высказывал прямо противоположную точку зрения. Он говорил, что «министерство и конституция сгубили Дурново» и «пусть история знает, кому мы обязаны провалом лучших надежд»⁶³⁵. На возражение журналиста Витте ответил следующее: «Почему же я не знал, что он, такая овца, превратится в волка? Он принял позу самостоятельности. Мы грызлись с ним все 11 месяцев»⁶³⁶.

О «самостоятельности» Дурново и крайне непростых отношениях между председателем Совета министров и министром внутренних дел писал в своих мемуарах Толстой: «Не прибегая к открытому разрыву с председателем Совета, он смело повел «собственную линию», тормозя, где можно, всюду критикуя легкомысленность Витте и намекая, где можно, что ему приходится смотреть в оба, чтоб не стряслось беды. <...> Дурново, будучи назначенным не по инициативе председателя Совета, а лишь с его неискреннего согласия министром с 1 января почувствовал себя неоспоримо

---

⁶³² Толстой И.И. Указ. соч. – С. 340.

⁶³³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 822.

⁶³⁴ Воспоминания о П.Н. Дурново // Приазовский край. 1915. 16 сентября.

⁶³⁵ Там же.

⁶³⁶ Там же.

победителем в своем скрытом состязании с Витте, который, в свою очередь принужденный терпеть его в Совете рядом с собою, не мог в душе не возненавидеть его»⁶³⁷. Гурко в воспоминаниях писал, что «отношения между Витте и Дурново стали портиться именно с начала 1906 г., когда Дурново был утвержден в должности министра внутренних дел (до тех пор он был лишь управляющим министерством), а дочь его пожалована во фрейлины. Благоволение государя к Дурново, несомненно, внушало Витте опасения, что он будет им заменен на посту председателя Совета министров»⁶³⁸.

Историк Ф. Вчисло полагает, что в течение шести месяцев своего премьерства Витте боролся за восстановление общественного порядка и посредничество в реформировании конституционного устройства, который сохранял монархию, министерское государство и унитарную империю, но допускал народный суверенитет, представительство в парламенте и нормальное состояние гражданской политики. По мнению исследователя, возможности такого компромисса, особенно в рамках культуры старого, архаичного политического режима, доминировавшей при императорском дворе, высшем аристократическом обществе и чиновничестве Санкт-Петербурга, становились менее вероятными по мере того, как осень сменялась зимой, а затем ранней весной. Его здоровье и репутация ухудшились, а доверие Николая II в очередной раз пошатнулось из-за их вечно бурных отношений и Витте подал в отставку в апреле 1906 г., накануне созыва Первой Думы⁶³⁹.

По мнению историка С.Д. Мартынова, цель Витте в октябре 1905 г. была вовсе не в водворении в России конституционализма, а в спасении монархии и в ее обновлении ради ее же блага. Первостепенной задачей, которой он гордился, было разъединение либеральной оппозиции и революции⁶⁴⁰. А.В.

---

⁶³⁷ Толстой И.И. Указ. соч. – С. 340-341.

⁶³⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 533.

⁶³⁹ Wcislo F. Op. cit. – P. 191.

⁶⁴⁰ Мартынов С.Д. Указ. соч. – С. 399.

Игнатъев, описывая роль государственного деятеля в событиях октября 1905 г., считает, что «Витте лишь воздействовал на упрямого монарха, доводя до его сознания всю шаткость положения самодержавия»⁶⁴¹. Исследователь приходит к выводу, что несмотря на то, что «мечта стать первым сановником России стала явью», направленность будущей деятельности вызывала у премьера противоречивые чувства⁶⁴². «Он всегда мечтал о первенствующей роли в самодержавном государстве, не выходя за рамки “просвещенного абсолютизма”. А ему выпало если не разрушать, то перестраивать против воли “храм”, перед которым он всю жизнь преклонялся, где удостоился высоких почестей и неэфемерной власти»⁶⁴³.

В апреле 1906 г. Витте вышел в отставку с должности председателя Совета министров и первый объединенный кабинет прекратил свое существование накануне открытия I Государственной думы. Витте отмечал в мемуарах: «Его Величество, при крайне милостивом рескрипте, пожаловал мне орден Александра Невского с бриллиантами, причем в рескрипте были отмечены мои особые заслуги по прекращению революционной смуты, в разгар которой я вступил во власть»⁶⁴⁴. Нельзя не отметить, что после отставки Витте с поста председателя Совета министров в апреле 1906 г. все министры этого кабинета (кроме военного и морского) без их прошений были уволены вслед за бывшим премьером⁶⁴⁵.

Конструируя институциональный образ Совета министров периода «своего премьерства», Витте акцентировал внимание на том, что все важнейшие государственные акты (Основные законы, Положение о Государственном совете и Государственной думе, временные правила о печати, о собраниях и сходах, все положения о выборах и др.), которые служили и на момент написания мемуаров [*данный фрагмент мемуаров был*

---

⁶⁴¹ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте–дипломат. – С. 255.

⁶⁴² Там же. – С. 255-256.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 728.

⁶⁴⁵ Там же. – С. 731.

написан в 1912 г. – И.В.] основой государственного строя, были выработаны во время его премьерства и при его непосредственном участии⁶⁴⁶.

На страницах «Воспоминаний» мемуарист обрушивался с резкой критикой на Столыпина, занимавшего должность председателя Совета министров в 1906-1911 гг. О крайне непростых отношениях между двумя влиятельными реформаторами свидетельствовали многие современники. Журналист В.М. Дорошевич писал, что «у Витте одна ненависть: Столыпин. Он зовет его не иначе как: Штык-юнкером»⁶⁴⁷. Издатель «Русского слова» А.В. Руманов отмечал ненависть Витте к Столыпину. Для отставного реформатора Столыпин «был воплощением бюрократической самоуверенности, без дара предвидения и с неуважением к интеллигентным силам»⁶⁴⁸. Дорошевич и Руманов утверждали, что Витте продолжал «полемизировать» со Столыпиным и после убийства последнего⁶⁴⁹.

Творцу аграрной реформы в мемуарах были посвящены множество нелестных эпитетов. Витте комментировал слова Столыпина о том, что, когда ему задают вопрос о врагах «он говорил, что не придает значения всем своим врагам, единственно, кого он боится, – это графа Витте»⁶⁵⁰. Мемуарист настаивал, что никогда не был в числе врагов Столыпина, а находился в числе лиц, «которые поняли громадную разницу, существующую между тем Столыпиным, который говорит благородные и либеральные речи и тем Столыпиным, который действует как министр внутренних дел и глава правительства»⁶⁵¹.

На страницах «Воспоминаний» автор на многочисленных примерах доказывал, что «Столыпин последние два-три года своего управления

---

⁶⁴⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 738.

⁶⁴⁷ Отрывок из дневника В. Дорошевича 1908 г. Петербург // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁶⁴⁸ Руманов А.В. Из воспоминаний. 1. Сергей Юльевич Витте // Новое русское слово. 1961. 23 апреля.

⁶⁴⁹ Отрывок из дневника В. Дорошевича 1908 г. Петербург // Русское слово. 1915. 1 марта; Руманов А.В. Из воспоминаний. 1. Сергей Юльевич Витте // Новое русское слово. 1961. 23 апреля.

⁶⁵⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 881.

⁶⁵¹ Там же.

водворил в России положительный террор, но самое главное – внес во все отправления государственной жизни полнейший произвол и полицейское усмотрение»⁶⁵². «Никто столько не казнил и самым безобразным образом как он, Столыпин, никто не произволил так как он, никто не оплевал так закон как он, никто не уничтожал так хотя видимость правосудия как он, Столыпин, и все сопровождая самыми либеральными речами и жестами. Поистине, честнейший фразер!»⁶⁵³.

Анализируя текущую на момент написания мемуаров политическую ситуацию, автор воспоминаний называл «теперешний конституционный режим Столыпина» режимом «белого террора» и «полного административного произвола»⁶⁵⁴. Витте подчеркивал, что империя стала «архиполицейской», поскольку суд окончательно подчинен полиции⁶⁵⁵. По его мнению, Столыпин в июне 1907 г. совершил «государственный переворот»⁶⁵⁶, он имел в виду то, что «своеобразный избирательный закон 3 июня 1907 г.» самым бесцеремонным образом нарушал Манифест 17 октября⁶⁵⁷. Кроме того, Столыпин «перестрелял и перевешал десятки тысяч человек и многих совершенно зря»⁶⁵⁸.

Витте критиковал введенные во время премьерства Столыпина военно-полевые суды, отмечая, что проект их введения рассматривался в Совете министров во времена его премьерства, однако «экстраординарная и чрезвычайная по своей огульной жестокости мера» в Совете министров под председательством Витте не была принята⁶⁵⁹. Закон о полевой юстиции был принят 87-й статьей Основных Государственных законов в период между роспуском I Думы и началом работы II Думы. При рассмотрении данного закона II Думой и его непринятии Столыпин провел эту меру другим

---

⁶⁵² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 753.

⁶⁵³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 252.

⁶⁵⁴ Там же. – С. 340.

⁶⁵⁵ Там же. – С. 252.

⁶⁵⁶ Там же. – С. 271.

⁶⁵⁷ Там же. – С. 314.

⁶⁵⁸ Там же. – С. 392.

⁶⁵⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 754.

порядком: он внес положение о полевой юстиции в военное законодательство, которое не предусматривает обсуждение в Государственной думе и Государственном совете⁶⁶⁰.

Витте давал оценку действиям премьера, характеризуя данный акт как «неправильный», поскольку «он являлся прямым обходом точного смысла как Основных законов, так и Положения о Государственной думе и Государственного совета»⁶⁶¹. Политический режим на момент написания мемуаров [*данный фрагмент мемуаров был написан в 1911 г. – И.В.*] Витте называл «самодержавием наизнанку», т.е. самодержавием не монарха, а премьера⁶⁶². Про принятие нового избирательного закона 3 июня 1907 г., отставной реформатор писал следующее: «по форме же переворот этот заключался в том, что он совершенно нарушил Основные Государственные законы, изданные в мое министерство после 17 октября 1905 г.»⁶⁶³.

Витте конструировал образ Совета министров во времена своего премьерства как образ института, который действуя в крайне непростых революционных условиях выработал важнейшие государственные акты «нового строя». Репрезентируя образ правительства времен премьерства Столыпина, мемуарист называл закон 3 июня 1907 г. «государственным переворотом» и обвинял своего преемника в нарушении законов, полицейском произволе и отходе от принципов, провозглашенных манифестом 17 октября.

Предыстория Государственной думы, возникшей в апреле 1906 г., началась еще с «булыгинского проекта» 1905 г., где предлагалось созвать законосовещательный орган при монархе, автором которого был министр внутренних дел А.Г. Булыгин. Активное участие в обсуждении данного законопроекта принимал и Витте. Историк И.В. Лукоянов считает, что во время обсуждения рескрипта Булыгина 18 февраля 1905 г., в котором

---

⁶⁶⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 767.

⁶⁶¹ Там же. – С. 768.

⁶⁶² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 397.

⁶⁶³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 805.

содержалось обещание призвать выборных от народа к законотворческой деятельности, Витте отказался от ранее декларируемых им консервативных взглядов. По его мнению, народное представительство требует, чтобы ему противостояла сильная и единая исполнительная власть. Иными словами, сановник воспринял предстоящий созыв депутатов как шанс стать премьер-министром и вернуться к реальной власти⁶⁶⁴.

Описывая в мемуарах работу по обсуждению законопроекта Булыгина, Витте отмечал, что «русскую Государственную Думу полагали устроить по образцам западноевропейским, дать ей все туловище, все функции, все порядки в общем государственном строе народного представительства с голосом совещательным, но только не давать ему решающего голоса, а сказать: мы будем постоянно выслушивать твои мнения, твои суждения, но затем будем делать так, как мы хотим. Для меня по крайней мере было ясно, что такое уродливое построение кончится или тем что Дума будет существовать только несколько месяцев или же тем, что Государственной Думе, устроенной по парламентскому образцу, будут даны и функции парламента»⁶⁶⁵.

27 апреля 1906 г. состоялось первое заседание Государственной думы Российской империи. Историки И.К. Кирьянов и М.Н. Лукьянов высказывают тезис о неиспользованном шансе обратить отношения между представителями власти и подданными в «цивилизованные формы». По их мнению, открытие Государственной думы стало ключевым событием в трансформации российской политической системы в монархию конституционного типа⁶⁶⁶. На страницах мемуаров, Витте называл парламент «первой законодательной инстанцией»⁶⁶⁷ и описывал выступление императора на открытии первой Государственной думы. По мнению

---

⁶⁶⁴ Лукьянов И.В. Премьер в отставке: политическая судьба С.Ю. Витте в условиях третьеиюньской монархии // Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. стат. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – С. 286-287.

⁶⁶⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 722.

⁶⁶⁶ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Указ. соч. – С. 9.

⁶⁶⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 748.

мемуариста, «встреча монарха с представителями народа представляла собой исторический акт»⁶⁶⁸.

Витте настаивал на том, что в его премьерство «в отношении к будущей Государственной думе заботой правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения»⁶⁶⁹. Функционирование первой законодательной инстанции мемуарист описывал на примере крайне актуальной и в то же время сложной проблемы – земельного устройства крестьян. Как только в Государственной думе I созыва началась дискуссия о земельном устройстве, в ходе которой возник вопрос о принудительном изъятии земель, находящихся в частных владениях, правительством И.Л. Горемыкина было принято решение о роспуске нижней палаты парламента⁶⁷⁰.

Витте писал, что предложение о «такого рода действиях правительства» [*роспуск Государственной думы – И.В.*] было сделано Горемыкиным на одном из заседаний еще во время премьерства Витте. Данное обстоятельство было одной из причин, по которой он подал прошение об отставке. Отставной реформатор «держался того убеждения, что пусть этот вопрос перегорит в горниле Государственной думы», по его мнению, чем больше Дума будет обсуждать данный вопрос, тем с большими затруднениями она столкнется, поскольку данное мероприятие легко провести «на бумаге», но крайне сложно претворить в жизнь⁶⁷¹. Витте настаивал, что назначение на должность председателя Совета министров Горемыкина и его кабинет, члены которого имели репутацию «крайне правых революционеров и поклонников полицейского режима», не могло служить к успокоению I Государственной думы (Думы левого направления)⁶⁷².

---

⁶⁶⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 736.

⁶⁶⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 211.

⁶⁷⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 748.

⁶⁷¹ Там же.

⁶⁷² Там же. – С. 749.

Витте конструировал политический портрет Горемыкина как бюрократа «манфишиста» [человека, которому на все наплевать]⁶⁷³. «Горемыкин любил покой и отдохновение, поэтому он мало являлся в Государственную думу, выступал в Государственной думе только несколько раз и то с декларациями, заранее написанными и такими, которые могли только раздражать Государственную думу»⁶⁷⁴. Мемуарист отмечал, что отставка, последовавшая за роспуском I Государственной думы, стала для Горемыкина неожиданностью. По мнению Витте, Горемыкин не без основания приписывает решение императора с одной стороны, интриге Столыпина, с другой стороны, воздействию Трепова (который сам, выдвинув Горемыкина, с ним не ужился)⁶⁷⁵.

Назначение Столыпина на должность председателя Совета министров Витте объяснял воздействием Трепова. Он полагал, что во время работы I Государственной думы Столыпин «крайне либеральничал», а Трепов хотел «втереть очки российским избирателям и при помощи такого либерала как Столыпин получить более консервативную Думу сравнительно с I Государственной думой»⁶⁷⁶.

На страницах «Воспоминаний» автор отмечал трансформацию политических взглядов Столыпина. По мнению Витте, тот либерализм, который Столыпин проявлял в период I Государственной думы (что послужило мостом к его назначению на должность премьера) начал «таять» после покушения на него на Аптекарском острове в августе 1906 г. и в «последние два-три года своего управления он водворил в России положительный террор»⁶⁷⁷. Витте считал, что Государственная дума, избранная по закону, изданному после 17-го октября, «никоим образом и ни в каком случае» не могла ужиться с правительством, которое стремится

---

⁶⁷³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 751.

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Там же. – С. 750.

⁶⁷⁶ Там же. – С. 751.

⁶⁷⁷ Там же. – С. 753.

править Россией «не в соответствии с народным самосознанием, а в соответствии с мнениями, большей частью эгоистичными, а иногда и просто фантазиями кучки людей, находящихся вблизи трона»⁶⁷⁸.

Роспуск II Государственной думы и издание нового выборного закона 3 июня 1907 г. Витте назвал «государственным переворотом» и отмечал, что новый закон о выборах «исключил из Думы народный голос, т.е. голос масс и их представителей, а дал голос только сильным и послушным: дворянству, чиновничеству и частью послушному купечеству и промышленникам»⁶⁷⁹. Сановник резюмировал, что после принятия нового избирательного закона «Дума перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей желаний сильных и богатых»⁶⁸⁰.

О работе III Государственной думы Витте писал, что она явилась «особенно угодливой» не только в силу выборного закона (изданного «с полным нарушением конституции, данной 17 октября 1905 г.»⁶⁸¹), но и потому, что «при выборе этой Думы были пущены в ход как полицейский аппарат, так и подкуп на казенные средства»⁶⁸². По мнению отставного сановника, Столыпин «развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент»⁶⁸³. Думу III созыва мемуарист назвал «столыпино-послушной»⁶⁸⁴.

В результате преобразований, провозглашенных манифестом 17 октября, была легализована деятельность политических партий – они стали полноправным важным элементом политической сферы «нового строя». Мемуары отставного реформатора являются очень ценным источником по репрезентации институциональных образов российской многопартийной политической системы.

---

⁶⁷⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 798.

⁶⁷⁹ Там же. – С. 805.

⁶⁸⁰ Там же.

⁶⁸¹ Там же. – С. 826.

⁶⁸² Там же.

⁶⁸³ Там же. – С. 890.

⁶⁸⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 340.

Историк М.Л. Размолодин считает, что после издания манифеста 17 октября на российской политической арене существенную роль стали играть право-монархические политические силы, среди которых наиболее крупными были Союз русского народа, Русская монархическая партия, Союз Русских людей, Русский народный союз Михаила Архангела. Указанные организации сыграли весомую роль в подавлении революции, мобилизовав на противодействие ей представителей практически всех социальных групп российского общества и объединив в своих рядах больше членов, чем все остальные партии вместе взятые⁶⁸⁵.

О крайне непростых отношениях между правыми монархистами и премьером Витте было хорошо известно современникам, поскольку они не могли простить Витте манифест 17 октября: «Известная ненависть черносотенных организаций и правых партий к гр. Витте, которого они считали своим вечным врагом и всегда называли революционером и левым. Между тем, “левому революционеру гр. Витте” первому принадлежала идея создать черносотенную организацию, известную в истории под названием “священной дружины” [*Правильное название – “Святой дружины” – И.В.*]»⁶⁸⁶. Исследователь черносотенного движения Г.А. Ивакин называет Витте «чуть ли не главным врагом “Черной Сотни”»⁶⁸⁷.

На страницах «Воспоминаний» Витте называл Союз русского народа своими «политическими врагами»⁶⁸⁸. Отставной реформатор не скупился на яркие эпитеты в адрес праворадикальных политических сил и их наиболее ярких и известных представителей. «Большинство из правых, прославившихся со времен 1905 г. со времени революции как, например, Дубровин, Коновницын, Восторгов и сотни подобных лиц – все это такие негодяи, которые под видом защиты консервативных принципов, под видом

---

⁶⁸⁵ Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. – Ярославль, 2012. – С. 3.

⁶⁸⁶ Отрывок из дневника В. Дорошевича // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁶⁸⁷ Ивакин Г.А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905-1917 гг. – М., 2014. – С. 82.

⁶⁸⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 778.

защиты самодержавия государя и русских начал, исключительно преследуют свои личные выгоды и в своих действиях не стесняются ничем, идут даже на убийства и на всякие подлости»⁶⁸⁹. «На знамени их высокие слова “самодержавие, православие и народность”, а приемы и способы их действий архилживы, архибессовестны, архикровожадны. Ложь, коварство и убийство – это их стихия. Во главе явно стоит всякая сволочь как Дубровин, Грингмут, Юзефович, Пуришкевич, а по углам, спрятавшись, – дворцовая камарилья – графы Шереметьевы, князь Путятин, князь Орлов и прочие дармоеды»⁶⁹⁰.

Мемуарист называл представителей Союза русского народа «черносотенной шайкой»⁶⁹¹, «бандой всяких негодяев»⁶⁹², «политическими негодьями и кликушами»⁶⁹³, «героями вонючего рынка»⁶⁹⁴, «шайкой наемных хулиганов»⁶⁹⁵, «разбойниками и негодьями реакционных трущоб»⁶⁹⁶. Один из лидеров Союза русского народа А.И. Дубровин достаивался следующих эпитетов: «разбойник»⁶⁹⁷, «проходимец»⁶⁹⁸, «мелкий мошенник»⁶⁹⁹, «негодяй, тип лейб-кабатчика»⁷⁰⁰, «известный вождь черносотенных хулиганов»⁷⁰¹. Другого лидера правых радикалов В.М. Пуришкевича Витте называл «шутником»⁷⁰² и «подлым шутом»⁷⁰³.

Отставной реформатор считал, что «держится же эта революционная партия потому, что она мила психологии царя и царицы, которые *bone fide* [искренне] думают, что они тут обрели спасение»⁷⁰⁴. Витте утверждал:

---

⁶⁸⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 286.

⁶⁹⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 50.

⁶⁹¹ Там же. – С. 326.

⁶⁹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 405.

⁶⁹³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 74.

⁶⁹⁴ Там же. – С. 237.

⁶⁹⁵ Там же. – С. 294.

⁶⁹⁶ Там же. – С. 428.

⁶⁹⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 831.

⁶⁹⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 13.

⁶⁹⁹ Там же. – С. 120.

⁷⁰⁰ Там же. – С. 125.

⁷⁰¹ Там же. – С. 489.

⁷⁰² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 71.

⁷⁰³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 43.

⁷⁰⁴ Там же. – С. 50.

«...именно императрица Александра Федоровна конспирирует с союзом “истинно” русских людей»⁷⁰⁵. Данная партия пользовалась поддержкой со стороны великого князя Николая Николаевича и Витте писал, что великий князь «находится в интимных отношениях» с «пресловутым мазуриком Дубровиным»⁷⁰⁶. Именно «благодаря влиянию Николая Николаевича и государь после 17 октября возлюбил больше всех черносотенцев, открыто провозглашая их как первых людей Российской империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость»⁷⁰⁷.

Сравнивая «негодяев из правых» и «негодяев из левых», мемуарист полагал, что «негодяи из левых», «совершая гадкие дела, совершают их все-таки большей частью из-за принципа, из-за идеи, а негодяи из правых совершают гадкие дела всегда из корысти и из подлости»⁷⁰⁸. Давал оценку либеральным политическим силам автор «Воспоминаний» без особого пиетета. Партию «Союз 17 октября» отставной реформатор называл «кучкой преимущественно “услужников”, самозванно именующихся партией 17 октября»⁷⁰⁹ и «ложно называемой партией 17 октября (в сущности, партией июньских прихвостней)»⁷¹⁰.

Именно на конституционно-демократическую партию и «ее вождей», по мнению отставного реформатора, падала вина за то, что 17 октября вместо нормально действующей конституции дало только революцию⁷¹¹. Витте считал идеальной формой государственного правления для данной партии «республику с наследственным президентом», да и то до поры до времени, пока существует «монархический предрассудок» в народе⁷¹². «Кадеты считали, что нужно сразу перестроить Россию на новый либерально-

---

⁷⁰⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 74.

⁷⁰⁶ Там же. – С. 236.

⁷⁰⁷ Там же. – С. 237.

⁷⁰⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 286.

⁷⁰⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 340.

⁷¹⁰ Там же. – С. 299.

⁷¹¹ Там же. – С. 139.

⁷¹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 139.

космополитический лад, сведя власть русского монарха к власти monsieur Falliere'a (президента Французской республики)»⁷¹³.

На страницах «Воспоминаний» Витте описывал эпизод, произошедший в ближайшие дни после 17 октября. К только что вступившему в должность премьеру пришел публицист и наиболее яркий представитель конституционно-демократической партии И.В. Гессен. Он поинтересовался у Витте, как тот будет относиться к партии кадетов. Председатель Совета министров ответил, что вообще к взглядам этой партии он относится симпатично и многие воззрения разделяет и готов поддержать ее, но при одном непременном условии: партия должна «отрезать революционный хвост», т.е. резко и открыто стать против партии революционеров (в то время правых революционеров не было, были только левые). На что Гессен ответил, что они этого сделать не могут, а предложение Витте равносильно тому, если бы кадеты предложили премьеру «отказаться от физической силы войска во всех его видах». После такого обмена мнениями больше никаких серьезных разговоров с представителями конституционно-демократической партии у него не было⁷¹⁴.

Анализируя «Воспоминания» Витте в оптике перформативного поворота, можно отметить, что в реформах, результатом которых стало создание новых политических институтов и появление представительства, мемуарист видел шанс на восстановление политической стабильности. Он полагал, что поскольку на престоле находится правитель, который «губительными действиями расшатал самодержавие», иного выхода, кроме как ограничения самодержавия нет. Под «ограничением самодержавия» он понимал проведение политической линии «в духе преобразований 17 октября». Это предполагало следующий политический порядок: новые властные институты берут на себя небольшую часть функций самодержца,

---

⁷¹³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 428.

⁷¹⁴ Там же.

при этом, самодержавие остается незыблемым – основы самодержавного строя не затрагиваются.

Основными задачами и, одновременно, заслугами своего кабинета Витте выделял «устроение правового порядка» и «водворение в жизнь элементов гражданской свободы». Однако после назначения Столыпина (и в особенности после принятия нового избирательного закона 3 июня, который Витте называл «государственным переворотом» и отмечал, что закон нарушает манифест 17 октября и Основные государственные законы) значительная часть «заслуг» 17 октября была уничтожена. Витте характеризовал политику своего преемника как «террор» и «полный административный произвол». Мемуарист называл действующий политический порядок «самодержавием наизнанку», подразумевая под этими словами, что в основе политической системы лежит не «самодержавие монарха», а «самодержавие министра» (т.е. Столыпина). Можно сделать вывод о том, что несоответствие между формой и содержанием авторитетного дискурса продолжало усиливаться, а политический кризис углубляться.

III глава

Авторефлексия публичного политика

§ 1. Идентичность Витте в «допремьерский» период

На российском политическом небосклоне рубежа XIX – XX вв. фигура Витте выглядела достаточно ярко и самобытно, что отмечали его современники. А.Н. Куломзин в своих мемуарах характеризовал Витте как «энергичного, деятельного и, несомненно, любившего свою родину»⁷¹⁵, а также называл его «единственным дальновидным министром»⁷¹⁶. В.П. Мещерский отмечал у Витте «энергию и твердую решимость»⁷¹⁷, В.И. Гурко называл Витте «несомненно выдающейся личностью»⁷¹⁸.

Историк Э.О. Сагинадзе убедительно доказывает, что в понимании Витте влияние на общественное мнение являлось неотъемлемой частью политики и условием, при котором политический деятель пребывает во властных кругах, поэтому личная популярность в общественном мнении позднеимперской России волновала сановника не меньше, чем бюрократические достижения⁷¹⁹.

Использование автором мемуаров общественного мнения для достижения политических целей отмечали и его современники. «Печать, – говорил граф С.Ю. Витте, – есть могучая сила, с которой должен считаться весь мир»⁷²⁰. По мнению Гурко, общественное мнение для Витте было «подсобным средством для укрепления своего положения», оно было важно «лишь как орудие для достижения своих, им самим заранее намеченных

---

⁷¹⁵ Куломзин А.Н. Указ. соч. – С. 926.

⁷¹⁶ Там же. – С. 770.

⁷¹⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 645.

⁷¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 48.

⁷¹⁹ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 9-10.

⁷²⁰ Граф Витте и печать // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта; Кауфман А.Е. Черты из жизни графа С.Ю. Витте. – С. 223.

целей», а считался с общественным мнением сановник «лишь как с трамплином для проведения своих начинаний, для осуществления своей воли»⁷²¹. Следовательно, «сознавая огромное влияние современной прессы на общественное мнение, Витте всемерно стремился быть в лучших отношениях с ее представителями, причем и тут, конечно, не брезгал никакими средствами»⁷²², – констатировал Гурко.

Для современников не было секретом то обстоятельство, что сановника очень беспокоила его репутация на страницах периодических изданий, и он всегда досконально изучал свежую прессу: «Редкий государственный деятель так следил за текущею журналистикой, как он. На его столе в кабинете всегда лежали последние номера газет и свежие выпуски журналов»⁷²³. «В каждом городе, где он жил, Витте имел своих знакомых и друзей среди журналистов»⁷²⁴, – свидетельствовал журналист А.Е. Кауфман.

В терминологии перформативного поворота Витте занимался конструированием собственного образа политического деятеля в пространстве публичной политической коммуникации. В период государственной службы инструментами для репрезентации собственной положительной репутации и оправдания собственных политических решений служила пресса, а также свои публицистические работы. После отставки с должности председателя Совета министров он начал активно работать над мемуарами. Для сановника важен был персональный политический имидж, он стремился усилить положительные характеристики собственной репутации, сложившейся в общественном мнении и опровергнуть отрицательные черты, которые были присущи его образу в публичном политическом пространстве.

---

⁷²¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 63.

⁷²² Там же.

⁷²³ Кауфман А.Е. Черты из жизни графа С.Ю. Витте. – С. 228.

⁷²⁴ Там же.

Анализируя самоидентификацию Витте в мемуарах, необходимо учитывать, что исследователь имеет дело не с «образом», а с «образами», поскольку за более чем пятнадцатилетний период пребывания в высших эшелонах власти изменялись как социально-политические, экономические конъюнктуры, так и ипостась, и репутация самого Сергея Юльевича в большой политике. В соответствии с внутри и внешнеполитической обстановкой он выбирал те или иные орудия и инструменты политической борьбы. После 1906 г. у него в качестве первых оставались только публицистическая деятельность и мемуары, а в качестве последних – конструирование собственных образов в публичном политическом пространстве⁷²⁵.

Публицистическая активность молодого Сергея Витте не была секретом для его современников. До поступления на государственную службу и переезда в Петербург молодой Витте публиковал свои статьи в периодических изданиях – «Московских ведомостях» М.Н. Каткова и «Руси» И.С. Аскакова⁷²⁶, а также принимал непосредственное участие в основании газеты «Киевское слово»⁷²⁷. В 1886 г. Витте опубликовал в Киевской газете «Заря» заметку о недавно переехавшем в Петербург и назначенном членом Государственного совета и Комитета финансов И.А. Вышнеградском. В заметке автор опроверг «нападки, ругательства и инсинуации» «братии»: «Нового времени», «Киевлянина», «Вестника Европы» и дал положительную характеристику главному персонажу. Витте послал материалы Вышнеградскому в Петербург, а в ответном письме тот поблагодарил Витте и сообщил о том, что для него «не важно мнение о нем тех, кто его совершенно не знает»⁷²⁸.

---

⁷²⁵ Веревкина И.Н. «Неуправляемая империя» VS «соломенное чучело на огороде» (конструирование образа С.Ю. Витте на страницах «Воспоминаний») // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163. кн. 6. – С. 63.

⁷²⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 150.

⁷²⁷ Там же. – С. 152.

⁷²⁸ РГИА. Ф. 1622 Оп. 1 Д. 402. Л. 1.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранилась переписка 1888-1889 гг. Витте с редакторами крупных изданий – «Московские ведомости»⁷²⁹ и «Новое время»⁷³⁰. В воспоминаниях В.П. Мещерского, правого публициста и издателя газеты-журнала «Гражданин», можно найти свидетельство того, что знакомство литератора и сановника состоялось, когда Витте был еще начальником юго-западных железных дорог и жил в Киеве⁷³¹. Витте, в свою очередь, в мемуарах не упоминал о том, что знакомство с Мещерским состоялось во времена его службы в Киеве. Мемуарист писал о правом публицисте как «о наиболее интересном лице, с которым ему пришлось встречаться, когда он сделался министром путей сообщения» и подчеркивал, что известность как «Гражданина», так и самого князя «более печальна, нежели почтенна»⁷³².

Накануне назначения Витте на должность руководителя Департамента железнодорожных дел и переезда в Петербург в марте 1889 г. публицист и издатель газеты «Русское дело» С.Ф. Шарапов написал письмо Витте с просьбой работать у него в качестве «наемного пера»: «Я именно поэтому попросился работать у Вас, что заранее знаю, как Вы, сами замечательный работник, относитесь к Вашему подчиненному работнику. <...> А указаниям, которые будут даны знатоком дела и только облегчать работу я первый буду крайне рад»⁷³³.

В конце 1888 г. на страницах «Московских ведомостей» была опубликована информация «о готовящемся в министерстве финансов учреждении для заведывания тарифным делом»⁷³⁴ и назначении Витте на должность главы нового ведомства. На эту новость отреагировал известный и достаточно влиятельный киевский журналист Д.И. Пихно [*Витте и Пихно были хорошо знакомы и «расходились во взглядах», о чем свидетельствуют*

---

⁷²⁹ РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

⁷³⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 3.

⁷³¹ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 643.

⁷³² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 260.

⁷³³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 484. Л. 1-1 (об).

⁷³⁴ РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

«Воспоминания»⁷³⁵ – И.В.]. Он опубликовал свое возражение. Витте опасался, что другие печатные издания (особенно столичные) перепечатают статью Пихно. «На этот случай может быть следовало бы опровергнуть возражение этой собачки»⁷³⁶, – писал он в письме к С.А. Петровскому, главному редактору «Московских ведомостей».

На протяжении всей своей государственной карьеры (и даже после отставки) Витте просил издателей публиковать опровержения к статьям, содержание которых могло навредить его репутации. Например, Петровскому он послал секретные документы для ознакомления и дальнейшей публикации опровержения, а также просил журналиста: «буквальных выписок и отчетов отнюдь не допускайте»⁷³⁷. Автор мемуаров рассматривал опровержения на страницах периодических изданий как один из способов конструирования положительного образа государственного деятеля.

Историк А.Ю. Полунов полагает, что, оказавшись в высших эшелонах власти, Витте быстро вписался в царившую обстановку закулисных интриг, активно вступил в азартную игру с различными центрами неформального влияния, среди которых не последнюю роль играл консервативный сановник, последовательный защитник неограниченного самодержавия К.П. Победоносцев⁷³⁸. Необходимо отметить, что действия Витте после переезда в Петербург отнюдь не ограничивались только тактическими альянсами и придворными интригами, сановник продолжал вести привычную ему политическую борьбу и обосновывать свои решения на страницах периодических изданий, а также в собственных публицистических работах. «Помилуйте, что это за государственный деятель, который ничего не читает,

---

⁷³⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 147.

⁷³⁶ РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

⁷³⁷ Там же. Л. 7; Л. 36.

⁷³⁸ Полунов А.Ю. «Русский Торквемада» и «человек из кусочков»: к истории взаимоотношений К.П. Победоносцева и С.Ю. Витте. – С. 45.

не следит за текущей печатью!»⁷³⁹, – говорил Витте в разговоре с журналистом Кауфманом.

После переезда в Петербург и вступления в должность директора Департамента железнодорожных дел Витте установил контакты с петербургской прессой, посещал редакцию газеты «Биржевые ведомости» и сблизился с ее издателем и главным редактором С.М. Проппером⁷⁴⁰. В 1892 г., когда чиновник вступал в управление министерством финансов, читателям влиятельной консервативной газеты «Московские ведомости» он был презентован как «истинно русский человек, непоколебимо верящий в национальное могущество России»⁷⁴¹.

На страницах «Воспоминаний» автор позиционировал себя как государственного деятеля, которому не было равных по масштабу личности и управленческим талантам. В попытке конструирования образов Витте–сановника автор стремился опровергнуть широко распространенные в общественном мнении и тиражируемые в СМИ отдельные характеристики своей репутации⁷⁴². В общественном мнении пореформенной России за ним прочно закрепилась репутация «самодержавного дельца», прагматика, карьериста, стремившегося любой ценой заполучить власть, что подтверждается многочисленными свидетельствами современников.

Депутат Государственной Думы Российской империи IV созыва О.А. Grimm описывал Витте так: «Основная черта гр. Витте – бесконечная жажда власти; для утоления ее он готов был принести в жертву все ... Единственным принципом его была беспринципность»⁷⁴³. «Самородок. Мужиковатый гигант, завоеватель, самодержавный делец, Витте азартно ломил свое, сокрушал все преграды данной ему от Бога силищей. Если же препятствия казались ему пока непреодолимыми он, с чисто мужицкой

---

⁷³⁹ Кауфман А.Е. Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте. – С. 229.

⁷⁴⁰ Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 986.

⁷⁴¹ Московские ведомости. 1892. 3 сентября.

⁷⁴² Вережкина И.Н. «Неуправляемая империя» VS «соломенное чучело на огороде» (конструирование образа С.Ю. Витте на страницах «Воспоминаний»). – С. 63.

⁷⁴³ Киевлянин. 1915. 5 марта.

хитростью любыми изворотами их обходил. <...> Жил сегодняшним днем, умело маневрируя среди очередных затруднений. Не имел никаких политических убеждений. Зато был гениальный, властный практик-самоучка с огромным даром осуществлять, добиваться, приводить в жизнь все то, что он своим исключительным жизненным чутьем и даром администратора схватывал как нужное сейчас для России»⁷⁴⁴», – такую характеристику давал сановнику камергер И.И. Тхоржевский.

«Вообще нравственной брезгливости у Витте и следа не было, а преследуемые им государственные цели как-то органически переплетались с целями личными, из которых основными были удовлетворение безграничного властолюбия и весьма у него развитого, иногда даже мелочного, честолюбия»⁷⁴⁵, – отмечал Гурко. Бывший директор департамента полиции А.А. Лопухин в своих контрмемуарах отмечал следующее: «Бюрократический Петербург хорошо знал С.Ю. Витте и характеризовал всегда так: большой ум, крайнее невежество, беспринципность и карьеризм. Все эти свойства отразились в воспоминаниях Витте, как в зеркале»⁷⁴⁶.

Витте пытался опровергнуть прочно закрепившуюся за собой репутацию беспринципного карьериста, жаждавшего власти любой ценой и готового прибегнуть к любым средствам, чтобы заполучить желаемую власть. Описывая свое назначение на должности директора Департамента железнодорожных дел, мемуарист писал, что он начал свою государственную карьеру «вопреки желанию»⁷⁴⁷ (он аргументировал свое нежелание переезжать в Петербург и поступать на государственную службу низким жалованьем чиновников и неподходящим петербургским климатом). В

---

⁷⁴⁴ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 52.

⁷⁴⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 64.

⁷⁴⁶ Лопухин А.А. Указ. соч. – С. 4.

⁷⁴⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 170.

«Воспоминаниях» встречается фраза: «государь потребовал, чтобы я занял это место»⁷⁴⁸.

Однако в примечаниях к «Воспоминаниям» авторы убедительно доказывают, что мемуарист был прекрасно осведомлен о готовящемся назначении его в Департамент железнодорожных дел, и, в связи с этим, боялся «испортить» отношения с И.А. Вышнеградским и К.Н. Посьетом, от которых в то время зависело назначение его на госслужбу⁷⁴⁹. Витте был горд, когда «прямо из титулярного советника сделался статским советником» и это «совершенно исключительно», так как «такого примера, кажется, ранее и не было»⁷⁵⁰. Вступление на пост управляющего министерством финансов, случившееся вследствие болезни Вышнеградского, Витте преподносил как неожиданное для себя⁷⁵¹. Однако публикаторы «Воспоминаний» приводят веские доказательства, подтверждающие версию о том, что в 1892 г., он активно добивался собственного назначения на место Вышнеградского⁷⁵².

По мнению историка А.В. Игнатьева, дабы «выиграть схватку» (т.е. занять пост министра финансов) Витте пришлось прибегнуть к средствам, мягко говоря, не вполне чистоplotным. В частности, он свидетельствовал о недостатках экономической политики Вышнеградского, которая замедляет процесс строительства Транссиба и не пренебрегал обсуждением сплетен о его душевном здоровье. И это несмотря на то, что в свое время Вышнеградский во многом способствовал продвижению Витте по карьерной лестнице⁷⁵³.

На страницах «Воспоминаний» автор писал о «самых лучших отношениях с Вышнеградским», несмотря на то, что «по существу» они «не были единомышленниками»⁷⁵⁴. «Вышнеградский по свойству своего ума был

---

⁷⁴⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 183.

⁷⁴⁹ Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 985.

⁷⁵⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 183.

⁷⁵¹ Там же. – С. 280.

⁷⁵² Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 997.

⁷⁵³ Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – С. 23-24.

⁷⁵⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 286.

довольно мелочен и осторожен, я же был гораздо более широкий и гораздо более смелый, – это просто свойство природы»⁷⁵⁵, – писал Витте. О своем участии в интригах против Вышнеградского он умалчивал. Сагинадзе отмечает, что, пребывая в должности министра финансов, Витте был *de jure* лишь одним из представителей властных кругов, однако ему принадлежал внушительный объем властных полномочий и материальных ресурсов и *de facto* он был «чуть ли не первым министром»⁷⁵⁶. Сам Витте прекрасно осознавал объем своих властных полномочий и стремился к их расширению.

В мемуарах журналиста И.И. Кольшко приводятся слова Витте, сказанные им накануне вступления в должность министра финансов: «В России тот пан, у кого в руках финансы. Этого до сих пор не понимали. Даже Вышнеградский. Но я их научу. Пути сообщения? И они будут в моей власти... Как и все. Кроме министра финансов в России еще есть только власть министра внутренних дел. Я бы не отказался и от нее. Но это еще рано. Надо дать в руки власти аппарат денег...»⁷⁵⁷.

На страницах «Воспоминаний» Витте высоко оценивал собственную работу на посту главы финансового ведомства и конструировал образ успешного, влиятельного сановника, под чьим руководством осуществлялись важнейшие мероприятия, направленные на укрепление финансового благосостояния Российской империи и принимались ключевые политические решения. Безусловно, одиннадцать лет пребывания в должности министра финансов являются ключевым периодом в биографии известного государственного деятеля, однако следует акцентировать внимание на социально-политических и экономических конъюнктурах Российской империи, которые с 1892 по 1903 г. претерпели существенные изменения⁷⁵⁸.

---

⁷⁵⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 287.

⁷⁵⁶ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 77.

⁷⁵⁷ Кольшко И.И. Указ. соч. – С. 122.

⁷⁵⁸ Веревкина И.Н. «Неуправляемая империя» VS «соломенное чучело на огороде» (конструирование образа С.Ю. Витте на страницах «Воспоминаний»). – С. 63.

Тхоржевский давал следующую характеристику министру финансов: «Витте, как министр финансов, оказался удачливым. Он не только довел до конца начатое Вышнеградским (уже при Николае II) укрепление твердого курса русского рубля введением у нас золотой валюты, но проявил редкую изобретательность вообще в доставлении для казны денег. При самодержавно-бюрократическом строе, да еще при политике, неблагоприятной евреям, финансовым воротилам Запада, он умудрялся широко привлекать в Россию иностранные капиталы — сама Россия была тогда еще слишком бедна, чтобы разворачивать промышленность так широко, как этого добивался Витте»⁷⁵⁹.

«За время своего одиннадцатилетнего управления министерством финансов сошедший теперь в могилу выдающийся государственный деятель сделал огромное историческое дело, которое остается в памяти веков»⁷⁶⁰, — писал в одном из некрологов известный экономист М.И. Туган-Барановский.

Витте убедительно доказывал пользу широкого привлечения иностранных капиталов для российской экономики и критиковал противников, обвиняя их в некомпетентности. «Когда против иностранных капиталов ведут войну так называемые «истинные русские люди» [*черносотенцы* – *И.В.*] (кажется, это счастливое название пустил в ход сам император), то это понятно, ведь это или отпетые, или наемные безумцы, но ведь нередко о вреде иностранных капиталов толкуют и даже в газетах люди, имеющие претензии на знания»⁷⁶¹, — писал он в своих мемуарах.

Критика широкого привлечения иностранных капиталов была достаточно ожесточенной. «Московские ведомости» аргументировали критику министра финансов за привлечение иностранных капиталов тем, что «услуги иностранной предприимчивости оплачиваются слишком дорогой

---

⁷⁵⁹ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 55.

⁷⁶⁰ М. Туган-Барановский. С.Ю. Витте как министр финансов // Речь. 1915. 1 марта.

⁷⁶¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 45.

ценой»⁷⁶². Витте писал в мемуарах: «Во время управления моего финансами (а в то время министр финансов был также министром торговли и промышленности) я твердо утроил нашу промышленность. Это тоже мне постоянно ставили и ныне ставят в вину. Глупцы!»⁷⁶³. Сановник называл критиков искусственных мер развития промышленности «салонными и газетными невеждами»⁷⁶⁴ и отмечал, что «все, что делают люди, это с известной точки зрения искусственно. Одни дикари живут и управляются безыскусственно»⁷⁶⁵. Автор мемуаров отмечал, что искусственные меры, принятые им, более слабые, в сравнении с теми, какие принимали для аналогичных целей иностранные государства⁷⁶⁶. Среди его современников было немало тех, кто признавал финансовую политику успешной. Например, А.Н. Куломзин писал, что Витте еще при Александре III успел поднять престиж наших финансов и нашего кредита⁷⁶⁷. Журналист В.М. Дорошевич считал, что «у Витте две гордости: винная монополия и золотая валюта»⁷⁶⁸.

О денежной реформе Витте писал, как о реформе, которую он «имел честь совершить» и которая «спасла и укрепила русские финансы»⁷⁶⁹. Это одна из реформ, которая будет служить «украшением царствования императора Николая II»⁷⁷⁰. Витте не отрицал вклад в подготовку данной реформы своих предшественников на посту министра финансов (И.А. Вышнеградского и Н.Х. Бунге), однако утверждал, что их вклад был «незначительным», поскольку даже план реформы ими не был установлен. Проработка детального плана реформы и его реализация приводилась в исполнение непосредственно Витте⁷⁷¹. Он также отмечал, что во многом

---

⁷⁶² Московские ведомости. 1897. 18 мая.

⁷⁶³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 47.

⁷⁶⁴ Там же. – С. 48.

⁷⁶⁵ Там же. – С. 47.

⁷⁶⁶ Там же. – С. 48.

⁷⁶⁷ Куломзин А.Н. Указ. соч. – С. 502.

⁷⁶⁸ Отрывок из дневника В. Дорошевича 1908 г. Петербург // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁷⁶⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 369.

⁷⁷⁰ Там же. – С. 464.

⁷⁷¹ Там же.

проведение золотовалютной реформы состоялось благодаря доверию императора, его твердости и поддержке⁷⁷². «Вопреки общественному мнению всей России, мне удалось восстановить денежное золотое обращение»⁷⁷³, – убеждал Витте. «Надо отдать Витте справедливость, что, если бы не было у нас в эпоху Японской войны металлического обращения, мы тогда были бы уже банкротами в полном смысле этого слова»⁷⁷⁴, – полагал Куломзин.

Помимо того обстоятельства, что золотовалютная реформа была проведена не в установленном порядке через Государственный совет, а через Финансовый комитет, она встретила ожесточенную критику в публичном политическом пространстве. Главными ее критиками были И.Ф. Цион и С.Ф. Шарапов.

Цион находился на службе в министерстве финансов полтора года (1887-1888), после заключения во Франции первого конверсионного займа был уволен со службы. После увольнения остался в Париже и занялся публицистической деятельностью, главным образом критикуя финансовую политику Вышнеградского и Витте. Выпустил несколько брошюр. Поскольку Цион был известен во Франции как чиновник особых поручений Министерства финансов, т.е. как лицо, посвященное в дела русского финансового ведомства, его публицистическая деятельность с критикой финансовой политики Витте сильно беспокоила сановника⁷⁷⁵.

О том, что Цион «лжет, клеветает, инсинуирует, рассчитывая на свою безнаказанность»⁷⁷⁶ Витте писал в 1895 г. в письме к Победоносцеву. «Нет гадости, которой бы обо мне Цион не писал»⁷⁷⁷, – отмечал он в мемуарах. По инициативе Витте в 1895 г. было созвано совещание по обсуждению преступной деятельности Циона, которое потребовало его возвращение в

---

⁷⁷² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 464.

⁷⁷³ Там же. – С. 328.

⁷⁷⁴ Куломзин А.Н. Указ. соч. – С. 500.

⁷⁷⁵ Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 996.

⁷⁷⁶ 2. Письмо С.Ю. Витте К.П. Победоносцеву // Переписка Витте и Победоносцева (1895-1905 гг.). – С. 91.

⁷⁷⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 285.

Россию и дальнейшую уголовную ответственность. Цион отказался вернуться и был лишен российского подданства, всех прав и пенсий, полученных им на русской государственной службе⁷⁷⁸.

Другим достаточно ярким критиком Витте был публицист Шарапов, который безуспешно пытался устроиться к сановнику в качестве наемного пера в 1889 г. Он критиковал финансовую политику министра, а главной мишенью стала золотовалютная реформа. Помимо критики экономических мероприятий на страницах своей газеты «Русский труд», в 1895 г. он опубликовал работу «Бумажный рубль (его теория и практика)», в которой доказывал, что основой российской денежной системы должен стать не обеспеченный золотом (и никакими иными активами) бумажный рубль⁷⁷⁹. Журналист вел полемику с министром финансов не только на страницах печатных изданий, но и в личной переписке. В одном из писем к сановнику, датированном 19 июня 1902 г., он писал: «Вы не только сделали историческую ошибку, Вы упорствуете в ней, ставя на карту все, и вот, Ваша огромнейшая рабочая сила перестает быть созидательной и становится разрушительной»⁷⁸⁰.

Гурко вспоминал, что несмотря на то, что глава финансового ведомства стремился сохранять хорошие отношения с представителями периодической печати, иногда он «мог надеть на прессу намордник»⁷⁸¹. Так еженедельная газета Шарапова «Русское дело» путем цензурных запретов была закрыта по инициативе Витте. Однако к подобным способам взаимодействия с прессой сановник обращался неохотно, осознавая их тщетность. Обычно он предпочитал пользоваться иными, более привычными для него способами.

Когда Шарапов вместо еженедельной газеты стал издавать брошюры, выходившие под разными названиями, но с прежней критикой, он получил от

---

⁷⁷⁸ Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 996-997.

⁷⁷⁹ Шарапов С.Ф. Указ. соч.

⁷⁸⁰ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 3993. Л. 15.

⁷⁸¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 63.

сановника денежную субсидию для принадлежавшей ему мастерской по производству плугов. После этого критика экономических мероприятий Витте закончилась⁷⁸². «Издатель “Русского дела” Шарапов поднял целый поход против золотой валюты. Прошло некоторое время и Шарапов, получив “золотую валюту” на усовершенствование изобретенного им плуга, переложил гнев на милость»⁷⁸³, – иронизировал близкий к Витте журналист Кауфман.

Описывая мероприятия, связанные с введением казенной винной монополии, Витте акцентировал внимание на исключительно благих намерениях реформы. Главная цель питейной монополии – возможное уменьшение пьянства⁷⁸⁴. «Император Александр III говорил, что его крайне мучает и смущает то, что русский народ так пропивается и что необходимо принять какие-нибудь решительные меры против этого пьянства. <...> Император Александр III сердцем желал помочь в этом отношении русскому народу»⁷⁸⁵.

Сообщая об отставке с поста министра финансов, «Московские ведомости» отмечали, что «свыше десятилетнее управление Министерством финансов Витте» ознаменовалось «множеством преобразований» и было полным «кипучей деятельности». Издание видело в отставке «перемену самой системы», о которой им «часто приходилось говорить»⁷⁸⁶. Историк С.В. Самонов в своем диссертационном исследовании проанализировал отношение «Московских ведомостей» к политике министра финансов Витте и пришел к выводу, что оно отнюдь не было однозначным. По мнению исследователя, «издание положительно оценивало действия реформатора, направленные на укрепление и упорядочение государственных финансов, повышения экономического могущества государства, однако критиковало

---

⁷⁸² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 64.

⁷⁸³ Кауфман А.Е. Черты из жизни г-на С.Ю. Витте. – С. 226.

⁷⁸⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 459.

⁷⁸⁵ Там же. – С. 359.

⁷⁸⁶ Московские ведомости. 1903. 18 августа.

практику широкого привлечения иностранных капиталов, а также негативно воспринимало дисбаланс в развитии промышленности и сельского хозяйства»⁷⁸⁷.

В «Воспоминаниях» автор презентовал свою отставку как результат интриги против него. Витте конструировал собственный образ политика, главного противника крайне непопулярной⁷⁸⁸ «несчастнейшей» русско-японской войны, пытавшегося всеми силами ее предотвратить и заключившего «триумфальный» Портсмутский мир. Он демонизировал образы своих политических оппонентов – сторонников русско-японской войны, называя их «бандой авантюристов» (Безобразов и К^о)⁷⁸⁹, «безобразовской кликой», «безобразовским кружком» и т.п. На страницах «Воспоминаний» была употреблена фраза, которая впоследствии многократно цитировалась и стала ярким элементом образа Плеве в публичном политическом пространстве. Витте писал, что Плеве сказал Куропаткину следующее: «Алексей Николаевич, Вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, *нам нужна маленькая победоносная война* [курсивом выделено в источнике – И.В.]»⁷⁹⁰.

Витте так писал о своем отношении к дальневосточной политике: «Я считал японскую войну бедствием и всячески старался отклонить государя от войны, а Плеве, с своей стороны, наталкивал государя на эту войну; таким образом, Плеве является одним из виновников этой бедственной войны, а затем и всех несчастий, которые постигли Россию вследствие этой войны»⁷⁹¹.

Кроме того, Витте акцентировал внимание на том, что Плеве: «не скупился представить государю всякие нелепые обо мне сведения, доходящие до того, как это выяснилось после его смерти из архивов Департамента полиции, что я чуть ли не революционер, конспирирующий на

---

⁷⁸⁷ Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892-1903 гг.). Дисс... канд. историч. наук. – М., 2008. – С. 182.

⁷⁸⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 32.

⁷⁸⁹ Там же. – С. 21.

⁷⁹⁰ Там же. – С. 32.

⁷⁹¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 340.

священную для всякого честного русского жизнь государя императора»⁷⁹². «Плеве знал, что я не дам хода его полицейским вождениям, крайне революционировавшим Россию, а потому, чтобы сохранить пост министра внутренних дел, он во что бы то ни стало решил меня устранить. Может быть, отчасти это побудило его стать во главе политической затеи Безобразова, приведшей к войне, в уверенности, что я скорее уйду, нежели сдамся на эту пагубнейшую антрепризу...»⁷⁹³, – отмечал мемуарист.

«Я был убежден в том, что мир для нас необходим, так как в противном случае нам грозят новые бедствия и полная катастрофа, которая может кончиться свержением династии, которой я всегда был и ныне предан до последней капли крови, но, с другой стороны, как-никак, а мне приходилось подписать условия, которые превосходили по благоприятности мои надежды, но все-таки условия не победителя, а побежденного на поле брани. России давно не приходилось подписывать такие условия; и хотя я был ни при чем в этой ужасной войне, а, напротив того, убеждал государя ее не затевать, покуда он меня не удалил, чтобы развязать безумным шовинистам руки, тем не менее судьбе угодно было, чтобы я явился заключателем этого подавляющего для русского самолюбия мира»⁷⁹⁴, – писал Витте о своем участии в подписании Портсмутского мирного договора.

Данное соглашение сановник характеризовал как «сравнительно благоприятный мир» после «всех наших жестоких и постыднейших поражений»⁷⁹⁵. По его мнению, во время подписания договора «настал критический момент и мне пришлось решать за всю Россию и потомство»⁷⁹⁶. В телеграмме к Витте от 7 сентября 1905 г. по случаю завершения мирных переговоров император писал: «Выражаю вам Мою благодарность за умелое твердое ведение переговоров, которые привели к хорошему для России

---

⁷⁹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 80.

⁷⁹³ Там же.

⁷⁹⁴ Там же. – С. 167.

⁷⁹⁵ Там же. – С. 169.

⁷⁹⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 329.

окончанию»⁷⁹⁷. «Творец Портсмутского мира» также получил поздравительные телеграммы от императрицы Александры Федоровны⁷⁹⁸ и вдовствующей императрицы Марии Федоровны⁷⁹⁹.

На страницах «Воспоминаний», мемуарист писал, что после подписания Портсмутского договора, «государь был нравственно приведен к необходимости дать мне совершенно исключительную награду, возведя меня в графское достоинство»⁸⁰⁰. Сановник не забыл упомянуть о «личном нерасположении» к себе императора и императрицы, а также коварных интригах царедворцев и высших бюрократов, «столь же подлых, как и бездарных»⁸⁰¹. О том, что государь и придворные круги будут вставлять палки в колеса и вешать на него собак, какой бы мир он не заключил⁸⁰², Витте жаловался в разговоре с Гессеном накануне отъезда в США.

В рескрипте от 25 сентября 1905 г. о возведении Витте в графское достоинство государь выражал признательность сановнику за заключение Портсмутского договора: «Доверием МОИМ на вас возложено было поручение отправиться в Соединенные Штаты в качестве МОЕГО первого уполномоченного и, в случае приемлемости японских предложений, вступить в переговоры о заключении мира на основаниях, точно МНОЮ предначертанных. <...> Вы блистательно исполнили предстоявшую вам задачу. Действуя твердо и с подобающим представителю России достоинством, вы достигли справедливых уступок, доказав неприемлемость тех условий, которые могли бы оскорбить патриотическое сознание русского народа или нанести ущерб жизненным интересам родины»⁸⁰³. Николай II в письме к Марии Федоровне от 29 сентября 1905 г. сообщал что, когда он

---

⁷⁹⁷ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.

⁷⁹⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 46.

⁷⁹⁹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 48.

⁸⁰⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 169.

⁸⁰¹ Там же.

⁸⁰² Гессен И.В. В двух веках. Жизненный опыт. – С. 204.

⁸⁰³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 235. Л. 1.

объявил Витте о даровании ему графского титула «с ним почти случился “столчок”, и затем он три раза старался поцеловать руку!»⁸⁰⁴.

Накануне отъезда на мирные переговоры Витте приглашал к себе публицистов – Гессена и Суворина. По мнению Гессена, это было первым шагом строго обдуманного плана «расположить к себе при выполнении трудной миссии общественное мнение и, как известно, план этот он весьма умело осуществил»⁸⁰⁵. В своих мемуарах Витте доказывал, что подписание Портсмутского договора на благоприятных для России условиях во многом состоялось благодаря его умелому взаимодействию с журналистами – сановник быстро сумел расположить к себе деятелей прессы, он доказывал важность взаимодействия с печатью тем, что она «играет громадную роль в смысле проведения впечатлений и идей»⁸⁰⁶. Во время мирных переговоров близкий к сановнику журналист Э. Диллон контролировал американскую прессу в интересах Витте и создавал благоприятное общественное мнение⁸⁰⁷.

В память о заключении Портсмутского мирного договора «Дом трудолюбия для образованных мужчин» преподнес Витте альбом, содержащий вырезки из газет, посвященных подписанию соглашения⁸⁰⁸. «Только малосведующие или недобросовестные люди осуждали безобидный для нас выход из тяжелой корейско-японской авантюры. Портсмут останется лучшим, наиболее почетным и прочным памятником международно-политической деятельности С.Ю. Витте»⁸⁰⁹, – писал журналист Л. Слонимский.

Извольский утверждал: «Величайшим ударом для графа Витте по его возвращении в Россию было видеть, насколько его усилия не были оценены соотечественниками. <...> Общественное мнение и оценка его прессой были

---

⁸⁰⁴ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906). – С. 160.

⁸⁰⁵ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный опыт. – С. 204.

⁸⁰⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 169.

⁸⁰⁷ Dillon E. Op.cit. – P. 303.

⁸⁰⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1023.

⁸⁰⁹ Слонимский Л. гр. С.Ю. Витте и внешняя политика // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта.

явно враждебны, некоторые лица, обладающие юмором, называли его “граф Сахалинский” [так в источнике – И.В.]. Короче триумф, которого он ожидал и на который он имел непререкаемое право не был им получен – его встретили враждебностью и насмешками»⁸¹⁰. Тхоржевский отмечал, что «когда Государь пожаловал в награду Витте графский титул, то немедленно враги — в правых и придворных кругах — приклеили к Витте прозвище граф Полу-Сахалинский (т. е. полу-каторжник)»⁸¹¹. «Предвидение сановником того, что «какой бы мир не заключить, виновника будут всячески поносить» оправдалось в самых невероятных формах – правые издания утверждали, что у сахалинских каторжников больше представления о чести и национальной гордости, нежели у Витте; а после присвоения графского достоинства в реакционной печати ему была дана кличка “граф Полусахалинский”»⁸¹², – констатировал Гессен.

«Граф полусахалинский» как элемент образа сановника был одним из наиболее ярких, известных и узнаваемых. Сам он пытался «обелить» собственную репутацию и в мемуарах представлял версию о том, что идея уступить Японии Южный Сахалин принадлежала самому государю: «Сия честь принадлежит лично Его Величеству, я, может быть, ее [уступку] не сделал бы, хотя нахожу, что государь поступил правильно, так как без этой уступки едва ли удалось бы заключить мир»⁸¹³.

После отставки Витте опубликовал очерк «Вынужденные разъяснения по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войне с Японией»⁸¹⁴, в котором он с представлением сравнительных таблиц опровергал главный тезис бывшего военного министра о том, что на военные нужды выделялось недостаточно средств, обеляя свою репутацию министра финансов. Конструирование образа сановника, который был против заведомо провальной активной

---

⁸¹⁰ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 92.

⁸¹¹ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 69.

⁸¹² Гессен И.В. В двух веках. Жизненный опыт. – С. 204.

⁸¹³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 164.

⁸¹⁴ Витте С. Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войне с Японией.

внешней экспансии на Дальнем Востоке и пытался предотвратить кровопролитную русско-японскую войну было главным методом и способом упрочения собственной положительной репутации в глазах общества⁸¹⁵.

В начале своей государственной карьеры и вплоть до отставки с поста министра финансов Витте использовал, в первую очередь, правые политические силы и правую печать в собственных целях как в качестве инструмента для формирования положительной репутации в пространстве публичной политической коммуникации, так и в качестве орудия политической борьбы (в том числе для обоснования собственных взглядов и для борьбы со своими оппонентами). Во многом благодаря этим последовательным действиям складывался в целом его положительный образ влиятельного политика, где Витте выступал в роли «творца» своего образа великого государственного деятеля. Этот образ в значительной степени определял политическую судьбу «оригинала». Огромное влияние, которое оказывал сановник на политическую жизнь Российской империи, будучи главой финансового ведомства, были вынуждены признавать даже его недоброжелатели⁸¹⁶.

Витте боролся за собственную положительную репутацию в публичном политическом пространстве разными методами. Министр финансов использовал политические интриги и «подкуп», обвинял критиков в некомпетентности и отстаивал свои убеждения всеми доступными для него способами, в том числе дискредитировал образы своих политических оппонентов (например, фраза про «маленькую победоносную войну» благодаря Витте стала самым узнаваемым компонентом образа Плеве в публичном политическом пространстве).

Проводя собственную экономическую политику в условиях отсутствия единого коллегиального органа, координировавшего деятельность высших

---

⁸¹⁵ Веревкина И.Н. «Неуправляемая империя» VS «соломенное чучело на огороде» (конструирование образа С.Ю. Витте на страницах «Воспоминаний»). – С. 64.

⁸¹⁶ Веревкина И.Н. Правые в оптике репрезентаций С. Ю. Витте // Вестник Пермского университета. История. – 2022. – №3 (58). – С. 121.

сановников в дезорганизованном политическом процессе Российской империи, Витте стремился проводить политику, отвечающую только его интересам. Для претворения в жизнь отдельных экономических преобразований искусный, в создании политических интриг, сановник умело использовал все доступные для него средства, включая «лазейки» и «обходные маневры».

В событиях, связанных с его отставкой с должности главы финансового ведомства можно увидеть определенную парадоксальность политических практик Российской империи. В мемуарах Витте интерпретировал причины, по которым он был вынужден оставить пост министра финансов как разногласия по вопросам дальневосточной политики. Вопросы внешней политики не входят в прямую компетенцию министра финансов, т.е. причиной отставки стали вопросы, выходящие за границы компетенции министерства финансов.

§ 2. «Самопроизводство» образов Витте – «премьера» и «отставного сановника»

17 октября 1905 г. стало важнейшей датой не только в политической биографии сановника, но и в истории России. Витте смог вернуться к реальной власти, получив пост председателя Совета министров. По мнению историка Э.О. Сагинадзе, с одной стороны, в условиях революции предшествующая репутация сановника (т.е. репутация Витте – министра финансов) определяла многое в отношении к нему как к премьеру и именно образ «всесильного и жесткого бюрократа открыл ему дорогу во власть», с другой стороны, именно репутация государственного деятеля «не в меньшей степени, чем его политические шаги», влияла на отношение к Витте-премьеру и отчасти именно репутация «погубила его на новом посту»⁸¹⁷.

О своем назначении на должность председателя Совета министров Витте писал следующее: «Одобрение моей программы в форме резолюции “принять к руководству” и подписание манифеста 17 октября, который в высокаторжественной форме окончательно и бесповоротно вводит Россию на путь конституционный, т.е. в значительной степени ограничивающий власть Монарха и устанавливающий соотношение власти Монарха и выборных от населения, отрезали мне возможность уклониться от поста председателя Совета министров, т.е. от того, чтобы взять на себя бразды правления в самый разгар революции»⁸¹⁸.

Мемуарист настаивал на том, что император никогда не согласился бы на манифест 17 октября если бы не видел, что «в данный момент у него нет другого выхода, обещающего успокоение»⁸¹⁹. Витте писал: «этот выход мною ему был указан и под влиянием силы не только русского, но и мирового общественного мнения он заставил меня принять бразды

---

⁸¹⁷ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 67.

⁸¹⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 249.

⁸¹⁹ Там же. – С. 497.

правления»⁸²⁰. «Я волею государя был брошен в костер»⁸²¹, – утверждал сановник.

Сергей Юльевич резюмировал: «...Я очутился у власти вопреки моему желанию... <...> потому что все другие симпатичные монаршему сердцу лица отпраздновали труса, уклонились от власти, боясь бомб и совершенно запутавшись в хаосе самых противоречивых мер и событий»⁸²². Витте проводил аналогию между своим назначением на пост премьера и своей дипломатической миссией в Портсмуте: «Повторилось то, что случилось перед Портсмутом; точно так, как тогда государь был вынужден обратиться ко мне, чтобы я принял на себя тяжелую миссию ликвидировать постыдную войну»⁸²³.

Император описывал события тех дней в письме Марии Федоровне, в котором он писал, что в октябре 1905 г. Витте горячо отстаивал «конституционный путь», подразумевавший предоставление гражданских прав населению (свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности) и обязательство проводить каждый законопроект через Государственную думу⁸²⁴. «Он прямо объявил, что если я хочу *его* [курсивом в источнике – И.В.] назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать»⁸²⁵.

По утверждениям современников сановник был очень рад своему новому назначению и возврату «реальной власти» в собственные руки, однако он недооценил те сложности, с которыми ему придется столкнуться в новой политической реальности. «Витте не только радовался возвращению к огромной власти и кипучей деятельности, – он уже воображал себя кумиром России и был совершенно уверен, что состоявшиеся государственные акты

---

⁸²⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 497.

⁸²¹ Там же. – С. 249.

⁸²² Там же.

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906 гг.). – С. 154.

⁸²⁵ Там же.

сразу внесут успокоение в страну и даже прекратят подпольную работу революционных сил. Огромной принятой на себе перед страной ответственности он, по-видимому, не осознавал»⁸²⁶, – считал В.И. Гурко. Схожее мнение высказывал и Николай II: «Вообще, он не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте. Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение»⁸²⁷.

«Избалованный успехами своей финансовой политики и удачею при недавнем заключении мира с Японией, сделавшими его одним из известнейших и отчасти популярнейших государственных деятелей всего образованного мира, он несомненно был убежден, что венчает свою карьеру инициативою в акте, который явится источником счастья и величия Родины и самого Государя. Витте был слишком умным человеком, чтобы воображать, что все пойдет гладко и что Манифест вызовет одни восторги и дружную работу всей страны в деле осуществления новых идей, но, конечно, не предчувствовал размеров скандалов и революционного озлобления, охвативших страну вслед за изданием актов, долженствовавших, как он думал, успокоить недоверие сознательных элементов населения», – писал в мемуарах И.И. Толстой⁸²⁸.

И.И. Тхоржевский отмечал, что «Как инженер и математик, Витте был убежден, что, дав России Думу, он вышиб из-под ног революции главную ее базу, так что отныне русская передовая интеллигенция будет поддерживать государственную власть и, в частности, его как премьера. Но он не рассчитал того, что у наших передовых общественных деятелей не было еще достаточно политического опыта; здравый смысл часто уступал в них место политическому азарту, а главное, привычку идти уже много лет в ногу с

---

⁸²⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 468-469.

⁸²⁷ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906 гг.). – С. 169.

⁸²⁸ Толстой И.И. Указ. соч. – С. 272.

левыми, с революцией. После 17 октября Витте получил вместо желаемого оперного апофеоза травлю и смуту со всех сторон»⁸²⁹.

Еще в бытность Витте министром финансов в Одессе, которая, по выражению журналиста А.Е. Кауфмана была «колыбелью карьеры» Витте⁸³⁰, которую сановник по праву называл своей «второй родиной»⁸³¹, Дворянская улица (на ней находился университет, в котором сановник учился) по решению Одесской городской думы за «деятельное внимание к нуждам нашего города»⁸³² была переименована в «улицу Витте». Накануне переименования управляющий министерством внутренних дел Д.С. Сипягин, спросил у Витте, не имеет ли он возражений против переименования улицы⁸³³, на что министр финансов ответил: «Я не встречаю возражений против удовлетворения ходатайства Одесской Городской Думы о наименовании дворянской улицы в г. Одессе по моему имени»⁸³⁴. После отставки Витте с поста премьера черносотенная одесская дума с благословения градоначальника вновь переименовала эту улицу⁸³⁵. По воспоминаниям журналиста В.М. Дорошевича, «когда Витте “свалился”, торжествующие одесские черносотенцы поспешили уничтожить “улицу Витте” и назвали ее как-то иначе», отставной сановник «говорил об этом с горечью, презрением и отвращением»⁸³⁶. На страницах своих мемуаров он писал о переименовании «улицы Витте» в «улицу Петра I» (которому не препятствовали ни П.А. Столыпин, ни император Николай II) и объяснял выбор имени великого императора тем, чтобы «дальнейшее переименование в мое имя было невозможным»⁸³⁷.

---

⁸²⁹ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 75.

⁸³⁰ Кауфман А.Е. Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте. – С. 220.

⁸³¹ Там же. – С. 222.

⁸³² РГИА. Ф. 1287 Оп. 41 Д. 947. Л. 1-2.

⁸³³ Там же. Л. 5.

⁸³⁴ Там же. Л. 7.

⁸³⁵ Кауфман А.Е. Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте. – С. 222.

⁸³⁶ Отрывок из дневника В. Дорошевича 1908 г. Петербург // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁸³⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 860.

Через виктимизированный нарратив «травли» и «смуты» Витте, на страницах «Воспоминаний», конструировал собственный образ председателя Совета министров как «объекта всеобщей травли». Он настаивал на том, что после 17 октября оказался «козлом искупления» и на него «свора псов черной масти была спущена при молчаливом соизволении Его Величества»⁸³⁸. «...Правые организации не без ведома Царского Села, если не Императора, организовали против меня охоту, как на дикого зверя, посредством адских машин, бомб и револьверов...»⁸³⁹. Мотивы травли мемуарист объяснял тем, что «камарилье государя всегда нужны козлы искупления, на которых спускают свору полубешенных псов в случае неудачи политической охоты»⁸⁴⁰.

Под «сворой полубешенных псов» мемуарист подразумевал правых радикалов, которые не смогли простить ему манифест 17 октября. На страницах «Воспоминаний» автор писал о травле его в «черносотенной прессе» (мемуарист приводит в пример газеты «Русское знамя» А.И. Дубровина и «Московские ведомости» В.А. Грингмута⁸⁴¹). Эти газеты писали о том, что Витте «изменник, масон, подкуплен жидами и проч.»⁸⁴². Отставной реформатор настаивал на версии о финансировании изданий из казны, из благ императрицы Александры Федоровны⁸⁴³, которая не испытывала теплых чувств к сановнику. Витте считал, что «Александра Федоровна конспирирует с союзом “истинно” русских людей, со всеми Дубровиными, отцами Илиодорами и прочими политическими негодьями и кликушами»⁸⁴⁴.

Однако начальник канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолов категорически отрицал версию Витте: «Все денежные расходы их величеств производились через кабинет Е.В. [*Его Величества – И.В.*] с

---

⁸³⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 22.

⁸³⁹ Там же. – С. 261.

⁸⁴⁰ Там же. – С. 22.

⁸⁴¹ Там же. – С. 212.

⁸⁴² Там же.

⁸⁴³ Там же. – С. 212–213.

⁸⁴⁴ Там же. – С. 74.

ведома министра двора. Поэтому категорически утверждаю, что никаких сумм черносотенной прессе ни разу выдано не было»⁸⁴⁵. Однако сам факт травли Витте со стороны черносотенной прессы чиновник не отрицал: «Черносотенная печать правила гр. Витте грубо и оскорбительно. Находя это возмутительным, я неоднократно звонил по телефону в управление по делам печати и обращал внимание на недопустимость таких писаний»⁸⁴⁶.

Общественно-политическую жизнь Российской империи на момент вступления в должность премьера Витте характеризовал так: «Я вступил в управление империей при полном ее если не помешательстве, то замешательстве»⁸⁴⁷. Мемуарист утверждал, что «все классы населения требовали коренных мер государственного переустройства»⁸⁴⁸. Иными словами, «в стране водворился полный революционный кошмар»⁸⁴⁹. Он характеризовал обстановку как «общую душевную смуту» или «общий психический кавардак»⁸⁵⁰.

О периоде своего премьерства Витте писал, как о времени воцарения полного хаоса и неразберихи, с которой ему приходилось справляться одному: «...Я был лишен возможности составить новое министерство, сочувствующее 17-му октября или, по крайней мере, понимающее его неизбежность в течение ближайших недель. <...> ... Я должен был в это время один управлять Россией – Россией поднявшеюся, революционировавшеюся не имея в своих руках никаких орудий управления сложным механизмом Империи, составляющей чуть ли не 1/6 часть всей земной суши с 150 миллионным населением. <...> ... В первые недели после 17-го октября проявилась полная дезорганизация власти, как говорится, “кто шел в лес, а кто по дрова”, одним словом, можно сказать действовала

---

⁸⁴⁵ Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 131.

⁸⁴⁶ Там же. – С. 132.

⁸⁴⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 485.

⁸⁴⁸ Там же.

⁸⁴⁹ Там же. – С. 487.

⁸⁵⁰ Там же. – С. 254.

сломанная неорганизованная власть, которую потом окрестили растерянной властью»⁸⁵¹.

В одном из своих всеподданнейших докладов премьер сообщал о том, что «все нарекания, обвинения и озлобления за действия Правительства направляются прежде всего на меня»⁸⁵². Для восстановления порядка и проведения крупных преобразований (без которых восстановление порядка не представляется возможным) будет необходимо «много хладнокровия, выдержки и твердости»⁸⁵³. По мнению Витте, самодержцу необходимо «принять твердые решения и затем от них не отступать и дать убеждение России, что принятые решения бесповоротны»⁸⁵⁴.

Витте утверждал, что «Его Величество не обладает способностью понимать реальную сложную обстановку»⁸⁵⁵. Поэтому, когда император решил «возложить все бремя власти» на него Витте объяснил ему «положение вещей» примером с переплыванием разбушевавшегося океана. На примере переправы через океан он объяснял самодержцу, что нужно согласиться с его курсом, поскольку «его курс будет менее опасен и во всяком случае, с точки зрения будущего России, наиболее целесообразен» и призывал царя не обращать внимание на сомнения, дерганья и интриги, т.к. «для дела кончится очень плохо»⁸⁵⁶. «Государь это выслушивал и показывал, что мне верит, но, конечно, то что я предвидел и случилось. <...> Я уже тогда знал, что ему вообще нельзя верить»⁸⁵⁷. «Я отлично понимал, что придется много испить, главное же, зная государя, я предчувствовал, что он и в без того трудное положение внесет еще большие трудности и в конце концов я должен буду с ним расстаться»⁸⁵⁸, – писал Витте в своих мемуарах.

---

⁸⁵¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 261.

⁸⁵² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

⁸⁵³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 242.

⁸⁵⁴ Там же.

⁸⁵⁵ Там же. – С. 243.

⁸⁵⁶ Там же.

⁸⁵⁷ Там же.

⁸⁵⁸ Там же. – С. 244.

По мнению историка К.В. Гаврилова, сановник за время нахождения в должности премьера проявил себя как политик, умевший лавировать и имевший политическую гибкость. В столь непростых условиях он мог быть, с одной стороны, «твердым безжалостным охранителем», а с другой, – «искусным миротворцем»⁸⁵⁹. Отставку с поста премьера, наступившую через полгода после вступления в должность, Витте трактовал как хорошо продуманное и единственно возможное решение при сложившихся обстоятельствах. Он писал, что принял решение об отставке спустя 3-4 месяца после назначения, отставка должна была состояться тогда, когда будут решены «главнейшие задачи» и осуществлена подготовка необходимых законопроектов к открытию Государственной Думы⁸⁶⁰.

В качестве главного обстоятельства, которое повлияло на уход премьера в отставку, можно предположить обострившиеся противоречия между главой кабинета и монархом. «Первое время после 17-го октября Его Величество меня слушал, затем, по мере того как смута начала успокаиваться и страх перед внезапной революцией начал проходить, государь начал избегать меня слушать, хитрить, принимать различные действия помимо меня и даже в секрете от меня. <...> Стремление обходить меня при моей несговорчивости все усиливалось по мере успокоения, но все-таки боялись со мной расстаться, боялись государственного банкротства и отсутствия войск в империи. Я, с своей стороны, чувствовал, что при таких условиях я оставаться на посту полуноминального главы правительства не могу»⁸⁶¹, – утверждал сановник.

Витте решился просить государя об отставке «ввиду крайне ненормального положения», в которое он был поставлен: «мое положение сделалось невыносимым и при всей преданности государю я решился

---

⁸⁵⁹ Гаврилов К.В. Первый премьер-министр России – заложник и жертва противостояния самодержавной власти и общества // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – С. 32.

⁸⁶⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 499.

⁸⁶¹ Там же. – С. 498.

положить этому конец»⁸⁶². Он конструировал собственный образ премьера, сравнивая свое положение с ролью «соломенного чучела на огороде», которую он «не счел возможным играть»⁸⁶³. По свидетельствам одного из ближайших сотрудников Витте в Совете министров П.П. Менделеева, премьер «неоднократно просил государя об увольнении, коль скоро государь потерял к нему доверие»⁸⁶⁴. Однако император «его не отпускал, продолжая вместе с тем всячески затруднять и без того тяжелую, неблагодарную его работу»⁸⁶⁵.

Еще за два месяца до отставки во всеподданнейшем докладе от 12 февраля 1906 г. Витте писал «о своих душевных терзаниях»: «нарекания, обвинения и озлобления за действия Правительства» направлены, прежде всего, на него самого, а сам он «лишен возможности должным образом объединять действия Правительства». По его мнению, после открытия Государственной Думы и реформированного Государственного Совета он был поставлен в тяжкую необходимость давать объяснения за действия, к которым не причастен, за непринятие мер, которые он не имеет возможности привести в исполнение и по проектам, которые он не разделяет⁸⁶⁶.

Во всеподданнейшем прошении об отставке (текст которого сановник воспроизвел на страницах мемуаров) Витте привел ряд убедительных доводов, исходя из которых, он больше не может занимать пост председателя Совета министров. Первым пунктом он писал о «всеобщей травле», от которой он чувствует себя «разбитым» и «настолько нервным», что будет не в состоянии сохранять должное хладнокровие⁸⁶⁷. В ответном письме император писал: «Благодарю Вас искренно Сергей Юльевич за вашу преданность мне и за ваше усердие, которые вы проявляли по мере сил на

---

⁸⁶² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 499.

⁸⁶³ Там же. – С. 129.

⁸⁶⁴ Менделеев П.П. Указ. соч. – С. 184.

⁸⁶⁵ Там же. – С. 184.

⁸⁶⁶ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

⁸⁶⁷ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 945. Л. 1; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 500.

том трудном посту, который вы занимали в течение шести месяцев при исключительно тяжелых обстоятельствах»⁸⁶⁸.

В высочайшем рескрипте об освобождении Витте от должности премьера и пожаловании отставному сановнику ордена Александра Невского с бриллиантами Николай II писал: «Я испытываю сердечную потребность выразить вам Мою искреннюю признательность за многочисленные услуги, оказанные вами Родине»⁸⁶⁹. Историк А.Ю. Полунов считает, что на момент отставки Витте с должности председателя Совета министров в его искренность не верил абсолютно никто – ни либералы, ни консерваторы, ни сам царь, а «хамелеонство» первого премьера сделало его непригодным для реализации задач практической политики⁸⁷⁰.

На страницах «Воспоминаний» Витте подробно описывал собственные переживания и презентовал отставку как добровольное, обдуманное и единственно верное в сложившейся ситуации решение, т.к. стремился опровергнуть столь часто встречающуюся в периодических изданиях версию отставки как «бегство сановника с тонущего корабля». Например, в газете «Новое время» (которую мемуарист называл «газетой “чего изволите”»⁸⁷¹, недвусмысленно намекая на «продажность» ее главного редактора А.С. Суворина) в одной из публикаций, посвященной отставке Витте, Суворин провел аналогию между отставкой премьера и «отъездом главнокомандующего с поля сражения накануне генеральной битвы»⁸⁷².

После ухода в отставку Витте продолжал оставаться членом Государственного Совета (по мере необходимости ему было разрешено отлучаться за границу⁸⁷³). Сановник описывал в мемуарах свое намерение уйти в отставку с государственной службы и о разговоре с П.А. Столыпиным

---

⁸⁶⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 946. Л. 1.-1 (об).

⁸⁶⁹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 242. Л. 1. (об).

⁸⁷⁰ Полунов А.Ю. «Русский Торквемада» и «человек из кусочков»: к истории взаимоотношений К.П. Победоносцева и С.Ю. Витте. – С. 55.

⁸⁷¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 266.

⁸⁷² Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1906. 21 апреля.

⁸⁷³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

по этому вопросу⁸⁷⁴. По воспоминаниям Витте, Столыпин сравнил возможный уход Витте с госслужбы с «брошенной удачно анархической бомбой»⁸⁷⁵, после чего он отказался от намерения оставить госслужбу. Однако в пространстве публичной политической коммуникации начала XX в. существовала другая версия относительно готовности Витте уйти в отставку с государственной службы.

О членстве Витте в Государственном Совете и боязни потерять данную должность писал в своем дневнике журналист Дорошевич: «Витте очень охотно беседует с журналистами. Десять месяцев в году в газетах появляются беседы с ними, его отклики на разные государственные злобы дня. И он часто очень резок в отзывах о людях. Но с 1 ноября по 1 января Витте замолкает. Причина? Он член Государственного Совета по назначению. И перед новым назначением Витте не желает говорить. Можно сказать что-нибудь не так. Зачем перед назначением наживать себе врагов. Неужели Витте, – Витте! – боится, что он может не попасть в члены Совета?! – спросил я у журналиста, пользующегося его большими симпатиями и доверием. Тот только улыбнулся и кивнул головой»⁸⁷⁶. Распространенность данной версии можно объяснить прочно закрепившейся за отставным сановником репутацией «властолюбца-карьериста».

Уход Витте с должности председателя Совета министров был оценен представителями прессы не как окончательный уход от дел, а как временная пауза. Подобное восприятие отставки общественным мнением историк Сагинадзе связывает с опытом отставки 1903 г., деловыми качествами сановника и существовавшей на тот момент политической обстановкой⁸⁷⁷. Историки Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин пришли к выводу о том, что сам экс-

---

⁸⁷⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 773; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 510.

⁸⁷⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 510.

⁸⁷⁶ Отрывок из дневника В. Дорошевича 1908 г. Петербург // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁸⁷⁷ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 87.

премьер не мыслил себя отрешенным от власти и отставка 1906 г. стала для него тяжелым испытанием⁸⁷⁸.

«Витте уходил от власти в 1906 году, опальный у Государя и полупризнанный русским обществом. Он не переоценивал своей популярности, сам отлично сознавал свой “фатум”. <...> В тайниках души Витте верил именно в свою политическую звезду, в свое неизбежное “второе пришествие” к власти»⁸⁷⁹, – писал И.И. Тхоржевский. «С самого момента его ухода установилось убеждение, что граф С.Ю. Витте вернется к деятельности... И его имя не сходило все время с уст и со столбцов печати. Его называли кандидатом чуть ли не на все посты. Сам граф С.Ю. Витте относился скептически к этим слухам. Но в то же время он долгое время принимал все меры к возврату к власти; бездеятельность тяготила его и несомненно оказывала на него тяжелое влияние»⁸⁸⁰, – отмечал публицист Л. Львов.

«Звезда Витте временно померкла в 1903 г., чтобы разгореться потом пуще прежнего и когда она опять померкла в 1906 г. все ждали, что она опять взойдет, разгорится и возникали слухи и передавались вести. Но звезда снова не взошла»⁸⁸¹, – писала «Киевская мысль». «Гр. Витте в последние годы весь был в прошлом и, видимо он сам сознавал, что его звезда закатилась навсегда, недаром он уделял в последнее время много времени своим мемуарам, подводя итоги своей государственной деятельности. Его страстная натура, не мирившаяся с положением опального сановника, искала путей к восстановлению утраченного влияния, но борьба оказалась непосильной для престарелого графа»⁸⁸², – помещала в одном из некрологов газета «Раннее утро».

---

⁸⁷⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – С. 394.

⁸⁷⁹ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 81.

⁸⁸⁰ Львов Л. Последние годы гр. Витте // Речь. 1915. 1 марта.

⁸⁸¹ Гарольд. Миниатюры // Киевская мысль. 1915. 2 марта.

⁸⁸² Граф Витте // Раннее утро. Москва. 1915. 1 марта.

Ананьич и Ганелин отмечали, что устраненный в 1906 г. от активной государственной деятельности, Витте до самой смерти вел напряженную политическую борьбу за власть, за непогрешимость собственной репутации и дискредитацию своих противников. Важную роль в этой борьбе играла его публицистическая деятельность (состоящая не только из работ, выходявших под именем Витте, но и включавшая инспирированные им материалы)⁸⁸³.

По мнению историка Ф. Вчисло, Витте приступил к созданию мемуаров в 1907 г. с целью представления собственной версии того, что происходило в годы первой русской революции. На страницах «Воспоминаний» отставной сановник стремился опровергнуть версию данных событий, одобренную императорским двором (прежде всего императором Николаем II и императрицей Александрой Федоровной). В нарративе, одобренном императорским двором, Витте представлен злодеем, ответственным не только за военное поражение и революцию, но и обвиняемым в республиканских симпатиях и предательстве монархического правления. В «Воспоминаниях» автор возложил вину на дворцовую камарилью, политических врагов и на то, что он считал личными слабостями самодержавного государя, которому он служил⁸⁸⁴.

«Покойный граф Витте оставил после себя материалы исключительной ценности. Им составлены два тома воспоминаний о тех лицах, с которыми ему приходилось иметь общение. Тут и сановники, и литераторы, и художники, и журналисты, и рабочие. Всем им граф дает чрезвычайно меткие характеристики, а некоторые так заклеяны, что дали бы многое за то, чтобы уничтожить из мемуаров всякий след своего имени»⁸⁸⁵, – писал публицист А.В. Руманов.

---

⁸⁸³ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте-мемуарист. – С. 15.

⁸⁸⁴ Wcislo F. Op.cit. – Р. 4-5.

⁸⁸⁵ Руманов А.В. Мемуары графа Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

По мнению И.В. Гессена, «эти мемуары для будущих историков России составят незаменимую сокровищницу материалов»⁸⁸⁶. «К несчастью для своей репутации Витте оставил свои мемуары, богатейший и в общем довольно правдивый материал о русском прошлом, но вместе с тем они обнажают его неискоренимую нравственную вульгарность, дышат личной злобой против Государя, уволившего Витте от власти и ненавистью к Столыпину, успешно его заменившему»⁸⁸⁷, – отмечал Тхоржевский. «Как в своей государственной деятельности, так и в своих воспоминаниях Витте выступает без единой руководящей государственной идеи. В них разбросано много отдельных мыслей, но они не объединены ничем, часто совершенно случайны, иногда противоречивы. Единого, цельного мировоззрения нет. Без него С.Ю. Витте и суждено было закончить жизнь просто неудачником, отличавшимся от общего типа русского неудачника крупным умом да внешним положением, “опалой” блестящей, но тем не менее обидной»⁸⁸⁸, – констатировал А.А. Лопухин.

«Легко усваивая всякий предмет он, в сущности, не обладал незыблемо установившимися убеждениями и взглядами, а оппортунизм был вообще свойственен его природе. Цель его была неизменная – экономическое развитие России как основы ее политического могущества, но способы достижения этой цели у него менялись»⁸⁸⁹, – писал о Витте Гурко. «Теории и принципы были не его областью. Но жизнь он видел и понимал, как никто. Он чувствовал, что дело шло к Государственной Думе. А тогда уже, по свойству своей натуры, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь другой, а не он, связал с русской конституцией свое имя»⁸⁹⁰, – убеждал Тхоржевский.

«Мой будущий шеф (как я его про себя называл) показался мне человеком, несомненно, очень умным, но весьма мало откровенным и уже

---

⁸⁸⁶ Гессен И. В. // Речь. 1915. 1 марта.

⁸⁸⁷ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 51.

⁸⁸⁸ Лопухин А.А. Указ. соч. – С. 4-5.

⁸⁸⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 65.

⁸⁹⁰ Тхоржевский И.И. Указ. соч. – С. 53.

совершенно не прямолинейным. Вся его фигура, несмотря на явную болезненность и нервность внушала довольно большое доверие, причем я уверовал, что он энергично хочет добра России, но колеблется относительно путей для достижения желаемых результатов»⁸⁹¹, – считал И.И. Толстой. «Отсутствие элементарной научной подготовки и нравственных устоев было причиной того, что, будучи государственным деятелем, он не был человеком государственным. Для этого он не обладал не только общим государственным планом, но даже руководящей государственной идеей»⁸⁹², – полагал Лопухин.

Несмотря на то, что после 1906 г. Витте не занимал государственных постов он продолжал оставаться яркой фигурой в публичном политическом пространстве. Историк И.В. Лукоянов проанализировал публицистическую деятельность отставного сановника и обозначил некоторые выводы. «На страницах печатных изданий размещались инспирированные статьи, премьер собрал вокруг себя команду из журналистов, которые писали тексты по его заказу (среди них были Б.Б. Глинский, А.Н. Гурьев, И.И. Кольшко, А.В. Руманов, И.М. Троцкий и др.). Тексты были посвящены событиям из прошлого, а задачей было оправдать прежние действия отставного сановника. Также на страницах печатных изданий Витте активно вел полемику с другими (чаще всего тоже отставными) сановниками, например, с А.Н. Куропаткиным. «Виттевские» трактовки минувших событий были представлены достаточно широко и никто не мог утверждать, что сумел им успешно противостоять»⁸⁹³, – отмечал историк.

В 1911 г. была опубликована брошюра, посвященная событиям первой русской революции⁸⁹⁴, ее автором был журналист В.И. фон Штейн (работу он опубликовал под псевдонимом «А. Морской»). Ананьич и Ганелин

---

⁸⁹¹ Толстой И.И. Указ. соч. – С. 36.

⁸⁹² Лопухин А.А. Указ. соч. – С. 4-5.

⁸⁹³ Лукоянов И.В. Премьер в отставке: политическая судьба С.Ю. Витте в условиях третьеиюньской монархии. – С. 294.

⁸⁹⁴ Морской А. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря. – М., 1911. – 128 с.

установили, что о причастности Витте к созданию брошюры было хорошо известно современникам, а сам он был «не так уж сильно заинтересован в сокрытии этой причастности»⁸⁹⁵.

На страницах брошюры убедительно доказывалось, что на «ускорение революционного взрыва» существенное влияние оказали крайне реакционная политика министра внутренних дел Плеве и «свалившаяся как снег на голову» русско-японская война⁸⁹⁶. Существование на протяжении нескольких недель «правительства Носаря» автор брошюры объясняет «предусмотрительной» тактикой в государственном управлении, которая была присуща премьеру Витте, публицист называл сановника «врагом пролития крови в междоусобной войне», а его тактику объяснял необходимостью «взять врага измором»⁸⁹⁷.

Полгода премьерства Витте автор брошюры характеризует как «лихорадочную», «непосильную» работу, «обременявшую его в течение свыше полугода без передышки»⁸⁹⁸. Первейшей задачей нового правительства была кодификация новых правовых норм⁸⁹⁹. В качестве главных заслуг премьера автор выделил возвращение армии (несмотря на забастовки на железных дорогах) и проведение успешных переговоров о новом заграничном займе⁹⁰⁰. Прошение сановника об отставке характеризовалось как «заранее условленное», а главной причиной отставки был назван «его дурной характер [курсивом в источнике – И.В.], всегда мешавший графу быть пешкою в чьих-либо руках, а в тот момент в руках почти диктатора генерала Трепова»⁹⁰¹. Версии причин и виновников первой русской революции, заслуг Витте в подавлении революции и его успешной деятельности периода премьерства, изложенные в брошюре, перекликаются с

---

⁸⁹⁵ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте-мемуарист. – С. 53.

⁸⁹⁶ Морской А. Указ. соч. – С. 7.

⁸⁹⁷ Там же. – С. 113-114.

⁸⁹⁸ Там же. – С. 118-119.

⁸⁹⁹ Там же. – С. 120.

⁹⁰⁰ Там же. – С. 121.

⁹⁰¹ Там же.

версиями этих событий, которые позднее будут представлены в мемуарах Витте.

Политическое поведение отставного реформатора отнюдь не сводилось исключительно к публицистической активности. Экс-премьер тратил достаточное количество усилий на продолжение привычных для него политических интриг, используя как прежние связи (например, с В.П. Мещерским), так и новые, среди которых особое место занимают его контакты с Г.Е. Распутиным. Историк И.В. Лукоянов отмечал, что в 1910 г. в Петербурге были широко распространены слухи о сотрудничестве Витте и Распутина («антистольпинский альянс») и планах Витте вернуться к власти⁹⁰². Э.О. Сагинадзе установила, что Витте действительно принимал активное участие в политической борьбе против действующего главы Совета министров Столыпина в 1909-1910 гг., когда крайне правые силы Государственного совета, недовольные «слишком либеральным» режимом премьера, предприняли несколько кампаний против него. Кампании не увенчались успехом, осуществить задуманное не удалось, во многом, из-за дурной репутации графа: «Говорят, что у враждебной премьеру партии нет флага. Витте же далеко не знамя»⁹⁰³.

В период первой русской революции юдофобия была достаточно острой. Риторика правых радикалов носила агрессивный антисемитский характер. Одним из главных «героев», которому ставили в вину симпатии к евреям, был Витте. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) сохранилась черносотенная прокламация времен первой русской революции, в которой говорилось: «Жидаы вооружены и ждут, чтобы среди общей смуты выкупаться в русской крови. Всех этих крамольников

---

⁹⁰² Лукоянов И.В. Премьер в отставке: политическая судьба С.Ю. Витте в условиях третьеиюньской монархии. – С. 294-295.

⁹⁰³ Сагинадзе Э.О. «Имя его примешивают всюду»: отставной реформатор С.Ю. Витте и российское общество в 1906-1915 гг. // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. стат. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., 2018. – С. 301-302.

поддерживает С.Ю. Витте, женатый на жидовке»⁹⁰⁴. Сам сановник был прекрасно осведомлен о репутации юдофила и на страницах мемуаров стремился ее обелить, объясняя свое отношение к евреям исключительно прагматическими соображениями.

«Относительно еврейского вопроса держусь определенного мнения. Мое убеждение заключается в том, что политика всяких ограничений евреев не может привести ни к какому результату, так как эту политику *a la longue* [в течение длительного времени] выдержать совершенно невозможно. Этому служит примером история еврейства во всех западных государствах»⁹⁰⁵. Витте также отмечал, что он «не юдофоб» и считал единственно верным вариантом разрешения еврейского вопроса постепенное предоставление евреям равноправия. Однако необходимым условием для предоставления евреям равноправия сановник называл заявления еврейства, подкрепленного соответствующим поведением о том, что «оно ничего от Его Величества не просит, кроме одного обращения с ними, как со всеми остальными подданными»⁹⁰⁶. «Я всегда смотрел и смотрю на еврейский вопрос не с точки зрения, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для нас, русских, и для Российской империи»⁹⁰⁷.

Помимо юдофобии еще одной фобией времен первой русской революции и одним из элементов образа Витте в публичном политическом пространстве были активно распространявшиеся слухи о намерении сановника стать первым российским президентом. Тема президентства поднималась как периодической печатью (преимущественно сатирического характера), так и упоминалась в воспоминаниях современников. «“Виселица или президентство?” Новая интересная игра, очень опасная. Дает уроки приезжий из Америки акробат»⁹⁰⁸. «На французском театре теперь дается

---

⁹⁰⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 981. Л. 1.

⁹⁰⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 842.

⁹⁰⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 494.

⁹⁰⁷ Там же. – С. 76.

⁹⁰⁸ “Виселица или президентство?”// Русская Виттова пляска. – 1906. – № 4.

новая пьеса – “La loi du pardon”. В ней жена вновь избранного французского депутата мечтает: Вот теперь мой муж депутат; а потом года через два, будет министром; а там премьером; – а там – Феликсом Фором... [*президент Франции в 1895-1899 гг. – И.В.*]. В эту минуту из первых рядов кресел раздалось восклицание: – Да это Матильда! Весь театр огласился хохотом и рукоплесканиями»⁹⁰⁹.

«Недоброжелатели даже поговаривали, как бы он [*Витте – И.В.*] не спихнул царя, чтобы самому стать президентом русской республики»⁹¹⁰, – утверждал в своих мемуарах лидер конституционно-демократической партии П.Н. Миллюков. Публицист И.И. Колышко писал о том, что в октябре 1905 г. близкие к императору лица говорили монарху, что «Витте хочет свергнуть монархию... Витте хочет сесть президентом республики...»⁹¹¹. «В виду общего недоверия, которое внушал Витте, злые языки говорили, что своими мероприятиями он стремится свергнуть монархический строй и стать президентом республиканской России»⁹¹², – отмечал начальник канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов. П.П. Менделеев писал о мнении правых кругов о Витте как об «изменнике, предателе, мечтающим сделаться президентом республики»⁹¹³.

Министр иностранных дел Извольский упоминал об инсинуациях со стороны «реакционной партии», которые имели целью «восстановить царя против Витте». «Витте как человек честолюбивый, стремится к уничтожению монархии и к провозглашению себя президентом русской республики»⁹¹⁴. «Я имею основание думать, что император неизбежно все больше и больше склонялся доверять этим инсинуациям»⁹¹⁵, – утверждал дипломат.

---

⁹⁰⁹ В Михайловском театре // Виттова пляска. – 1905. – № 1.

⁹¹⁰ Миллюков П.Н. Указ. соч. – С. 214.

⁹¹¹ Колышко И.И. Указ. соч. – С. 149.

⁹¹² Мосолов А.А. Указ. соч. – С. 133.

⁹¹³ Менделеев П.П. Указ. соч. – С. 183.

⁹¹⁴ Извольский А.П. Указ. соч. – С. 22.

⁹¹⁵ Там же.

На страницах «Воспоминаний» Витте не поднимал тему слухов о своем «президентстве», напротив, он обвинял представителей конституционно-демократической партии в намерении установить республику с наследственным президентом, а о своих политических взглядах писал, что придерживается монархических убеждений. По мнению ближайшего сотрудника Витте Менделеева «ни о каком президентстве он [Витте – И.В.], разумеется, и не помышлял»⁹¹⁶.

Фраза «Я знаю, как спасти Россию», приписываемая Витте, также является важнейшим и очень узнаваемым элементом его образа в публичном политическом пространстве. Этот сюжет имел широкое распространение в сатирической графике времен Первой русской революции⁹¹⁷ и в сатирических изданиях⁹¹⁸. Он нашел отражение и в мемуарах Гурко: «Преисполненный веры в себя самого, не задумывающийся громко заявить: “Я знаю, как спасти Россию”»⁹¹⁹, – писал о Витте мемуарист. Сам Витте в одном из писем Суворину писал о том, что он «никогда и никому не говорил, что знает, как спасти Россию»⁹²⁰.

Еще одной крылатой фразой было обращение «братцы-рабочие», сказанное им в адрес Петербургского совета рабочих депутатов. Эта фраза стала темой карикатур периода первой русской революции⁹²¹. На страницах «Воспоминаний» отставной реформатор писал: «Я употребил, обращаясь к рабочим, необыденное в подобных случаях от сановника и главы правительства слово, что я им даю совет товарищеский. Это слово подхватили некоторые газеты, в том числе и «Новое время» и начали над ним

---

⁹¹⁶ Менделеев П.П. Указ. соч. – С. 193.

⁹¹⁷ «Глава праВИТТЕльства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905-1908 годов: альбом карикатур. – С. 67-69; 71-72.

⁹¹⁸ Любимые изречения великих мужей // Гурьевская каша Виттовой пляски. – 1906. – №0.

⁹¹⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – С. 464.

⁹²⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 158.

⁹²¹ «Глава праВИТТЕльства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905-1908 годов: альбом карикатур. – С. 58-59.

издеваться»⁹²². Камергер Тхоржевский в своих воспоминаниях называл данное обращение к рабочим «одною из политических безвкусиц, губивших и погубивших Витте»⁹²³.

В начале 1907 г. имя отставного сановника не сходило с полос периодической печати. Поводом стало неудачное покушение черносотенцев на Витте и его семью (27 января 1907 г. в дымовые трубы особняка на Каменноостровском проспекте были заложены бомбы, «адские машины», которые в результате не сработали). Практически сразу после случившегося в общественном мнении стали циркулировать слухи о том, что покушение было инсценировкой с целью привлечения внимания к фигуре отставного реформатора, эти слухи нашли отражение на страницах черносотенного «Русского знамени». Популярность версии об инсценировке покушения историк Э.О. Сагинадзе объясняет распространенным в общественном мнении образом Витте-политика, привыкшего привлекать внимание публики любой ценой⁹²⁴.

Витте в своих мемуарах подробно изложил обстоятельства покушения и провел собственное расследование⁹²⁵, в результате которого сделал следующий вывод: «Покушение делалось, с одной стороны, агентами крайне правых партий, а с другой стороны, агентами правительства и если я остался цел, то исключительно благодаря судьбе»⁹²⁶. Версию об инсценировке он называл «гнусностью» и негодовал от того, что в эту версию поверил император Николай II⁹²⁷.

Версия Витте о причинах и виновных в покушении на него была высказана на страницах книги Э. Диллона – английского журналиста,

---

⁹²² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 489.

⁹²³ Тхоржевский И.И. Указ. соч.– С. 79.

⁹²⁴ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. – С. 89.

⁹²⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 775-794.

⁹²⁶ Там же. – С. 792.

⁹²⁷ Там же. – С. 783.

наиболее близкого к Витте⁹²⁸. Описывая мотивы покушения на отставного сановника, журналист сделал следующие выводы: «Для Царского государства было выгодно, чтобы Витте умер. И, соответственно, он был приговорен к убийству. Приговор был вынесен не революционерами — у них не было к нему претензий, — а ассоциацией реакционеров, субсидируемой судом и патронируемой императором»⁹²⁹.

Эта история осложнила и без того непростые отношения между нынешним премьером (Столыпиным) и бывшим (Витте). Сохранилась копия письма С.Ю. Витте к П.А. Столыпину с просьбой о независимом рассмотрении материалов о покушении на его жизнь⁹³⁰. В «Воспоминаниях» мемуарист описывал разговор, состоявшийся со Столыпиным в 1909 г. в Государственном Совете⁹³¹. После получения им письма, в котором изложена история покушения на Витте, Столыпин подошел и сказал: «Я от Вас получил письмо по делу о покушениях на Вас, из этого письма надлежит вывести заключение, или что я участвовал в покушении на Вашу жизнь, или что я идиот?»⁹³². На что Витте ответил: «Предоставляю Вам самому ответить на этот вопрос»⁹³³. Витте писал, что после этого диалога: «я с ним более не говорил не слова»⁹³⁴ [*данный фрагмент мемуаров был написан в 1912 г., т.е. после убийства Столыпина – И.В.*].

В мемуарах журналиста Л.М. Клячко описан бюрократический скандал, состоявшийся в Государственном Совете за несколько месяцев до убийства Столыпина [*т.е. 1910 или 1911 г. – И.В.*]. Только что выступавший на заседании Совета Столыпин подошел к Витте и протянул ему руку, на что «граф спокойно отвернулся и отошел в сторону», а «рука премьера

---

⁹²⁸ Dillon E. Op.cit. – P. 192-194.

⁹²⁹ Ibid. – P. 188.

⁹³⁰ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 296.

⁹³¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 1. – С. 792-793; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 511.

⁹³² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – Т. 2. – С. 511.

⁹³³ Там же.

⁹³⁴ Там же.

оставалась висеть перед спиной предшественника»⁹³⁵. По свидетельствам публициста, Столыпин немедленно добился аудиенции у императора, на которой он рассказал о полученном оскорблении и попросил разрешения вызвать Витте на дуэль. Император (который был в то время окончательно настроен против Столыпина) отказал ему и дуэль между сановниками не состоялась⁹³⁶. На страницах «Воспоминаний» Витте данный эпизод не описан.

Конструируя собственный образ политического деятеля времен непродолжительного срока премьерства, сопровождавшегося принятием непопулярных мер, Витте «спасал» свой имидж при помощи репрезентации виктимизированного нарратива («соломенное чучело на огороде»). Он представлял себя в образе «безвластного» объекта всеобщей травли, от которого отвернулись все, включая императора, который стал мишенью для бомб и револьверов, Неблагоприятные внешние конъюнктуры («неуправляемая империя») не позволили ему в полном объеме осуществить властные полномочия и реализовать свои управленческие таланты⁹³⁷.

Свои неудачи на посту председателя Совета министров мемуарист объяснял с позиции «жертвы всеобщей травли». Безусловно, сам факт «травли» государственного деятеля на страницах периодической печати (в первую очередь, черносотенной) имел место быть и в определенной степени влиял на политический процесс пореформенной России. Однако было бы ошибочным объяснять фиаско премьера только лишь его травлей в периодических изданиях.

На момент своего «триумфального возвращения» к реальной власти в 1905 г., Витте был очень опытным политиком, имевшим в общественном мнении репутацию «властолюбца» и «хамелеона» (от которой он пытался

---

⁹³⁵ Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого: Временщики конституции. Два премьера. Еврейское счастье. – С. 72-73.

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ Веревкина И.Н. «Неуправляемая империя» VS «соломенное чучело на огороде» (конструирование образа С.Ю. Витте на страницах «Воспоминаний»). – С. 67.

«отрешиться» в мемуарах). Эти характеристики репутации премьера в значительной мере обусловили отказ общественных деятелей войти в состав правительства и лишили его возможности «опереться на прессу». Конфликт с Дурново (который, по выражению Витте, «принял позу самостоятельности»), недоверие императора и общая нестабильная ситуация в стране осложняла и без того непростое положение главы правительства.

Поскольку Российская империя на протяжении многих веков управлялась самодержавным государем, то «переход» к новому политическому строю и новым политическим реалиям (т.е. к реалиям представительства) должен происходить постепенно. Чтобы переход происходил постепенно, необходима фигура сановника, готового быть «первым министром» при «самодержавном» государе. Вернувшись к «реальной власти», Витте предполагал занять роль «первого министра» в составе «переходного правительства».

Период нахождения Витте в должности председателя Совета министров сопровождался масштабной трансформацией российской политической системы: в России впервые появилось объединенное правительство и парламент, была легализована деятельность политических партий. Несмотря на появление новых политических институтов, российская монархия (сохранявшая титул «самодержец») продолжала занимать центральное место на политической арене. Перед премьером стояла невероятно сложная задача – обустроить новый политический порядок так, чтобы представительство было важным элементом обновленного монархического режима. При новом политическом порядке, центральное место в политической системе занимала трансцендентная фигура самодержавного монарха, а все важнейшие политические преобразования, несмотря на существование правительства и парламента, должны были осуществляться исключительно с санкции монарха. Пока существует форма авторитетного дискурса, данный политический порядок должен соблюдаться. Если в политической практике данный порядок соблюдаться не будет, то это

может нанести удар по образу монарха как центральной фигуры политической системы.

Фиаско кабинета первого премьера можно объяснить совокупностью неблагоприятных факторов. Во-первых, несмотря на масштабные политические преобразования, центральной фигурой политической системы продолжал оставаться монарх. Тот факт, что Николай II опасался «сильных» государственных деятелей, «представлявших собой определенную личность», т.к. видел в них угрозу собственной власти, был широко известен современникам. Одним из таких деятелей был Витте, отношения с которым у монарха не сложились. Во-вторых, широко распространенная в общественном мнении репутация Витте – беспринципного властолюбца-карьериста, готового пойти на любые меры, чтобы удержаться у власти. В-третьих, парадоксальность политических практик нового политического порядка. Несмотря на то, что Витте был главой объединенного кабинета, дела, относившиеся к министерствам двора, иностранных дел, военному и морскому, были выделены из ведения Совета, а министр внутренних дел Дурново, пользуясь поддержкой императора, «проводил самостоятельную политику», что обостряло конфликт с Витте – председателем Совета министров.

Заключение

Чиновник, министр, финансист, государственный деятель и дипломат Витте видел, как его звезда восходила в конце долгого девятнадцатого века, и ему было суждено войной и революцией «упасть с неба»⁹³⁸. На основании «Воспоминаний» можно составить определенный портрет публичного политического деятеля, личности, которая на российском политическом олимпе позднеимперского периода занимает особое место. В мемуарах сановник позиционировал себя как истинного патриота, не принадлежавшего ни к одному политическому лагерю, любящего Россию и всю жизнь служившего на благо Отечества.

Изучив мемуары и комплекс эго-документов С.Ю. Витте в исследовательской парадигме «перформативного поворота» можно сделать ряд выводов.

Авторитетный дискурс был представлен репрезентацией образов монархии (сценарием власти). Институт монархии был безусловным центром всей политической системы России позднеимперского периода. Главной фигурой крайне персонифицированного института монархии являлся сильный, благородный самодержавный правитель, а его притязания на власть обосновывались трансцендентными мотивами. Трансцендентный нарратив российского самодержавия проявлялся через сакральный характер института монархии. В таинстве наследования престола воплощалось божественное происхождение царской власти. После вступления на престол каждого нового монарха, авторитетный дискурс незначительно обновлялся и корректировался, подстраиваясь под личностные качества самодержца. Однако фундаментом сценария власти, независимо от персональных качеств правителя, продолжал оставаться трансцендентный образ неограниченного благородного самодержавного монарха.

---

⁹³⁸ Wcislo F. Op.cit. – P. 244.

Парадоксальность российского самодержавия на уровне дискурса проявлялась в несоответствии между его «формой» и «содержанием». «Форма» авторитетного дискурса сохранялась практически в неизменном виде вплоть до падения монархии. Крайне важное символическое значение для сохранения и трансляции в публичном политическом пространстве «формы» авторитетного дискурса имело использование титула «самодержец». Данный титул, с одной стороны, являлся харизматичным словом, наделявшим правителя аурой трансцендентности; с другой стороны – использование титула после 1905 г. символизировало отказ от разрыва с прошлым. Авторитетный дискурс, несмотря на преобразования 1905-1906 г., продолжил существовать в той форме, в какой он существовал в предшествующие столетия.

Несмотря на сохранение «формы», «содержание» дискурса претерпевало существенные изменения. «Форма» и «содержание» перестают соответствовать друг другу, когда на престол вступает правитель, чьи личностные качества и персонифицированный образ вступают в противоречие с нарративом о трансцендентном образе неограниченного самодержавного монарха. В авторской терминологии Витте, такой правитель «не наделен благородным набором качеств» и поэтому ему трудно соответствовать образу благородного самодержавного монарха.

Витте отмечал, что во время царствования императора Александра III социально-экономическая и геополитическая обстановка оправдывала политику неограниченного самодержавия, а император Александр III обладал набором необходимых «благородных качеств», позволявших ему быть «неограниченным благороднейшим монархом». Отдельные компоненты персонифицированного образа Александра III не вступали в противоречие с нарративом о трансцендентном неограниченном самодержавном монархе, а напротив, дополняли и усиливали его.

Во время царствования Николая II общественно-политическая обстановка была крайне напряженной. Однако личностные качества

последнего российского монарха и отдельные компоненты его персонифицированного образа не позволяли в полной мере реализовывать политику неограниченного самодержавия. Витте указывал на «безвольность», «двуличность», «непредсказуемость» и «женский характер» государя. Эти компоненты персонифицированного образа Николая II вступали в противоречие с нарративом о трансцендентном неограниченном благородном самодержавном монархе – в этом проявлялась парадоксальность монархического дискурса.

Несоответствия между «формой» и «содержанием» авторитетного дискурса стали очевидными как для политических акторов, так и для общественного мнения во время революции 1905 г. и масштабных политических преобразований. Реформы в системе государственного управления 1905-1906 гг., активным участником которых являлся непосредственно Витте, были направлены на то, чтобы привести в соответствие «форму» и «содержание» авторитетного дискурса. Когда монарх «не обладает набором благородных качеств» чтобы быть неограниченным самодержцем, часть его функций делегируются политическим институтам.

До начала реформ 1905-1906 г. в политической сфере России не существовало какого-либо политического института, обладающего полномочиями координировать деятельность органов власти и проводить единую последовательную политическую линию. До тех пор, пока форма и содержание авторитетного дискурса не вступали в противоречие друг с другом, в качестве института, в некоторой степени координирующего деятельность высших сановников, выступала непосредственно фигура императора (однако в повседневных политических практиках это удавалось реализовать не всегда).

Характерной чертой российской политики было активное функционирование полу-институциональных практик принятия политических решений, подразумевавших использование «лазеек» и

«обходных маневров». К данным повседневным политическим практикам в определенные моменты (чаще всего при принятии непопулярных политических решений) были вынуждены обращаться не только представители высшей бюрократии, но и сам император.

Благодаря преобразованиям 1905-1906 гг. политическая система Российской империи существенным образом трансформировалась и усложнилась. В России впервые появилось представительство в лице Государственной думы и объединенный кабинет министров в лице реформированного Совета министров. В политических реформах, результатом которых стало создание новых институтов и появление представительства, Витте видел исторический шанс.

Поскольку Российская империя на протяжении многих веков управлялась самодержавным государем, то «переход» к новому политическому строю и новым политическим реалиям должен происходить постепенно. Чтобы переход происходил постепенно, необходима фигура сановника, готового быть «первым министром» при «самодержавном» государе.

Роль «первого министра» прельщала Витте. С одной стороны, он очень гордился выпавшей ему миссией, с другой стороны, он был крайне разочарован, что далеко не все его преобразования на посту премьера ему удалось воплотить в жизнь и вместо «всенародной любви» он получил травлю и смуту. Ожидания сановника, что умеренные политические реформы остановят революцию и принесут успокоение, а подданные воспримут дарованные монархом преобразования с благодарностью, не оправдались.

Витте активно критиковал своего преемника П.А. Столыпина, который на протяжении пяти лет исполнял роль «первого министра». Мемуарист считал, что политические действия Столыпина наносят ущерб и сводят на нет все политические преобразования, совершенные в период его прошлого премьерства. Отставной сановник настаивал на том, что новый

избирательный закон от 3 июня 1907 г. являлся «государственным переворотом», поскольку он самым бесцеремонным образом нарушал Манифест 17 октября.

Подвергалась самой ожесточенной критике и карательно-репрессивная политика Столыпина. Витте конструировал образ «премьера-хамелеона», который транслирует на заседаниях Государственной думы либеральные речи, но при этом «перестрелял и перевешал десятки тысяч человек и многих совершенно зря». Введение военно-полевых судов Витте называл «экстраординарной и чрезвычайной по своей огульной жестокости мерой», он акцентировал внимание на том, что данная мера была введена при помощи «лазейки в законе». Мемуарист характеризовал действующий политический порядок «самодержавием наизнанку» (самодержавием не монарха, а министра), подразумевая под этим тот факт, что главной фигурой российской политической системы ныне является не монарх, а премьер Столыпин.

Демонстрируя элементы публичного политического поведения, Витте тревожился по поводу своей репутации в пространстве политической коммуникации. Будучи активным государственным деятелем, он предпринимал значительные усилия для того, чтобы сформировать собственную положительную репутацию в общественном мнении, равно как и для того, чтобы «репутация работала на него». В политической борьбе за собственную положительную репутацию сановник отстаивал правоту собственных политических убеждений всеми доступными для него способами, включая «подкуп» и дискредитацию образов своих оппонентов. В целом, вплоть до отставки с поста министра финансов, борьба Витте за правоту собственных политических убеждений в общественном мнении была достаточно успешной. Огромное влияние, которое оказывал глава финансового ведомства на политическую жизнь России (в условиях отсутствия единого коллегиального органа власти), признавали даже его оппоненты.

На момент своего назначения на должность председателя Совета министров и «триумфального возвращения» к реальной власти в 1905 г., Витте был очень опытным политиком, имевшим в общественном мнении репутацию «властолюбца» и «хамелеона» (от которой он пытался «отрешиться» в мемуарах). Эти репутационные характеристики премьера в значительной мере обусловили отказ общественных деятелей войти в состав правительства и лишили его возможности «опереться на прессу». Конфликт с Дурново (который, по выражению Витте, «принял позу самостоятельности»), недоверие императора и общая нестабильная ситуация в стране осложняли и без того непростое положение главы правительства.

Скорую отставку Витте с должности премьера можно объяснить совокупностью неблагоприятных факторов: недоверием императора, продолжавшего оставаться центром политической системы, неоднозначной репутацией в публичном политическом пространстве, парадоксальностью политических практик, допускавших «самостоятельную» политическую линию отдельных министров, несмотря на существование объединенного кабинета.

После отставки Витте продолжал бороться за собственную положительную репутацию в общественном мнении, однако теперь он конструировал свой положительный образ и акцентировал внимание на правильности принятия тех или иных управленческих решений в прошлом. Одним из новых средств политической борьбы стало написание мемуаров. Нельзя не согласиться с И. Гессеном в том, что «Воспоминания» представляют для историков «незаменимую сокровищницу материалов»⁹³⁹ и с А. Румановым в том, что некоторые современники Витте на страницах его мемуаров «так заклеены, что дали бы многое за то, чтобы уничтожить из мемуаров всякий след своего имени»⁹⁴⁰.

---

⁹³⁹ Гессен И. В. // Речь. 1915. 1 марта.

⁹⁴⁰ Руманов А.В. Мемуары графа Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

Витте видел себя первым министром при самодержавном монархе и считал, что он сможет претворить в жизнь преобразования 17 октября, не выходя за рамки «просвещенного самодержавия» и оставив практически в неизменном виде существовавшую политическую форму (самодержавие). Свое фиаско в этих начинаниях мемуарист связывал с политическими интригами и недвусмысленно утверждал, что все беды царствующего императора случились от того, что он Витте «не послушал».

Интеллектуальное наследие С.Ю. Витте – ценный источник по изучению образов власти рубежа XIX – XX вв. Нельзя согласиться с А.А. Лопухиным, утверждавшим, что «как в своей государственной деятельности, так и в своих воспоминаниях Витте выступает без единой руководящей государственной идеи»⁹⁴¹. Государственный деятель и автор «Воспоминаний», будучи воспитанным в монархических традициях, со страниц мемуаров и других печатных работ демонстрировал безусловную приверженность монархическим убеждениям, отставной сановник позиционировал себя как истинного патриота, не принадлежавшего ни к одному политическому лагерю, любившего Россию, всю жизнь служившего на благо Отечества.

Главенствующий институт российской власти, конструированию образа которого сановник уделял особое внимание – это самодержавие. Под влиянием изменений начала XX в. российская политическая система трансформировалась, адаптируясь к новым условиям, однако, по убеждениям С.Ю. Витте, преобразования не должны были затрагивать незыблемые основы самодержавного строя.

Оптика перформативного поворота позволяет проанализировать процессы конструирования и дальнейшей трансформации политических взглядов и убеждений С.Ю. Витте. Благодаря Performance studies представляется возможным рассмотреть и деконструировать алгоритмы, методы и символические проявления самопрезентации политического

---

⁹⁴¹ Лопухин А.А. Указ. соч. – С. 4-5.

деятеля в периоды кризисов и модернизации. Данный методологический инструментарий позволяет погрузиться в сложный исторический контекст и сделать выводы о состоянии власти и публичного политического пространства в эпоху глобальных изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. 543 – Коллекция рукописей Царскосельского дворца.
Оп. 1. – Д. 86, 177, 223, 233, 316, 558, 559, 560, 569, 571, 572.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 560 – Общая канцелярия министра финансов
Оп. 22. – Д. 189, 208, 209, 219.
2. Ф. 727 – Нольде Эммануил Юльевич, барон (1854-1909), статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров
Оп. 1. – Д. 4.
3. Ф. 892 – Балашевы (Балашовы): Николай Петрович (р.1840), обер-егермейстер; Екатерина Андреевна (урожд. гр. Шувалова), его жена; Иван Петрович (р.1842), обер-егермейстер, член Государственного Совета, вице-директор общества поощрения художеств - Помещики и заводчики
Оп. 3. – Д. 203.
4. Ф. 896 – Беклемишев Николай Николаевич (1857-1917), начальник отдела торговых портов главного управления торгового мореплавания и портов, редактор журнала «Море»
Оп. 1. – Д. 34.
5. Ф. 919 – Воронцовы-Дашковы, графы: Илларион Иванович (1837-1916), Министр Императорского Двора и Уделов, наместник на Кавказе; Елизавета Андреевна (рожд. гр. Шувалова), его жена
Оп. 2.– Д. 3293.

6. Ф. 934 – Дурново Петр Павлович (1835-1919), Харьковский и Московский губернатор, управляющий Департаментом уделов, член Государственного Совета

Оп. 2.– Д. 1330.

7. Ф. 1615 – Акимовы: Михаил Григорьевич (1847-1914), министр юстиции, председатель Государственного Совета; Николай Михайлович (1883-не ранее 1917), старший делопроизводитель Государственной канцелярии

Оп. 1. – Д. 10.

8. Ф. 1620 – Богданович Евгений Васильевич, 1829–1914; генерал от инфантерии, член Совета министра внутренних дел (1888-1914), издатель брошюр («народных изданий») патриотического и религиозного содержания, литератор

Оп. 1. – Д. 12.

9. Ф. 1276 – Совет министров (1905-1917)

Оп. 1. – Д. 29, 33, 83.

Оп. 2. – Д. 123, 576, 597.

10. Ф. 1622 – Витте, гр. Сергей Юльевич (1849-1915), министр путей сообщения, министр финансов, председатель Комитета министров, председатель Совета министров

11. Ф. 1662 – Столыпин Петр Аркадьевич (1862-1911), министр внутренних дел, председатель Совета министров

Оп. 1. – Д. 210, 296, 331.

12. Ф. 1672 – Шварц Александр Николаевич (1848-1915), министр народного просвещения

Оп. 1. – Д. 226, 347.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

1. Ф. 459 – Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912) - журналист, драматург, издатель

Оп. 1 – Д. 719.

Оп. 2 – Д. 185.

2. Ф. 1303 – Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888-1946) - писатель, переводчик

Оп. 1 – Д. 447.

3. Ф. 1694 – Руманов Аркадий Вениаминович (1876-1960) - журналист

Оп. 1. – 1353.

Мемуары и эго–документы С.Ю. Витте

1. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. – Л.: Государственное издательство, 1924, Т. I. – 471 с.

2. Витте С. Ю. Воспоминания. Т.I. (1849-1894). Детство. Царствования Александра II и Александра III. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 556 с.

3. Витте С. Ю. По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист. – СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1912. – 75 с.

4. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1904. – 101 с.

5. Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1910. – 272 с.

6. Витте С. Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войне с Японией. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. – 106 с.

7. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 годах. – СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1912. – 588 с.

8. Витте С. Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. – СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1914. – 376 с.

9. Витте С. Ю. Самодержавие и земство: конфиденциальная записка министра финансов С.Ю. Витте (1899). – Штутгарт: Издание редакции «Освобождения», 1903. – 224 с.
10. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 1052 с.
11. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 647 с.

Мемуары, дневники современников

1. Александр Иванович Гучков рассказывает... (Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства). – М.: Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. – 144 с.
2. Бюлов Б. Воспоминания. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 562 с.
3. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – 271 с.
4. Воспоминания В.С. Нарышкиной-Витте. – М.: Русское экономическое общество, 2005. – 327 с.
5. Гессен И.В. В двух веках. Жизненный опыт российского государственного и политического деятеля, члена Второй государственной думы. – М.: Центрполиграф, 2022. – 415 с.
6. Головин Ф.А. Воспоминания. 1870–1918. – М.: Новый хронограф, 2020. – 638 с.
7. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 746 с.
8. Дневник А.Н. Куропаткина. – Нижний Новгород: Нижполиграф, 1923. – 138 с.
9. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2008. – 440 с.

10. Дневники императора Николая II. – М.: Орбита, 1991. – 736 с.
11. Извольский А.П. Воспоминания. – Пг.; М.: Издательство «Петроград», 1924. – 193 с.
12. Кауфман А.Е. Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте // Исторический вестник. – 1915. – № 4. – С. 220-231.
13. Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира: мемуары. – Берлин: Глагол, 1923. – 304 с.
14. Клячко (Львов) Л.М. За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста. – Л.: Издание автора, 1926. – 156 с.
15. Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого: Временщики конституции. Два премьеры. Еврейское счастье. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931. – 176 с.
16. Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. Кн. 2. – СПб., 1991. – С. 56-84.
17. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. – Т.2. – Париж: Издательство журнала Иллюстрированная Россия, 1933.
18. Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 464 с.
19. Кони А.Ф. С.Ю. Витте // На жизненном пути. – Т. 5. – Л.: Типография Санкт-Петербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1929. – С. 246-281.
20. Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2009. – 228 с.
21. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2016. – 1038 с.
22. Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр<афа> С.Ю. Витте). – М.; Пг.: ГИЗ, 1923. – 98 с.
23. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 536 с.

24. Менделеев П.П. Свет и тени моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864-1933. – М.: Кучково поле, 2017. – 752 с.
25. Мещерский В.П. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. – 686 с.
26. Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Издательство политической литературы, 2001. – 636 с.
27. Мосолов А.А. При дворе императора. – Рига: Филин, 1938. – 230 с.
28. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. – М.: Центрполиграф, 2005. – Т. 1. – 605 с.; – Т.2 – 639 с.
29. Проппер С.М. Первый день министра: Листки из воспоминаний // Сегодня. Рига, 1928. 7 октября.
30. Пуанкаре Р. На службе Франции. Президент республики о Первой мировой войне. В 2 книгах. Книга 1.– М.: Центрполиграф, 2022. – 703 с.
31. Руманов А.В. Из воспоминаний. 1. Сергей Юльевич Витте // Новое русское слово. 1961. 23 апреля.
32. Суворин А.С. Дневник. – М.: Книговек, 2015. – 496 с.
33. Суворин Б.А. Из воспоминаний старого газетчика: С.Ю. Витте в Америке // Шанхайская заря. 1928. 9 ноября.
34. Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. – М.: Греко-латинский кабинет, 1997. – 507 с.
35. Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л.: Издательство Л.Д. Френкель, 1924. 572 с.
36. Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. – СПб.: Алетейя, 2020. – 258 с.
37. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 853 с.
38. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918. – 592 с.

Опубликованные материалы переписки

1. Переписка С.Ю. Витте и других лиц // Красный архив. – 1924. – Т.6. – С. 6-47.
2. Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину // Красный архив. – 1926. – Т. 5 (18). – С. 30-48.
3. Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина // Красный архив. – 1926. – Т. 6 (19). – С. 64-82.
4. Переписка Витте и Победоносцева (1895-1905 гг.) // Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – С. 89-116.
5. Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906 гг.) // Красный архив. – 1927. – Т. 3 (22). – С. 153-209.
6. Письмо С.Ю. Витте к В.Г. Глазову // Красный архив. – 1925. – Т. 4-5 (11-12). – С. 28.
7. Портсмут // Красный архив. – 1924. – Т.7. – С. 3-31.

Публицистика

1. Внутренняя политика // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М.: Издание С.П. Катковой, 1898.
2. Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. – 550 с.
3. Морской А. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. – 128 с.
4. Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России. 11 апр. 1879 – 6 апреля 1880. – СПб.: Издание придворного книгопродавца К.К. Ретгера (под фирмою Шмицдорф), 1882. – 167 с.
5. Шарапов С.Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). – СПб.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза», 1895. – 156 с.
6. Dillon E. The Ellipse of Russia. – N.Y. : George H. Doran Company, 1918. – 423 p.

Периодическая печать

Журналы

Исторический вестник: историко-литературный журнал, СПб., 1892-1915.

Русская мысль: литературно-политический журнал, М., 1892-1915.

Русская старина: исторический журнал, СПб., 1892-1915.

Газеты

Биржевые ведомости: газета политическая, экономическая и литературная, СПб, 1892-1915.

Вечернее время: ежедневная вечерняя газета, СПб, 1911-1915.

Виттова пляска: право-монархическая сатирическая газета, СПб., 1905.

Гурьевская каша Виттовой пляски: право-монархическая сатирическая газета, СПб., 1906.

Земщина: крайне право-монархическая газета, СПб., 1909-1915.

Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края, Киев, 1892-1915.

Киевская мысль: политическая и литературная газета, Киев, 1906-1915.

Московские ведомости: политическая и литературная газета, М., 1892-1915.

Новое время: политическая и литературная газета, СПб, 1892-1915.

Приазовский край: газета политическая, экономическая и литературная, Ростов-на-Дону, 1915.

Раннее утро: политическая и литературная газета, М., 1907-1915.

Речь: орган Конституционно-демократической партии, СПб., 1906-1915.

Русская Виттова пляска: право-монархическая сатирическая газета, СПб., 1906.

Русские ведомости: общественно-политическая газета, М., 1892-1915.

Русское знамя: орган «Союза русского народа», СПб., 1906-1915.

Русское слово: газета политическая, общественная, экономическая и литературная, М., 1895-1915.

Русь: литературно-политическая славянофильская газета, М., 1885.

Санкт-Петербургские ведомости: литературно-политическая газета, СПб, 1892-1915.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии

1. Абалкин Л.И. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте. – М.: Ин-т экономики РАН, 1999. – 53 с.
2. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
3. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801 - 1914). – М.: Европа, 2006. – 672 с.
4. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.
5. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – 200 с.
6. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С. Ю. Витте – мемуарист. – СПб.: Ин-т российской истории РАН, 1994. – 95 с.
7. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 430 с.
8. Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. – СПб.: Алетейя, 2022. – 234 с.
9. Бахманн- Медик Д. Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 502 с.
10. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
11. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – СПб.: Азбука-Классика. Non-Fiction, 2021. – 640 с.
12. Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 300 с.
13. Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. по 1917 г. – М.: Учпедгиз, 1960. – 215 с.

14. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2001. – 320 с.
15. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. – М.: РОССПЭН, 2009. – 550 с.
16. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. – СПб.: Наука, 1991. – 221 с.
17. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М.: Госфиниздат, 1960. – 414 с.
18. «Глава правИТТельства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905–1908 годов. [Альбом карикатур] / Авт.-сост. Э.О. Сагинадзе; науч. ред. А.А. Россомахин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 240 с.
19. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
20. Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти. – СПб.: Алетейя, 2007. – 480 с.
21. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М.: Наука, 1975. – 350 с.
22. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. – СПб.: Алетейя, 2016. – 1080 с.
23. Долакова М.И. Социально-экономические реформы С.Ю. Витте, 1892-1903 гг. – СПб.: Инфо–да, 2005. – 103 с.
24. Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М.: РГГУ, 2006. – 495 с.
25. Жуйкова Т.Н. Экономическая концепция С. Ю. Витте на рубеже XIX – XX вв. – Воронеж: Воронеж. высш. шк. МВД России, 1997. – 190 с.
26. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

27. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. – М.: Мысль, 1970. – 444 с.
28. Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. – М.: РЦОИТ, 2006. – 240 с.
29. Ивакин Г.А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905-1917 гг. – М.: Этносоциум, 2014. – 248 с.
30. Игнатъев А.В. Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века. (Россия перед вызовами новой эпохи). – М.: ГЕОС, 2011. – 220 с.
31. Игнатъев А.В. С.Ю. Витте–дипломат. – М.: Международные отношения, 1989. – 336 с.
32. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. – Пермь: Пермское книжное издательство, 2006. – 368 с.
33. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906 – 1917. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1995. – 168 с.
34. Колоницкий Б.И. #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 143 с.
35. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 783 с.
36. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. – М.: Терра, 1998. – 462 с.
37. Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров в России 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1982. – 183 с.
38. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. – Челябинск: Социум, 2004. – 753 с.

39. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. – 448 с.
40. Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. – М.: РОССПЭН, 2017. – 431 с.
41. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). – СПб.: Азбука-Классика. Non-Fiction, 2022. – 608 с.
42. Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма. – СПб.: Лики России, 2003. – 413 с.
43. Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2001. – 212 с.
44. Лутохин Д.А. Граф С.Ю. Витте как министр финансов. – Пг.: Типография «Двигатель», 1916. – 40 с.
45. Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905-1917. – М.: Квадрига, 2018. – 238 с.
46. Мартынов С.Д. Государство и экономика: система Витте. – СПб.: Наука, 2002. – 405 с.
47. Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 146 с.
48. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
49. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 583 с.
50. Мурашева Е.В. Центризм как общественно-политическое явление. – М.: РОССПЭН, 2010. – 309 с.
51. Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила. Философские работы. – СПб.: Алетейя, 2006. – 335 с.

52. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
53. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. – М.: РОССПЭН, 2010. – 374 с.
54. Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.
55. Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. – Ярославль: Ньюанс, 2012. – 388 с.
56. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 496 с.
57. Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 280 с.
58. Сироткин В.Г. Великие реформаторы России. – М.: Знание, 1991. – 226 с.
59. Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: проблема законотворчества. – М.: РОССПЭН, 2018. – 351 с.
60. Соловьев К. А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906-1917 годах. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 352 с.
61. Софьин Д.М. Романовы. Консерваторы. Власть: политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конец XIX – начало XX века. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2013. – 284 с.
62. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). – Л.: Наука, 1977. – 270 с.
63. Струве П.Б. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики. – М.; Пг: Книгоиздательство «Русская мысль», 1915. – 7 с.

64. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. – М.: Наука, 1978. – 279 с.
65. Тен Н. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991-2010). – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 296 с.
66. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: ОГИ, 2002. – 608 с.
67. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – М.: ОГИ, 2004. – 796 с.
68. Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 584 с.
69. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. – Л.: Наука, 1981. – 275 с.
70. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
71. Burbank J., Von Hagen M., Remnev A. (eds.). Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. – Bloomington: Indiana University Press, 2007. – 538 p.
72. Burke K. A Grammar of Motives. – N.Y.: Prentice-Hall, 1945. – 517 p.
73. Geertz C. Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. – Princeton: Princeton University Press, 1980. – 295 p.
74. Harcave S. Count Sergei Witte and the twilight of Imperial Russia. – N.Y.; London: M.E. Sharpe, 2004. – 324 p.
75. Hughes L. The Romanovs: Ruling Russia, 1613-1917. – London: Hambledon Continuum, 2008. – 308 p.
76. Schechner R. Performed Imaginaries. – N.Y.: Routledge, 2015. – 196 p.
77. Turner V. Dramas, fields, and metaphors symbolic action in human society. – Ithaca: Cornell University Press, 1975. – 316 p.

78. Verner A. The crisis of Russian autocracy: Nicolas II and the 1905 revolution. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 372 p.

79. Von Laue T. H. Sergei Witte and the industrialization of Russia. – N. Y.; London: Columbia University Press, 1963. – 360 p.

80. Wcislo F. Tales of imperial Russia. The life and times of Sergei Witte, 1849-1915. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 329 p.

81. Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. – N.Y.: Bloomsbury Academic, 2018. – 256 p.

82. Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. – Boston: Academic Studies Press, 2014, – 442 p.

Статьи

83. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты «Московских новостей» // Проблемы общественной жизни и экономическая политика России XIX – нач. XX веков. – Л., 1972. – С. 12-33.

84. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Кризис власти в России: Реформы и революционный процесс. 1905-1917 гг. // История СССР. – 1991. – №2. – С. 96-106.

85. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения СССР. – 1963. – Т.5. – С. 298-374.

86. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р. А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания "охранителей" в 1881–1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. – Л: Наука, 1971. – С.299-326.

87. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 32-53.

88. Андреев Д.А. Правительственная «Перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – №2 (1). – С. 208-215.
89. Берк П. «Перформативный поворот» в современной историографии // Одиссей: человек в истории. – 2008. – С. 337-354.
90. Вежбицкая А. «Культурно-обусловленные сценарии»: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. – 1999. – №2. – С. 112-132.
91. Веревкина И.Н. «Неуправляемая империя» VS «соломенное чучело на огороде» (конструирование образа С.Ю. Витте на страницах «Воспоминаний») // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 61-70.
92. Веревкина И.Н. Правые в оптике репрезентаций С. Ю. Витте // Вестник Пермского университета. История. – 2022. – №3(58). – С. 115-124.
93. Витенберг Б.М. К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1985. – Т. XVII. – С. 248- 260.
94. Вчисло Ф. Витте, самодержавие и империя: мечты конца XIX века // Россия XXI в. – 2001. – №4. –С.144-161.
95. Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте – первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Ордынца // Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Английская набережная. – СПб., 1997. – № 4. – С. 325-342.
96. Гаврилов К.В. Первый премьер-министр России– заложник и жертва противостояния самодержавной власти и общества // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – С. 26-33.
97. Голиков А.Г. Воспоминания С.Ю. Витте: публикации и публикаторы // Российская история. – 2021. – №6. – С. 159-167.
98. Демехина Д. О. «Репетиция театрального производства» как ключ // Новое литературное обозрение. – 2018. – №2 (150). – С. 324-327.

99. Демехина Д.О. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Ричарда Шехнера // Артикульт. – 2017. – №28 (4). – С. 144-152.
100. Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки. – М., 2011. – С.226-235.
101. Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. – 1972. – №8. – С. 119-140.
102. Карабущенко П.Л. Имперские элиты России в воспоминаниях графа С.Ю. Витте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. – №87. – Ч.2. – С. 16-19.
103. Кирьянов И.К. «Номо politicus» и публичный политик в России начала XX века // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2004. – №3. – С. 70-78.
104. Корелин А.П. С.Ю. Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. – М., 1991. – С. 8-48.
105. Лукоянов И.В. Премьер в отставке: политическая судьба С.Ю. Витте в условиях третьей монархии // Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. стат. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., – 2018. – С. 286-298.
106. Лукоянов И.В. С.Ф. Шарапов и С.Ю. Витте // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сб. стат. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. – СПб., 2006. – С. 337-341.
107. Мидлин А.Б. Политика С.Ю. Витте по «еврейскому вопросу» // Вопросы истории. – 2004. – №4. – С. 120-135.
108. Миронова Г.Е. Сергей Юльевич Витте // Преподавание истории в школе. – 1995. – №4. – С. 17- 21.
109. Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. – 2017. – №4 (57). – С. 36-45.

110. Побережников И. В. Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. – 2020. – №1 (66). – С. 140-148.
111. Побережников И. В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. – 2013. – №2 (21). – С. 18-23.
112. Полунов А.Ю. «Русский Торквемада» и «человек из кусочков»: к истории взаимоотношений К.П. Победоносцева и С.Ю. Витте // Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. стат. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., 2018. – С. 42-55.
113. Романов Б.А. Витте как дипломат (1895-1903 гг.) // Вестник Ленинградского университета. – 1946. – №4-5. – С. 150-172.
114. Романович Н.А. О базовых аспектах образа власти в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – №5. – С. 16-24.
115. Сагинадзе Э.О. «Имя его примешивают всюду»: отставной реформатор С.Ю. Витте и российское общество в 1906-1915 гг. // Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. стат. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., 2018. – С. 299-323.
116. Сагинадзе Э.О. Смерть графа Сергея Юльевича Витте: отклики и суждения в российской прессе // Российская история. – 2013. – №4. – С. 86-100.
117. Сагинадзе Э.О. Состояние и перспективы позднеимперской России: новые подходы к изучению // Новое прошлое. – 2019. – №2. – С. 202-207.
118. Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Русский труд») // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. – 2008. – №2. – С. 69-77.

119. Соловьев К. А. Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 2. – №2. – С. 48-69.
120. Соловьев К. А., Шелохаев В. В. Кризис империи как историографическая проблема // Российская история. – 2019. – №2. – С. 142-157.
121. Соловьев К.А. Бюрократия versus бюрократия: парадоксы государственной службы в России в конце XIX — начале XX веков // Новое литературное обозрение. – 2017. – №2. – С. 113-121.
122. Суслов М.Д. Неославянофилы в борьбе с реформами С.Ю. Витте: экономическая утопия Сергея Шарапова // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2009. – №2. – С. 102-113.
123. Ткаченко М.А. Фонд С. Ю. Витте в ЦГИА СССР и задачи критики «Воспоминаний» С. Ю. Витте // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – М., 1977. – С. 186-197.
124. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. – 1991. – №2. – С. 119-128.
125. Федяшин А. А. Консерватор, прагматик, реформатор: к переоценке Александра III // Проблемы реформирования России на рубеже XIX – XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. стат. / под ред. Э.О. Сагинадзе. – СПб., 2018. – С. 27-38.
126. Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Трансформация самодержавия в Российской империи в начале XX в.: Взгляд С.Ю. Витте // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2021. – Т. 5. – №3. – С. 923-965.
127. Badcock S. Talking to the People and Shaping Revolution: The Drive for Enlightenment in Revolutionary Russia // *The Russian Review*. – 2006. – Vol. 65. – №4. – P. 617-636.
128. Bowman L. Bourgeois Self-Representation and Business Tax Reform in Late Imperial Russia // *The Russian Review*. – 2009. – Vol. 68. – №4. – P. 583-606.

129. Fedyashin A. Sergei Witte and the Press: A Study in Careerism and Statecraft // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2013. – Vol. 14. – №3. – P. 507- 534.

130. Kolonitskii B. Before and after the Revolution // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2019. – Vol. 20. – №1. – P. 179-183.

131. Morrissey S. Violence, Publicity, and Incitement in the Russian Revolution of 1905–7 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2020. – Vol. 21. – №3. – P. 489- 523.

132. Perrie M. Samozvanstvo and the Legitimation of Power in Russian Political Culture // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2019. – Vol. 20. – №4. – P. 855-864.

133. Wcislo F. Sergei Witte and His Times: A Historiographical Note // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2004. – Vol. 5. – №4. – P. 749-758.

134. Weeks T. Identity in Late Imperial Russia: Nation, Culture, Politics // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2004. – Vol. 5. – №4. – P. 735- 747.

135. Wortman R. The Representation of Dynasty and "Fundamental Laws" in the Evolution of Russian Monarchy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2012. – Vol. 13. – №2. – P. 265- 300.

Диссертации

136. Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894-1904 годах: дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2022. – 663 с.

137. Гаврилов К.В. С. Ю. Витте и общественное мнение об его государственной деятельности: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009. – 236 с.

138. Дорофеева А.В. Эволюция образа власти в массовой культуре России в конце XIX – начале XX вв.: дисс... канд. историч. наук. – М., 2009. – 199 с.

139. Новосельский С.С. Правительствонные проекты преодоления революционного кризиса в 1905 г. в России: дисс... канд. историч. наук. – М., 2019. – 376 с.

140. Сагинадзе Э.О. Образы отставного сановника: С. Ю. Витте и общественное мнение (1906-1915 гг.): дисс... канд. историч. наук. – СПб., 2013. – 252 с.

141. Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892-1903 гг.): дисс... канд. историч. наук. – М., 2008. – 267 с.

142. Ткаченко М.А. «Воспоминания» С.Ю. Витте: Вопросы источниковедческого анализа: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 217 с.